

Альманах фантастики **Фантаскоп**

октябрь месяц года сто девяносто четвёртого от
Рождества Алексея Толстого

№0067
2011

Авторы:

Алексей Зайцев
Араик Багдасарян
Владимир Васильев (Василид 2)
Сергей Васильев
Кристина Вильгельми
Владимир Голубев
Сергей Говоров
Алексей Дуров
Евгения Халь, Илья Халь
Алексей Карелин
Сергей Криворотов
Владислав Кузнецов
Олег Марковский (Папа О.)
Александр Андреев
Сергей Удалин
Евгений Якубович
Владимир Яценко
Эдуард Стиганцов
Владимир Мясников

Барон Мюнхгаузен славен не тем, летал или не летал, а тем, что не врет!

ISSN 2219-6552 (The press)
ISSN 2220-2781 (The electronic edition)

<http://fantascop.ru>
<http://фантаскоп.рф>

Журнал (Альманах) Фантастики

ФАНТАСКОП

О журнале

(по ГОСТ 7.60-2003 — Альманах)

Проект «ФАНТАСКОП» родился в память о трагически погибшем 31.07.2008 г. Ташкине Дмитрии Сергеевиче, меценате, благотворителе, да и просто очень хорошем человеке. Страстным любителем неба, авиации и хорошей фантастики. Самолет в честь него мы сделать не можем, а вот альманах фантастики смогли.

Выражаем огромную благодарность всем его друзьям и близким людям, которые помогли в реализации этого проекта!

«ФАНТАСКОП» создан с некоммерческой целью и является самокупаемым (но не прибыльным) и направлен навстречу самой широкой читательской аудитории, любящей современную фантастику и фэнтези.

Миссия журнала в литературе — призвать людей думать, а не обходиться «жвачкой для мозгов», которой сейчас в изобилии. Именно по этой причине мы тщательно подбираем авторов и их произведения.

Мы приглашаем к сотрудничеству новых авторов, работающих в данных стилях и желающих донести свое творчество до читателя. Также приглашаем художников и фотодизайнеров для оформления журнала.

Свои работы и предложения Вы можете отправлять на info@fantascop.ru

Сайт журнала: www.fantascop.ru, и на нем Вы найдете всю необходимую информацию.

ISSN 2219-6552 (The press)
ISSN 2220-278 (The electronic edition)

<http://fantascop.ru>
<http://фантаскоп.рф>

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Жила-была Смерть...

Громадное количество людей испокон веков стремилось одержать победу над смертью или, по крайней мере, тем или иным способом снять ограничения, накладываемые ею на возможности познания окружающего мира. Но более всех преуспели в этом пока только фантасты. И пусть выдуманные образы и другие реальности родились и живут до поры до времени лишь в головах их создателей. Что с того? Ведь это – не навсегда. Вот, например, что происходит прямо сейчас? Ты, читатель, смотришь на этот текст и, значит, уже стоишь у ворот других миров, читаешь надпись на створках. Они не запечатаны замком. Потому ты долго не удержишься здесь – приложишь небольшое усилие и войдешь туда, где узнаешь, что при определенных условиях смерти можно избежать, но жизнь бок о бок с теми, кому умирать – серьезное испытание (К. Вильгельми, «Один процент бессмертия»). Если же наличие условий тебе претит, то, проделав небольшой путь, попадешь в будущее, где старуху с косою люди подсылают друг к другу в качестве брутальной шутки, от которой, впрочем, нет никакого ущерба кроме дня, потерянного на восстановление «из небытия» (В. Кузнецов, «Из пункта А в пункт Б (Смерть как шутка)»). Мало того – впадешь в шок, от того, что встретишься с давно умершим родственником и вдруг поймешь, что видел его часом раньше у подъезда и он хотел... язык не поворачивается... просто ужас, что хотел!... (О. Марковский, «Парадокс дедушки»). В нескольких строках сложно передать эмоции, вложенные авторами в упомянутые и другие – не менее интересные и глубокие – произведения этого выпуска «Фантаскопа». Потому – открывайте уже ворота и – в путь!

*Искренне Ваш,
Александр Гудко*

РАССКАЗЫ

КЛУБ БЕГСТВА

Хек сидел в черном кожаном кресле и курил трубку. Большие карие глаза его были грустны. На столе перед ним стоял наполовину пустой бокал кренди. В хвосте была зажата бутылка крепчайшего лауста. Музыкальный проигрыватель уже час играл одну и ту же унылую мелодию. Все говорило об одном, — наследником многомиллионного состояния, коренным локинианцем Хеком Грауфом вновь овладела скука.

Впрочем, тут нет ничего удивительного, — когда у вас в распоряжении находится более двадцати миллионов лаворишей, жизнь становится слегка скучноватой. Почему? Элементарно! Вам уже не нужно трудиться в поте лица, чтобы заработать себе на пропитание, не нужно думать о карьере и... вы бы конечно могли заняться приумножением имеющегося у вас состояния, но для этого необходимо наличие деловой жилки, а у Хека, в отличие от его покойного отца, заработавшего бешеные деньги, такой жилки не было и в помине. Поэтому, все, что ему оставалось это лишь проматывать имеющийся капитал, а это Хеку уже порядком поднадоело. В самом деле, ну на что их тратить эти лавориши? На выпивку? Деликатесы? Женщин? Все это давно уже успело Хеку набить оскомину. А поскольку больше Хек ничего делать не умел и не имел никаких увлечений, ему оставалось только скучать. С чем он успешно и справлялся. От скуки Хек стал ежедневно обзванивать всех своих университетских приятелей и расспрашивать их, о том, как борются со скукой они. К сожалению, в большинстве своем способы были все те же, что и у Хека, и потому, оставались последнему безынтересны. Но, как это обычно бывает, тот, кто не останавливается на достигнутом, обязательно добивается чего хочет. И вот, Хек дозвонился до своего старого приятеля Гефа, который сообщил ему нечто такое, отчего по хвосту у Хека забегали мурашки.

— Ты спрашиваешь, как я борюсь со скукой? — переспросил Геф. — Элементарно. Я вступил в Клуб бегства.

— Это еще что за штука? — удивился Хек.

— Это такое экстремальное развлечение. Могу и тебя втянуть в это дело, но учти, оно довольно опасное.

— Вот как? — Хек промочил горло кренди.

— Да. Но зато, лучшего лекарства от скуки не найдешь во всей вселенной, — голос у Гефа был необыкновенно счастливый, в нем не было и намека на ту скуку, что так изводила беднягу Хека.

— И что же это за штука?

— Тебе подробно рассказать или вкратце?

— Лучше подробно, — Хек поудобнее устроился в кресле и, закурив трубку, выдул большую струйку дыма, тут же опутавшую его замечательные черные усики.

— Ну, тогда слушай. Для начала я привожу тебя в клуб. Там ты должен будешь сделать вступительный взнос в сумме пятьдесят тысяч лаворишей и приобрести лицензию на бегство за триста тысяч лаворишей.

— Ничего себе! — присвистнул Хек.

— А как ты хотел? Это развлечение не для бедных.

— Ну ладно, и что же дальше?

— Дальше клуб обеспечивает твоё перелет на Землю. Ты сам организуешь себе бегство, раззадоривая охотящихся землян, после чего, единственной твоей задачей становится красиво убежать.

— Что значит убежать? — Хек вытянул хвост и выключил надоевшую ему мелодию.

— О, тут я умолкаю. Боюсь мне не хватит ораторского умения, чтобы описать тебе искусство бегства во всей красе. Могу лишь сказать, что это поразительная вещь, что...

— Ты лучше скажи, что мне нужно будет делать, — не вытерпел Хек.

— Повторюсь, и еще раз скажу, что бегство это целое искусство. Не каждый способен им овладеть. Понятно, что нам ничего не стоит уйти от преследования землян. Понятно, что мы в любую секунду способны уничтожить и их самих и их смешное оружие. Но вот суметь красиво от них убежать, да так, чтобы им казалось, будто бы сила на их стороне, а не на нашей, это настоящее мастерство. И, кроме того, тот факт, что земляне все-таки способны поймать тебя, если ты будешь слишком неосторожным и даже убить, совершенно фантастично подстегивает нервы. В общем, о скуке ты забудешь раз и навсегда.

— Что ж, звучит заманчиво. Хотелось бы испытать эту штуку в действии.

— Нет ничего проще. Бери в лапы триста пятьдесят тысяч и приезжай завтра утром ко мне.

— Договорились! — повесив трубку, Хек с радостью почувствовал, что скука немного отползла назад. Довольный этим обстоятельством он протянул хвост к столику с крепкими напитками, обхватил бутылку кренди и, притянув ее к себе, сделал сразу три больших глотка. Потом поставил бутылку обратно и как самый несчастливый локинианец на свете принялся вальсировать по комнате.

Уже на следующее утро Хек с Гефом стояли у дверей Клуба бегства. Клуб располагался в большом каменном здании, необыкновенно красивом и дорогом. Когда они вошли внутрь, Геф повел своего друга по длинным, стильно обставленным коридорам, знакомиться с руководством. Руководителем клуба оказался толстый локинианец с крошечным хвостиком и огромными когтистыми лапами. Звали его Дюспат Гин. Он задал Хеку несколько вопросов, чтобы выяснить, чего именно последний хочет добиться от бегства, какие возлагает на него надежды. Хек, как его и проин-

структурировал Геф, сказал, что мечтает постичь искусство бегства и раствориться в прекраснейшем из локинианских инстинктах, — инстинкте самосохранения. Он так же пообещал не обижать беззащитных землян и вести себя строго в соответствии с правилами, установленными Клубом. После этого собеседования, Хек заплатил вступительный взнос и, став уже полноправным членом Клуба бегства, приобрел за триста тысяч лаворишей лицензию на одно бегство. Потом Геф познакомил его с тремя бывальыми беглецами: Лодом, Гилом и Кламом.

— Откровенно говоря, я вам даже завидую, — сказал Хеку Лод.

— Почему? — поинтересовался тот.

— Первое бегство несравнимо ни с чем. Это как первый поцелуй или первая свадьба. Дальше бегство становится изощренней и профессиональней, но столько эмоций как в первый раз оно уже не дарит.

— Вот как?

— Да. Первое бегство это нечто особенное! — согласился с Лодом Гил.

— Вы уж постарайтесь, уважаемый Хек, чтобы оно прошло искусно, — добавил Клам. — Не позволяйте землянам расслабляться, используйте всю свою фантазию в полную мощь, когда будете провоцировать их на преследование. Убегите от них красиво. Убегите от них так, чтобы впоследствии вы могли гордиться своим первым бегством.

— Тем паче, что оно наверняка будет не последним в вашей жизни. Ибо я еще не видел ни одного беглеца, который бы не приобрел время спустя еще одну лицензию на бегство. А потом еще и еще, — вставил Лод. — Ведь бегство, на мой взгляд, самое большое удовольствие из доступных локинианцу в жизни.

— Вот как? — удивился Хек.

— Бесспорно, — улыбнулись Хеку все трое беглецов-профессионалов.

Спустя две недели Хек уже собирал в дорогу вещи. Взял он с собой не так уж и много — бутылку кренди, трубку для курения, пару любимых книг и полный комплект снаряжения для профессионального беглеца, подаренный при вступлении в клуб. Когда вещи были собраны, он в сопровождении Гефа добрался до космодрома, где его уже ждал фирменный космолет Клуба бегства. Геф обнял своего друга, пожелал ему удачной охоты и отправился домой, а позабывший в последнее время о своей скуке Хек поудобней уселся в каюте и, выпив парочку бокалов кренди, уснул.

Вскоре космолет прибыл на Землю. Хека по традиции дружески похлопали по плечу, вручили ему распечатку правил установленных Клубом для беглецов, пожелали удачного бегства, дали пару мудрых советов, карту местности и высадили в земных джунглях, где по сведениям Клуба, как раз сейчас, блуждали три землянина, идеально подходящие для организации бегства.

— Мало вам, солнца, так вы еще и костер развели! — сказал Орлев, с неудовольствием покосившись на своих спутников.

— Не ной, — весело проговорил Ларин, — есть же что-то надо.

— Консервы вы конечно есть не можете...

— А почему собственно мы должны есть консервы, если у нас в хозяйстве имеется натуральное мясо? — возмутился Воронов. — К тому же, если его сейчас не съесть, оно быстро испортится, и единственно, что с ним можно будет сделать это отдать на растерзание местным стервятникам.

— Да я не о том, — примирительно пробормотал Орлев, — просто жарко уж очень. С ума схожу от этой жары.

— А чего ж ты хотел? — усмехнулся Ларин, — здесь самое жаркое место на всем земном шаре. Такого климата ты больше нигде не найдешь.

— От этого мне не легче...

— Зря мы тебя с собой взяли, — сказал Воронов, подкладывая в костер поленья. — Что ж ты за охотник такой? Охота она и построена на преодолении трудностей. Не нравится жара, сидел бы дома, в уюте, под свежими струйками кондиционера.

— Неправда! — возмутился Орлев, — мне всегда нравилась охота. — Просто слишком уж жарко в этой проклятой Африке!

— Ну, извини, в Москве тигры не водятся! — усмехнулся Воронов, глотнув воды из фляжки.

— А я вообще не понимаю, чего это вам так приспичило охотиться на тигра. Лучше бы мы бы уток постреляли.

— Понимаешь, старичок, охота это в первую очередь искусство, а не просто стрельба по кому-либо. Охотиться надо красиво. Так, чтобы в тебе проснулся древний инстинкт охотника, заложенный у нас в генах, доставшийся нам от предков.

— Да, что ты ему объясняешь, — вздохнул Воронов, обреченно махнув на Орлева ладонью, — ему нас не понять, он не охотник, так...любитель уток в тире пострелять.

— Да ну вас! — обиделся Орлев и, встав с насиженного места, отправился в палатку.

— Зря ты его так, — улыбнулся разделяющий ножом мясо Ларин, — он, в сущности, неплохой парень.

— Ничего, это ему только на пользу, — усмехнулся Воронов, накалывая первый, сочащийся кровью кусок мяса на шампур.

Хек с удовольствием подставил свою острую мордочку теплему земному солнцу. Ему необыкновенно здесь нравилось, — кругом росли экзотические растения, пели забавные земные птицы, шныряли туда — сюда смешные зверь-

ки и насекомые. Хек достал из рюкзака флягу с кренди и сделал один глоток. «Да, все-таки, что не говори, а бегство занятая вещь, — думал он, — вот, хотя бы на Земле побывал». Потом Хек достал прибор выслеживания, выданный ему при вступлении в клуб и, включив его, внимательно посмотрел на экран. Неподалеку, безусловно, находились земляне. Хек удовлетворенно хмыкнул, — можно было приступить к бегству. Наскоро пробежав глазами первую главу учебника юного беглеца, где было сказано о том, как лучше всего спровоцировать землян на преследование, он сделал еще один глоток кренди и направился в ту сторону, где по данным прибора выслеживания, находились земляне. Хвост Хека весело пританцовывал по земле.

Было десять часов утра: Воронов рубил дрова для костра, Орлев сидел у самой палатки и ел бананы, а Ларин забыл ради малевал карандашом в блокноте тигра, шкуру которого они теоретически должны были добыть в ближайшие дни.

— Обожаю, охоту! — сказал вдруг Воронов, оторвавшись на миг от своего трудоемкого занятия. — Я уже вижу, как мы идем по следу этого полосатого монстра, как мы выслеживаем его, загоняем в ловушку и...

— И он нас лопает, — засмеялся Орлев.

— Эх, ты, покоритель природы! — улыбнулся Воронов. — Нет все-таки в тебе охотничьего духа!

— А вот и есть! Просто я не выставляю его напоказ, как некоторые!

— Ну, тогда право всадить пулю в тигра мы с Лариным уступим тебе!

— Ну ладно вам, не ссорьтесь, — Ларин, наконец, отложил в сторону блокнот и потянулся за флягой с виски, — нет, чтобы природой полюбоваться, а они все пререкаются! Лучше вокруг посмотрите: солнце, пальмы, птицы поют, насекомые стрекочут, кенгуру разгуливают...

— Какие еще кенгуру? — Воронов посмотрел на Ларина, как на сумасшедшего.

— Да вон, у дерева стоит, — Ларин с наслаждением сделал глоток виски.

Воронов повернулся туда, куда указывал Ларин. Неподалеку от них, в самом деле, стояло животное внешне схожее с кенгуру. Несколько секунд Воронов глядел на него в упор. Животное отвечало ему тем же.

— Нет, это не кенгуру, — сказал Воронов, наконец. — У кенгуру есть сумочка, их даже называют сумчатыми животными, а у этого красавца сумочки нет. И еще кенгуру, насколько я знаю коричневые. То есть, шкура у них коричневая. А у этого вон мех серебристо-голубой. Не, Ларин, это не кенгуру.

— А кто тогда?

— Да почему я знаю? Какой-то неизвестный африканский зверь.

— Может, подстрелим его и попробуем, каков он на вкус? — подал голос Орлев.

— Без лицензии? Ты хоть представляешь, какой нам штраф заломят, если кто узнает? — Ларин прищурился, солнце сильно било в глаза.

— Да. Без лицензии тут лучше не охотиться согласился с ним Воронов и снова взялся за рубку дров.

— Интересно, долго это кенгуру еще будет тут стоять? — возмутился Орлев, по прошествии десяти минут.

— Просто не обращай на него внимания, и сам не заметишь, как оно упрыгает в джунгли, — зевая, проговорил Ларин.

Однако, кенгуру не торопился уходить, по истечении двадцати минут, он упрямо стоял на том же самом месте и неотрывно смотрел на охотников.

— Давай проваливай отсюда! — не выдержал, наконец, Воронов. — Или может тебе пулю промеж глаз всадить?

Кенгуру даже не шелохнулся.

— Ты что дурак?

И тут случилось невероятное: животное принялось высовывать язык и строить смешные рожицы.

Воронов повернулся к Ларину: «Он что, издевается над нами?».

— Не знаю. Но я такого еще не видел, — пробормотал Ларин, неотрывно глядя на странного зверя.

Воронов перевел взгляд на кенгуру, и его передернуло от отвращения и ярости, — нахальный звереныш уже открыто потешался над ними, состраивая настолько вызывающие гримасы, что выносить их дальше было просто невозможно.

— Тебя что пристрелить? — крикнул ему Воронов.

И тут кенгуру поднял с земли небольшой камень и швырнул его в Воронова. Камень попал тому прямо в живот и, хотя удар был безвредным и слабым, его хватило, чтобы чаша терпения охотника переполнилась.

— Ну все, ты меня достал! — заорал Воронов и, схватив топор, которым пару минут назад рубил дрова, бросился за наглым животным.

— Эй, погоди! — закричал ему вслед Ларин, но и Воронов и кенгуру уже скрылись в зарослях.

Было десять часов вечера. Ларин и Орлев сидели у костра с ружьями на изготовку. Воронов до сих пор не объявлялся.

— Как ты думаешь, — спросил Орлев, подкидывая сучьев в костер, — может, эта тварь убила его?

— Всякое может быть. Напрасно он за ней погнался.

— Да уж...

Прошел еще один час. На небе, не двигаясь, будто прибитая гвоздями, мерцала луна. В джунглях стало значительно тише. Орлева и Ларина потянуло в сон. И вдруг, они услышали какие-то звуки. В мгновение ока, оба были уже на но-

гах и целились в темноту, ожидая увидеть перед собой полчища диких, вооруженных до зубов серебристо-голубых кенгуру. Однако, как ни странно, из темноты вышел Воронов. Он был грязен, исцарапан, помят, но, безусловно, это был именно он.

— Ушел гад, — только и сказал он на удивленные взгляды друзей.

— Сбежал? — переспросил Орлев, откладывая ружье в сторону.

— Да. Несколько часов я гонялся за этим мерзавцем по каким-то болотам, канавам, оврагам, а он все время строил свои дурацкие рожи и показывал мне язык. Ей богу, доберись я до него, — зарубил бы на месте. Но этот дьявол измотал меня и куда-то скрылся.

— Выглядишь ужасно, — заметил Ларин.

— Испачкался, когда выбирался из болота, в которое он меня завел.

— А это?

— В овраге поцарапался.

— Вы знаете, мне кажется, что лучше нам с этой тварью больше не связываться, — пробормотал Орлев, настороженно оглядываясь по сторонам.

На следующее утро все повторилось опять. Ровно в десять, кенгуру вылез из зарослей и встал у облюбованного им еще вчера дерева. Едва его увидев, Воронов схватил ружье и бросился за ним. Под вечер он снова явился без сил и без кенгуру.

Так продолжалось ровно восемь дней. Начиная с третьего дня, вместе с Вороновым, за кенгуру носился и Ларин. Орлев же оставался в качестве сторожа у палатки.

Хек лежал на теплой траве и покуривал трубку. Глаза его были чуть прикрыты от удовольствия. Время от времени он хватал хвостом бутылку кренди, подтягивал ее к себе и делал один — два глотка своего любимого напитка. Земное солнце приятно пригревало его серебристо-голубоватую шкурку, птицы ублажали слух, а бабочки зрение. Хек смотрел на проплывающие, по небу пушистые облака и с наслаждением думал о проведенном на Земле времени. Да, все-таки, Геф был прав, — бегство оказалось совершенно удивительным занятием. Убегать от землян было ни с чем несравнимым удовольствием. Правда вначале, его немного раздосадовала их пассивность, но потом все пошло как надо. Хек вспомнил о первом дне бегства, и на его мордочке засияла широкая улыбка, — все-таки не будь он так талантлив, эти ленивые земляне, небось, так и жили бы у своего смешного тряпочного домика и жгли костры, даже не думая о том, чтобы за ним гоняться. Хек сорвал с земли большой желто-рыжий цветок и вдохнул его аромат. Большие черные ноздри Хека раздулись от удовольствия. Спустя секунду он чихнул и, спугнув дремавшую на его голове бабочку, вновь заулыбался, думая о том, как ему хорошо. Жаль только, что срок лицензии подходил к концу, и надо было завершать столь полюбившееся ему бегство. Хек грустно вздохнул, взял учебник юного беглеца, прочитал последнюю главу, поднялся с травы, отряхнул свою шкурку и начал готовиться к завершению бегства, четко осознавая, что оно должно будет стать настоящей кульминацией последних восьми дней, проведенных бок о бок с землянами.

— Говорю тебе, что это проклятое кенгуру курило трубку! — упрямо сказал Ларин, глядя Воронову прямо в лицо.

— Ну конечно! И картины рисовало! Ты слишком много пьешь, старина. Вот тебе и мерещится всякая ерунда, — Воронов неодобрительно посмотрел на Ларина и начал укладывать в рюкзак еду и необходимые в дороге вещи.

— Неправда! Я начал налегать на виски лишь тогда, когда застал кенгуру курящим трубку! И видит Бог, от такого зрелища у любого сдали бы нервы!

— Ну конечно! — Воронов закинул собранный рюкзак на плечи, взял ружье и задал единственный имеющий для него значение вопрос: — Так ты пойдешь со мной выслеживать эту пакость или останешься с Орлевым сторожить палатку от бабочек и муравьев?

— Я тебе уже говорил, что больше и шагу не сделаю за этим проклятым кенгуру. Мне еще жизнь дорога! Не понимаю, как до тебя не доходит, что это не обычное животное!

— Да? А кто тогда? — Воронов улыбался.

— Демон джунглей!

— Ну понятно! Тогда пока. Я собираюсь выслеживать его среди ночи, так что до рассвета меня не ждите.

— Как же ты планируешь его найти?

— При помощи отпечатков следов и фонарика.

Воронов повернулся и, не желая продолжать разговор, быстрым шагом направился в джунгли. Ларин немного поглядел ему вслед, потом уселся неподалеку от палатки, достал бутылку виски и начал пить прямо из горлышка.

Когда на землю спустилась ночь, Ларин был уже весел и пьян. Он сидел у костра и напевал себе под нос любимые песенки. Орлев спал в палатке и храп его разносился на всю округу. И вдруг Ларин увидел перед собой кенгуру. Еще пару часов назад Ларин несомненно покрывался бы холодным потом и лихорадочно потянулся к ружью, но после выпитого за последнее время виски, визит кенгуру лишь еще больше развеселил его.

— Привет! — крикнул Ларин, видя, что в зубах у кенгуру снова зажата дымящаяся трубка.

Кенгуру подошел поближе.

— Ну чего встал? Садись сюда! — Ларин постучал ладонью по бревну, на котором сидел.

Кенгуру некоторое время постоял на месте, раскуривая трубку, а потом подошел и сел на предложенное ему место. Теперь они сидели совсем близко.

— Ну как у тебя дела? — спросил Ларин, отхлебывая из своей заветной бутылки.

Кенгуру молча пожал плечами.

— Поня-а-атно. Слушай, а зачем ты нас выматывал столько дней?

Кенгуру лишь повторил пожатие.

— Ну, не хочешь, можешь не отвечать. Я ведь давно тебя уже раскусил. Ты ведь не кенгуру не так ли? Ты демон джунглей, охраняющий здешние владенья.

Кенгуру удивленно смотрел на Ларина и почесывал лапой мордочку.

— Ты решил нас проучить, верно?

Вдалеке послышался резкий крик какой-то птицы.

— Ну так вот, что я тебе скажу, уважаемый демон. Я вину свою осознал и больше охотиться в твоих джунглях не буду. Так что предлагаю дружбу, что скажешь?

Кенгуру задумчиво глядел на Ларина и медленно шевелил длинными ушами.

— Ну хочешь, мы эту дружбу как-нибудь скрепим? Как у вас демонов полагается? Ну хочешь, трубку мира выкурим? — и с этими словами он протянул руку к трубке зажатой у кенгуру в зубах.

Кенгуру видимо наконец понял чего от него хотят и вежливо протянул свою трубку Ларину. Тот принял ее и, тщательно вытерев платочком, стал раскуривать. Потом закашлялся, схватился за грудь и вернул трубку хозяину.

— Как ты только куришь эту гадость?!!

Кенгуру промолчал, вытер трубку о свою шерстку и вновь закурил.

— Слушай, а давай мы с тобой лучше выпьем за дружбу? — предложил Ларин и сделал еще пару глотков виски, протянул бутылку кенгуру.

Тот спокойно принял ее, понюхал, потрогал лапками свои усики и сделал наконец один большой глоток. На мордочке у зверька засияла удовлетворенная улыбка.

— Теперь мне, — сказал Ларин и ловким движением выхватив у кенгуру из лап бутылку сделал два глотка.

Кенгуру выглядел немного обиженным и Ларин поспешил вернуть ему бутылку.

— Ты знаешь, — сказал Ларин, когда прошло полчаса, — почему ты мне сразу понравился?

Кенгуру молчал.

— Потому что, ты душевное существо! Скромное и душевное! Ну хочешь я тебе подарю свою шляпу? — и с этими словами, Ларин надел своему необычному собеседнику на голову модную ковбойскую шляпу.

— Вот! Красавец просто! И куртку бери!

Спустя пять минут кенгуру стоял одетый в куртку, сапоги, с большой красивой шляпой на голове и висящим на груди фотоаппаратом. В зубах у него дымилась трубка, в хвосте была зажата бутылка виски.

— Дай я тебя обниму! — проговорил Ларин, но потянувшись свалился с бревна на землю, два раза громко зевнул и уснул.

В этот момент из палатки выбрался Орлев.

— Эй, Ларин, — выкрикнул он, — что ты там все болтаешь?

Кенгуру медленно повернулся к Орлеву и сделал глоток из бутылки.

— Ла-а-арин, — побелев пробормотал Орлев, — ч-что с тобой?

Кенгуру поправил шляпу и в знак дружбы протянул Орлеву свою трубку.

— Ма-а-ма! — проговорил Орлев и сделав два шага к палатке потерял сознание.

Кенгуру некоторое время постоял в нерешительности, а потом подняв Орлева с земли, занес его в палатку и аккуратно там положил. Ту же процедуру он проделал и с Лариным. Потом кенгуру подошел к костру и зевнув устался в темноту. Громко ругаясь и шумя оттуда выступил Воронов. Увидев перед собой кенгуру он вздрогнул от неожиданности.

— Мерзавец, — проговорил он спустя минуту, — я за тобой по всем джунглям носился, руки себе в кровь разодрал, а ты значит в это время здесь меня дожидался...ну ладно...

Воронов схватил ружье, потом вспомнил, что все патроны расстрелял в темноте, когда думал, что за ним гонятся хвостатые чудовища, в ярости бросил ружье на землю и засучив рукава пошел на кенгуру с кулаками.

— А я то уже думал, что никогда тебя не поймаю! Носился посреди ночи, понимаешь-ли, следы твои выискивал, пока фонарик не накрылся...а ты стало быть...ну все...

Воронов подошел к противнику на расстояние вытянутой руки.

— Учти, мерзавец, хоть у меня и нет оружия, я справлюсь с тобой одной левой. Я, чтоб тебе было известно, был чемпионом колледжа по боксу! — и с этими словами он набросился на кенгуру.

Кенгуру однако оказался необычайно ловок и легко уворачивался от всех Вороновских ударов.

— Ларин, Орлев! — крикнул Воронов, — помогайте!

Но ответом ему была лишь тишина.

— Что ты с ними сделал мерзавец, убил?! — крикнул Воронов и с новой атакой набросился на противника.

Кенгуру еще какое-то время уворачивался, потом устало вздохнул и сильным ловким прямым ударом серебряно-голубой лапы отправил Воронова в нокаут.

— Боже, как голова то болит! — жалостливо проговорил Ларин, медленно выползая из палатки.

— Молчи уж! — досадливо хмыкнул, ползущий за ним следом Воронов.
— Ну что там? — спросил Орлев из палатки, когда его компаньоны уже вылезли наружу.
— Вроде тихо, — сказал Воронов, — осторожно потирая ушибленную челюсть.
— А где кенгуру?
— Ушло, — проговорил Ларин.
— Точно?
— Точно, точно! — рассердился Воронов. — Ты там до ночи сидеть собираешься?
— Уже вылезая, — обиженно пробасил Орлев.
— Эй, посмотрите-ка сюда! — крикнул вдруг Ларин.
— Что там еще? — Воронов с опаской подошел к бревну, у которого присел на корточки Ларин.
— Вот, — Ларин указал пальцем на место, где вчера уснул.
— Ничего себе! — присвистнул Воронов, — готов поклясться что это...
— Алмазы, — закончил за него Ларин.
— Ну что там у вас? — поинтересовался подошедший Орлев и от удивления вытаращил глаза. Прямо перед ними, на Вороновском рюкзаке, лежало три огромных алмаза и стояла бутылка с каким-то неизвестным янтарного цвета напитком.
— Готов поклясться, что за каждый такой алмаз мы получим целое состояние, — проговорил Воронов.
Ларин облизнул пересохшие губы и потянулся к неизвестной бутылке.
— Нет, — громко сказал Воронов, — я согласен, что после такой находки хочется хорошенько набраться, но это пойло может быть отравлено. Придется потерпеть.
— Как думаете, это кенгуру положило? — спросил Орлев.
— Может быть, — проговорил Воронов.
— Но зачем? — удивился Ларин.
— Может оно хотело от нас окупиться? — предположил Орлев.
— Может да, а может и нет, — пробормотал Воронов, — но в любом случае, с этими алмазами мы станем более, чем богаты. И вы знаете, несмотря ни на что, я чувствую себя победителем!
— И я! — сказал Ларин, тщетно пытаясь отыскать в палатке запасной ящик виски.
— А я уж тем более, — засмеялся Орлев и с радостью начал собирать вещи.

Хек сидел в черном кожаном кресле и курил трубку. Большие карие глаза его были полны весельем. На столе перед ним стоял наполовину полный бокал кренди. В хвосте была зажата бутылка вкуснейшего земного напитка. Он сидел в окружении друзей и рассказывал им о своем замечательном опыте бегства.

— Ну и в завершении, — сказал он, обращаясь к красивой молодой локинианке с чудесными синими глазами и аккуратно причесанным миниатюрным хвостиком, — я как и полагается по правилам Клуба, оставил в знак благодарности за хорошее бегство, жителям Земли подарки.

— А что же ты им подарил? — спросил его бывший сокурсник Олуф.

— Три алмаза и бутылку кренди.

— Удивительно! Они любят такую ерунду как алмазы?

— В учебнике говорится, что да, — сказал Хек и выдохнул из трубки красивую струю дыма. — А кроме того, я приобрел во время бегства несколько удивительных трофеев, вон они лежат на столе.

Гости с интересом посмотрели на лежащие на трофейном золотом столике Ларинские вещи: шляпу, куртку, сапоги и фотоаппарат. На мордочках гостей застыло неподдельное восхищение.

— И к тому же раздобыл удивительный земной напиток, — проговорил Хек, делая очередной глоток виски.

— Действительно удивительный, причмокивая сказал Олуф, доставая из стоящего на праздничном столе ящика, очередную бутылку.

Хек еще раз взглянул на прекрасную локинианку с синими глазками и почувствовал, что в его душе не осталось ни капли тоски. Он ощущал себя настоящим победителем, и даже более того, — настоящим героем!

ПРИКЛЮЧЕНЕЦ

*Чем дальше тебя посылают, тем больше тебе доверяют»
(Девиз Космической разведки)*

Я придумал хитрую штуку: пишу специальными чернилами между строк книжки про ромашку и ослика. Если постороннему придет в голову перелистать ее, текст немедленно исчезнет. Главное, чтобы никто не знал о моих письменных упражнениях. Согласитесь — всякое может случиться! Но если вдруг моя система не сработает (такое бывает с системами), то заранее приношу извинения заинтересованным лицам и организациям, заверяю всех каждого, что никого и ничего я не имел в виду. Во всем, что произошло и происходит, виноват один только я. Вернее, моя трусость, врожденная, постоянная, прогрессирующая трусость.

Взять хотя бы эту невразумительную планету, вокруг которой я кручусь... Нет, лучше по порядку. Много лет назад я обитал на планете Земля и вел счастливую растительную жизнь мелкого служащего. Боже мой, как это было прекрасно — влачить жалкое существование на свое жалкое жалованье и бояться разве что начальства, темноты, террористов, посторонних, безденежья, кризиса ... Я вел спокойную, размеренную жизнь: днем на службе, вечером дома, наедине с телевизором. Раз в неделю, по воскресеньям, занимался профилактикой дверных замков — снимал по одному, чистил и смазывал...

КРЕПКАЯ ДВЕРЬ ЛУЧШЕ КРЕПКИХ БИЦЕПСОВ!

Судьба наказала меня за излишнее любопытство. Зачем, спрашивается, в то злополучное воскресенье после обычной возни с замками я решил проверить свой почтовый ящик? Кто меня, дурака, просил, какой авантюрист во мне проснулся? Газет я не выписываю, писем мне получать не от кого. Глубоко убежден: почтовые ящики — не только совершенно бесполезные, но вредные приспособления. Туда могут опустить и повестку в суд, и анонимку, а то и бомбу... Всякое может случиться! На этот раз там оказался голубой казенный конверт, адресованный именно мне, а отправителем значилась какая-то организация с устрашающим названием КПКР. Первым и, видимо, самым мудрым моим желанием было немедленно положить конверт обратно, выбросить ключ от почтового ящика и забыть об этой гнусной истории, но потом я подумал — ничего не выйдет, на конверте остались отпечатки моих пальцев, и теперь мне не отвертеться. Вторым, тоже неплохим решением было сжечь улику, а пепел спустить в унитаз общественного туалета. Поступил же я третьим, и уж, точно, самым глупым образом: я вскрыл конверт. В него был вложен еще один, с заполненным адресом, а в нем — само письмо:

«Дорогой друг!

КПКР (Курсы Подготовки КосмоРазведчиков) объявляют набор слушателей. Мы просим вас заполнить прилагаемую анкету и выслать ее нам в прилагаемом конверте.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ АНКЕТА КПКР (правильное подчеркнуть)

1. Бывает ли у Вас чувство беспричинного страха?

- а) Не бывает.
- б) Иногда.
- в) Часто.
- г) Иного чувства я не знаю.

2. Что чувствуете при внезапном телефонном звонке?

- а) Радость от предстоящего общения.
- б) Ничего.
- в) Беспокойство.
- г) Теряю сознание.

3. Как Вы отнесетесь к утверждению: молоко фиолетового цвета?

- а) Попытаюсь опровергнуть.
- б) Сделаю вид, что мне все равно.
- в) Охотно соглашусь.
- г) Быстренько смоюсь.

4. Вам перебежала дорогу черная кошка. Ваши действия?

- а) Пойду дальше, не останавливаясь.

- б) Остановлюсь и дождусь, пока меня обгонит пешеход, идущий сзади.
- в) Плюну через левое плечо, три раза обернусь вокруг себя и подожду, пока меня обгонит пешеход, идущий сзади.
- г) Вернусь домой и не буду выходить до конца дня.

5. Вы пилотируете самолет. Полет проходит нормально. Внезапно Вы слышите, что за Вашей спиной открывается дверь. Ваши действия?

- а) Оглянусь.
- б) Продолжу пилотирование.
- в) Подниму руки вверх.
- г) Катапультуюсь.

Большое спасибо, и попытайтесь не упустить свой шанс!
КПКР»

Так как я всегда считал, что лучше потерять шанс, чем жизнь, то вернулся ко второму своему решению и попытался уничтожить эту проклятую бумажку методом сжигания. Я извел целый коробок спичек, но она не загоралась. Расхрабрившись, я собрался было просто порвать анкету и выбросить клочки в мусоропровод, но тут заметил на обратной стороне текст, который вероятно, проступил от нагрева:

«ДОРОГОЙ ДРУГ!

Эта бумага не рвется, не мнется и в кислоте не растворяется.
Желаем удачи.»

Вот тогда я и совершил величайшую глупость в своей жизни: заполнил анкету, сунул в прилагаемый конверт, аккуратно заклеил его и, не побоявшись сумерек, снес на почту.

В анкете я честно подчеркивал только последние ответы и поэтому был убежден в своей непригодности даже для КППМ (Курсов Подготовки Посудомоек), но все-таки, в ожидании вежливого отказа, исправно наведывался к почтовому ящику...

КТО ИЩЕТ, ТОГО НАХОДЯТ!

Десять дней спустя дрожащей рукой в резиновой перчатке я вскрывал очередной голубой конверт, где меня, во-первых, поздравляли с поступлением, во-вторых, настоятельно приглашали явиться на следующий день в актовом зал административного корпуса КПКР, имея при себе удостоверение личности и две смены белья. Все это, а также пальто, новый костюм и скромные сбережения давно уже лежало в чемодане, а при себе имелся билет до... не скажу куда, коим я собирался воспользоваться в тот же день.

КОГДА НЕ ЗНАЕШЬ, ЧТО ДЕЛАТЬ — СМЫВАЙСЯ!

Мне оставалось только покинуть квартиру и добраться до ближайшего пункта транспортировки. Я сумел выполнить лишь первый пункт своего плана, ибо за дверью меня ожидали трое сотрудников КПКР. Пришлось пригласить их зайти, почувствовать себя как дома, выпить по чашечке кофе и дать им уговорить меня. Меня легко уговорить, имея численное преимущество. Взять хотя бы клоповидных... Я был тогда один в космосе, а их — несметное множество! А эта планета, над которой я болтаюсь? Кто знает, что меня ждет, если я все-таки решусь опуститься на ее поверхность...

Так вот, когда я пришел в себя от шока, вызванного моим зачислением в ряды суперменов, то оказалось, что я уже давно учусь на КПКР и, к великому своему удивлению, имею хорошие оценки по всем предметам. От упражнений по развитию инстинкта самосохранения меня и вовсе освободили — эксперты из сектора выживаемости пришли к единодушному выводу, что развивать это чувство у меня дальше не имеет смысла. Было предложено использовать меня в качестве демонстрационного пособия; с того времени я сидел на занятиях рядом с инструктором и, реализуя свои способности к самосохранению, рассчитывал в уме траекторию падения люстры при внезапном землетрясении.

СПАСАЯ СВОЮ ШКУРУ, ТЫ СПАСАЕШЬ ДОРОГОЕ ОБОРУДОВАНИЕ!

Только не подумайте, что я считался на курсах уникалом. Нет, весь наш экспериментальный класс был подобран в соответствии с фундаментальным принципом:

ТРУС В ЛЮБОЙ СИТУАЦИИ ПОСТАРАЕТСЯ ВЫЖИТЬ И ВЕРНУТЬСЯ!

А как иначе! Положение в космонавтике сложилось печальное: завоевание пространства требовало огромных затрат, а ситуации, в которые то и дело попадали неустрашимые звездолетчики, развивались отнюдь не по сценариям приключенческих фильмов, когда после всяких там передраг все возвращаются домой живые и невредимые. Скорее это было похоже на трагедии Шекспира, в которых к концу на сцене остаются только второстепенные персонажи.

Люди погибали, огромные средства тратились впустую, и за освоенной Солнечной системой простиралась зловещая неизвестность, полная неожиданностей ...

Взять к примеру тех же клоповидных. Или планету, вокруг которой я вращаюсь. Да что там говорить, всякое случилось!

И тогда они решили, что надо использовать косморазведчиков совсем иного психологического типа. Ориентированного на максимальную выживаемость. И я попал в их в поле зрения.

ТРУС БОИТСЯ ВЕРНУТЬСЯ, НЕ ВЫПОЛНИВ ЗАДАНИЯ!

Надо бы добавить, что еще больше он боится не вернуться, выполнив задание. Прав был преподаватель космоэтики: все относительно. В сравнении с нынешним моим положением тренировочные прыжки с вышки, даже без зонтика (его у меня каждый раз отбирали), кажутся верхом безопасности и комфорта. К тому же на курсах рядом со мной всегда были другие курсанты, у них и в мыслях не было причинить мне неприятности... Не то что эти клоповидные! Все им, видите ли, не терпелось вступить в контакт, им, видите ли, покоя не дает «обмен информацией, способствующий прогрессу обеих цивилизаций». Спят и видят — с кем бы чем-нибудь полезным махнуть... А если они заразу на Землю занесут и, что самое главное, через меня? Нет уж, дудки! Послал им горячий привет, сохраняя, однако, солидную дистанцию, записал их координаты, дал наши (ложные, конечно, — всякое бывает), выразил восторг по поводу обитаемости этого уголка Галактики — и был таков. Главное я выяснил: мы не одиноки во Вселенной, а хорошо это или так себе — не мне решать. Хотя, если разобраться, кому нужны клоповидные визитеры? У нас своих неприятностей хватает. Например, проблема безопасности пешеходов. Движение сумасшедшее, на улицу выйти невозможно — мигом окажешься под колесами. Бегаешь, как заяц...

Ладно, не буду отвлекаться. На курсах я быстро выбился в первые ученики, что совсем не удивительно, если принять во внимание мою боязнь экзаменов, инструкторов, сокурсников и всего остального.

ПОМНИ! БЕЗ ИСПРАВНОГО ЗВЕЗДОЛЕТА ТЕБЕ НЕ СМЫТЬСЯ!

Этот плакат висел в техническом классе на самом видном месте. Заложенную в нем мудрость я осознавал нутром и изучил матчасть вдоль и поперек.

СЛОВО «СПАСИТЕ» НАДО ЗНАТЬ НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ!

(кабинет космолингвистики)

КТО БОИТСЯ ВЫСОТЫ, У ТОГО МЕНЬШЕ ШАНСОВ РАЗБИТЬСЯ!

(приборный щиток тренажера звездолета)

**СЕМЬ РАЗ ОТМЕРЬ, ПОТОМ ЕЩЕ СЕМЬ РАЗ ОТМЕРЬ,
И ТОЛЬКО ПОСЛЕ ЭТОГО ОДИН РАЗ ОТРЕЖЬ НЕМНОГО.**

(плакат по безопасности возможных контактов)

Этому правилу я следовал неукоснительно во время незабываемой встречи с представителями клоповидной цивилизации. Очень может быть, что вся научная и техническая информация, которую они предлагали для обмена, нам нужна позарез, но мне лично все эти сверхсветовые двигатели или семь законов термодинамики ни к чему, а принцип удвоения продолжительности существования я считаю просто вредным... хотя на всякий случай его записал — мало ли что может случиться.

В настоящий момент я уже второй месяц кручусь вокруг злополучной планеты и все размышляю: что я на ней потерял? На кой ляд она мне сдалась? Задание я выполнил — иную цивилизацию обнаружил, в контакт с нею вступил, оборудование в исправности, сам я (не сглазить бы) жив-здоров. Зачем мне еще одна цивилизация? А если там живут типы похуже моих клоповидных? Может, там обитают какие-нибудь тигровидно-саблезубые пониженной гуманоидности... Нет, надо быть предельно осторожным и не расслабляться. Что с того, что планета такая голубая и на вид совершенно невинная? Лучше я по третьему разу еще семь раз отмерю.

Инструктор по курсу безопасности возможных контактов (удивительно обаятельный старичок, разбитый параличом, а потому совершенно безобидный) предупреждал нас о предельной осторожности.

САМЫЙ БЕЗОПАСНЫЙ КОНТАКТ — ОТСУТСТВИЕ КОНТАКТА!

Я был его любимым учеником. А с клоповидными мне просто не повезло. Эта катастрофа (встреча с ними) произошла на третий год полета. К тому времени я немного освоился в звездолете: не вздрагивал от каждого шороха, смело подходил к пульту управления и совсем уже было решил, что полет так и закончится без происшествий и я благополучно вернусь домой, выполнив главную задачу — выжить. В то воскресенье ничего не предвещало опасности. Я собирался заняться вечерней профилактикой замков входного люка, как вдруг замигал анализатор нелогичности окружающей среды (АНОС) и завывала сирена — честно говоря, я сам ее поставил, на всякий случай. Этот анализатор работал у меня как миноискатель, им можно было определить наличие цивилизации в радиусе нескольких световых лет. Любая цивилизация вносит нелогичность в окружающую среду и тем самым выдает себя. Я давно готовился к встрече с инопланетянами, это, в конце концов, цель моего полета, и приступил к реализации намеченной программы: определил вектор излучения нелогичности, развернул звездолет на 180 градусов и на максимально до-

пустимой (для меня конечно) скорости дал деру. Однако АНОС продолжала мигать, а сирена завывала еще громче. Решив, что со страху перепутал направления, я развернулся еще раз и помчался обратно, но АНОС и сирена не унимались: цивилизация по-прежнему надвигалась на меня. В отчаянии я попытался смыться перпендикулярным курсом, но результат оказался тем же. Удостоверившись в том, что активные действия бесполезны, я переключился в режим кокона — выключил двигатель, погасил огни и попробовал впасть в летаргическое состояние. Обычно мне это удавалось мгновенно, но на этот раз что-то мешало. В голову лезли какие-то глупые мысли, которые оказались мыслепосылками от клоповидных. Правда, я попытался улизнуть в подсознание, но эти фрейдисты и там меня достали. Совершенно бестактные существа! А может, они вовсе не клоповидные? Кто их знает, я честно говоря их и не видел вовсе. Просто назойливые они, как клопы. Задание я выполнил и лег на обратный курс. Теперь на Земле могут спать спокойно — мы не одиноки во Вселенной. Ликуйте! Возрадуйтесь! Вот вам их координаты, летите туда, вступайте в контакт, братайтесь, целуйтесь, обменивайтесь дарами своих цивилизаций, делайте, что хотите, но прежде мне надо добраться до Земли. Домчаться, доползти, дотрястись... Хватит в одиночестве скитаться по просторам! Хватит подвергать себя всяческим напастям! Рисковать жизнью на каждом шагу! Немедленно домой!

Признаться по совести, вот уже два месяца как я кручусь вокруг одной Голубой Планеты, очень похожей на Землю. Но, во-первых я не уверен до конца, что это она и есть — мало ли как могут соврать карты, — а чисто внешнее сходство с Солнечной системой еще ни о чем не говорит. Во-вторых, даже если планета, на орбите которой я нахожусь, и в самом деле Земля, то это еще не означает, что там, внизу, меня примут с распростертыми объятиями. Надо сначала выяснить ситуацию — возможно, за то время, что я провёл в космосе, всех косморазведчиков объявили вне закона, и меня арестуют сразу же по прибытии. В-третьих, и это главное, я не совсем уверен в том, что сумею вручную совершить мягкую посадку, а полностью доверять автопилоту было бы глупо.

ВСЯКОЕ МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ!

ДЕТСКИЕ ШАЛОСТИ Триптих

1. ИГРУШКИ

Мама наконец-то взялась за мои игрушки.

— Безобразие! — возмущалась она. — Скоро они заполнят весь дом, а ты с ними совсем не играешь.

Она вытащила из шифоньера громадную картонную коробку, доверху заполненную игрушками, и растерянно смотрела на нее. Потому что в коробке был всего лишь резерв главного командования. А боевые части рассредоточились по всей квартире.

— Ну, и что прикажешь со всем этим делать? — развела руками мама. Что я ей мог ответить?.. Боевая обстановка складывалась так, что резерв пока был не нужен. Поэтому я неопределенно пожал плечами.

— Варвар! — продолжала мама. — Ну, почему у куклы нет ног, а у медведя голова на ниточке болтается?

«Война есть война», — подумал я, но высказываться не стал, потому что в моих ответах никто не нуждался.

— Если так будет продолжаться, то нам скоро придется переселяться на улицу.

Мама рассуждала правильно, ибо разгадала замысел главного командования: на этой территории должно было быть провозглашено суверенное игрушечное государство.

— Нет, так не пойдет. Нельзя захламлять квартиру ненужными и негодными для дела вещами. Хочешь обижайся, хочешь нет — я отправлю всю твою рухлядь в утилизатор. В крайнем случае синтезируешь новые игрушки. Заодно и творческую фантазию потренируешь. Что за патологическая привязанность к старью?! С этим надо бороться.

— Жалко, — все-таки вступился я.

— Чего тебе жалко? — не поняла мама. — Пластмассу жалко?

— Идею, — объяснил я, — которую она в себе несет.

— Истинные идеи бессмертны, — резонно отрезала мама и, удалившись в утилизаторную, включила пульт управления.

Мои калеки зашевелились и стали со скрежетом вылезать из коробки. Тем, что были наверху, сделать это было нетрудно. Правда, приходилось падать со внушительной для них высоты, но они были неробкого десятка. А те, что оказались на дне, приложили немало усилий и изобретательности, чтобы выполнить команду, поступившую с пульта управления. Они строили акробатические пирамиды, по которым можно было, как по лестнице, добраться до верха коробки, и оттуда прыгали на пол. Наконец, последнего космонавта с проломленным шлемом перетянули на волю, и коробка опустела.

«Хорошая была армия», — вздохнул я про себя. Вся беда именно в этом слове — была. Передо мной предстала очень печальная картина, и я подумал, что воевать — это все-таки нехорошо. Пусть они только игрушки, а все равно жалко. Мама права — ошибки надо исправлять. Придется отправить их в утилизатор, а потом синтезировать такие игрушки, которые не захотят воевать, а будут делать что-нибудь хорошее. Что именно, мне было еще неясно.

Тем временем, мои ветераны выстроились в боевые шеренги и зашагали в сторону утилизаторной. Я помахал им рукой на прощанье. Я буду помнить их долго-долго. Наверное, всю жизнь.

Вдруг в моих руках зашевелился Мальчиш, которого я синтезировал по древней сказке. Здорово получилось. Мы не расставались с ним во всех походах. Он был моей правой рукой. Или я его?..

— Куда ты? — спросил я. — К тебе эта команда не относится.

Мальчиш кивнул — понятливый он у меня. Жаль, что разговаривать не умеет. Но настоящие друзья и без слов друга понимают. И я понял его: он хотел проститься со своими боевыми товарищами, проводить их в последний путь. Благородный Мальчиш. Разве смел я ему помешать?

Я разжал ладони. И он спрыгнул на пол. В полете он задел вытянутой рукой за край дивана и оттого неловко приземлился. Что ж, не впервой! Он быстро поднялся и, слегка прихрамывая, побежал вслед исчезающим за косяком двери колоннам, догнал их и стал помогать совсем слабым.

Я гордо улыбнулся — моя работа. Появилось было желание и самому пойти помочь, но я подумал, что нехорошо вмешиваться в чужую, даже игрушечную жизнь. На сердце было как-то беспокойно, словно бы что-то мешало дышать. Чтобы отвлечься, я включил головизор. Вокруг меня запрыгали веселые обезьянки, заполнившие комнату диким визгом.

— Мальчиш! — позвал я. Одному ловить призрачных обезьян было скучно. Но Мальчиш, всегда незамедлительно являвшийся на первый мой зов, не откликнулся. Я выбежал в коридор.

— Мама, — спросил я, увидев ее на кухне, — где Мальчиш?

— Откуда ж мне знать? — улыбнулась мама. — Твой Мальчиш — ты и должен знать, где он.

— Мальчиш! Мальчиш! — звал я и вдруг четко услышал:

— Папа! Папа!

Я почему-то ни секунды не сомневался, что зовут меня, хотя было мне тогда пять лет. Я посмотрел на маму, но она, видимо, ничего не слышала, потому что продолжала заниматься своим делом.

Я открыл дверь в утилизаторную и увидел, что Мальчиш следом за другими игрушками, преодолев бортик ванны, падает в растворитель. Я бросился, чтобы поймать его, но не успел. Он уже лежал на дне, и очертания его тела медленно расплывались.

Я выхватил Мальчиша из ванны, хотя знал, что на руках могут остаться ожоги. Выхватил... и тут же ощутил себя тридцатилетним мужчиной, который держит на руках своего сына. Вернее, держал, потому что он растаял в моих ладонях...

Обратно в свои пять мне так и не удалось вернуться. Дальше отсчет пошел с тридцати.

2. ФАНТОМАТИК

— Учись преодолевать трудности, — сказала мама, — для начала иллюзорные.

— Если фантомат хороший, то до реального дело может и не дойти, — пообещал папа, покровительственно похлопывая купол небольшого сооружения, похожего на настольную лампу. Только лампы там, конечно, не было. Купол — это чтобы голову туда засовывать. Ребята уже рассказывали мне про такую штуку. Правда, поиграть никто не давал. Говорили, если у тебя нет фантомата, значит, еще мозг не окреп. Иллюзии — штука коварная. Может показаться, что все это на самом деле, и тогда пиши пропало.

Надо полагать — медкибер доложил родителям, что мой мозг уже нуждается в добротных иллюзиях. Окреп то есть.

— Вот коробочки с набором кристаллических фантограмм на различные темы, — продолжал инструктаж папа. — Вот подводный мир — синенькая коробочка. Черная со звездочками — это космическая тематика, дальний космос. Здесь вот, пожалуйста, солнечная система изображена — отдельно фантограммы по каждой планете солнечной системы, кроме Земли. Земные проблемы — вот в этой коробочке с глобусами. Видишь?

— Да, вижу, — махнул я рукой, — только какие на Земле проблемы? Ерунда!

— Тебе решать, — улыбнулась мама. — Ладно, вникайте, мужчины. А я пойду на кухню. Сотворю что-нибудь реальное.

— Да, — сказал папа, когда мама вышла. — Вникай. Мужчина должен быть самостоятельным. Тем более, что здесь все на автомате. Полный медконтроль. Так что смелей навстречу иллюзорным трудностям. А мне еще поработать надо.

Самостоятельным-то я буду. И фантомат освою. Чего уж там! Синтезатор — машина посложнее. Только вдвоем было бы веселее.

С кухни потянуло вкусным запахом бифштекса. У меня потекли слюнки, но любопытство было сильнее. Очень уж я был наслышан про всякие фантоматические приключения. Посему, выхватив первый попавшийся кристалл из первой попавшейся коробочки, я всунул его в гнездо фантомата и, усевшись в кресло под куполом, нажал на клавишу «пуск»...

...Мои любимые книжки стали портиться. На экране графотона вместо некоторых строк, а иногда и целых страниц зияла пустота. Как будто их погрыз кто-то.

— Папа! Папа! — прибежал я в родительскую каюту. — Они съели мои книжки!

— Кто они? — улыбнулся папа. — Кто может съесть информкристаллы? Пришлось долго объяснять, в чем дело. Когда папа проверил графотон и информкристаллы, он очень встревожился.

— Такого еще не бывало! — ошеломленно сказал он сам себе и убежал к командиру звездолета. Оказалось, что с информкристаллов исчезла часть записи.

Началась проверка всех информмариев на корабле. И выяснилось, что заперчен даже служебный информмарий. А это, как сказал папа, память звездолета! Куда уж хуже! Конечно, взрослые кинулись выяснять, в чем дело, закрыли все информмарии, и нам, детям, стало совсем скучно. Мы день за днем сидели в игровом зале и ломали голову: кто мог съесть информацию? Откуда взялись эти проклятые информголоты? И почему они едят не все подряд? И обижались на взрослых за то, что они отмахиваются от нашей гипотезы, не верят в информголотов.

И вдруг меня осенило!

— Слушайте! — завопил я. — Давайте что-нибудь запишем на кристаллы и посмотрим, что ОНИ съедят из этого.

Все оживились, загалдели, начали придумывать, что бы записать. Но я решил держать инициативу — идея-то моя!

— Давайте для начала запишем анекдоты, — предложил я. — Коротко и разнообразно. А дальше видно будет.

И все разбежались по своим каютам. Анекдоты — не проблема, мы знаем их превеликое множество. Поэтому через полчаса все уже снова собрались в игровом зале.

— Начали! — скомандовал я и вставил свой информкристалл в гнездо графотона. Экран бездарно зиял пустотой. Ребята засмеялись, мол разучился на кристалл писать, а туда же — командует.

— Следующий! — сказал я.

Та же история.

— Следующий!

Пусто.

— Следующий!

Хоть бы одна буковка! Все кристаллы оказались пустыми.

— Информголоты слопали наши анекдоты! — закричал я, и тут же мне опять тумкнуло в голову: — Абстрактный анекдот! Неперевариваемая информация!

Что тут поднялось! Все рвались в бой! Каждый предлагал свой абстрактный анекдот. Но я поинтересовался, есть ли у кого совершенно свежий анекдот про информоглогов? Ни у кого не было. А у меня был...

И ОНИ его съели! И выпали в осадок — в самом прямом смысле этого слова: ОНИ сыпались на пол — этикие разноцветные прозрачные шарики с маленькими ручками и ножками и длинными стрекозиными крылышками — и отчаянно вибрировали, держась ручонками за животики и бессильно распластав крылышки по полу...

... Фантомат отключился, и я услышал, что мама зовет меня обедать. За столом я не столько ел, сколько взахлеб рассказывал родителям, как я поймал информоглогов.

— Ну, и что за анекдот ты им скормил? — поинтересовался папа.

Меня так и подмывало начать: «Летели по вселенной два информоглога. Один — абсолютно розовый, другой — абсолютно зеленый...», но я-то знал, что анекдот мой годится только для информоглогов, и уж никак не для родителей.

— Анекдоты дважды не повторяют! — выкрутился я и выскочил из-за стола. Так сказать, отступил на заранее подготовленные позиции. Меня ждал фантомат! Стоящая машина... Но теперь я решил не углубляться, а провести разведку. Установил длительность контакта на одну минуту и начал быстро вникать в фантограммы из различных коробочек.

Я побывал и биоформом, и киборгом, и дельфином, и осьминогом, и орлом, и жил в воздушном городе на далекой планете, где хищные флора и фауна заставили разумных обитателей планеты заселить облака, и был разумным межзвездным существом, питавшимся светом звезд. Легче, наверное, перечислить, кем и чем я не был. В конце концов, мне эта скачка надоела. Захотелось погрузиться в какой-нибудь таинственный мир всерьез и надолго.

Коробочек было много, фантограмм в них еще больше, поэтому я, чтобы долго не мучиться, осуществил выбор «методом тыка» — покрутил в воздухе пальцем, ткнул им наугад и попал в коробочку с глобусами. Вот уж!.. Но раз так вышло...

Я вставил кристалл в гнездо и, включив фантомат, погрузился в кресло...

... Ничего не изменилось. Я остался в своей комнате. Только напротив меня в таком же кресле сидел пацан. Странный какой-то. Вроде бы все, как у всех, а в то же время, будто и нет его вовсе. Глаза такие грустные, а смотрит на меня и улыбается.

— Ты кто? — спросил я.

— Фантоматик, — встал он с кресла и поклонился.

«Во дает! — подумал я. — Может, он ждет, что и я вскочу с кресла? Так я не могу. Я под фантоматом».

— Ты откуда взялся?

— Из фантомата.

— Ты записан на фантограмме?

— Нет, — грустно ответил он, — это было бы так просто. И, наверное, хорошо.

— Объясни толком! — потребовал я.

— Я — дитя фантомата, объяснил Фантоматик. — Вообще-то, меня не должно быть, но реализовался случайный вариант схемы с одной миллиардной долей вероятности.

— Ну, и что ты делаешь?

— Рождаюсь, когда включают фантомат, и умираю, когда его выключают.

— Да ну! — не поверил я. — Ты просто засыпаешь.

— Тебе не понять, — серьезно сказал Фантоматик. — Ты один только раз родился и еще ни разу не умерал.

— Черный юмор? — засмеялся я, но Фантоматик удивленно посмотрел на меня.

— Это правда.

— А почему я раньше тебя не видел? — решил я поймать его. Ясно, что он с фантограммы, только лапшу мне на уши вешает.

— Я не знаю, что было раньше. У меня сохраняется только схемная память.

— Во! — воскликнул я. — Значит, все-таки не умираешь, раз память. — Разве в обозначении дело? — пожал он плечами. — Дело в ощущении. Если ты каждый день, засыпая, будешь чувствовать, что умираешь, разве ты не будешь умирать на самом деле?

Да ну тебя к черту с твоей смертью! — заругался я потихоньку, чтобы мама не слышала. Надоел он мне своим сопливым гунденьем. Терпеть не могу нытиков!

— Слушай сюда. Я включал фантомат на разные фантограммы, и тебя там не было. Откуда ты взялся теперь? — продолжил я.

— Был там. Ведь я — все живое, что есть в фантограмме.

— Дух, что ли?

— Наверное, — согласился Фантоматик. — А сейчас ты вставил в фантомат кристалл без записи. Они есть в каждой коробке. Для дублирования. Разве ты не видишь, что сейчас я — это ты? Потому что ты сейчас управляешь фантоматом.

Я внимательно посмотрел на него. Действительно похож. Только какой-то неживой.

— Так откуда же мне быть живым, если я — только твоя иллюзия?

— Совсем ты меня запутал, — признался я. — То ты умираешь, то ты неживой... Неживое не умирает.

— Иллюзии тоже умирают, — развел он руками. И в правоте ему трудно было отказать.

— А жить-то тебе хочется? Ну, чтоб, как я? — спросил я Фантоматика. Очень мне вдруг стало его жалко.

— Спрашиваешь, — вздохнул он, — У тебя мама, папа... Это же такое счастье!

— Правда? — спросил я, еще плохо понимая, что это такое, вообще, счастье.

— И друзья! — мечтательно вздохнул Фантоматик.
— Это тоже счастье? — спросил я.
— Конечно, неужели ты не понимаешь? — удивился он.
— Не-а, — покрутил я головой. — Знаешь что, ты встань сейчас с кресла и иди в ту комнату! Ты же, как я. Вот и по-
будешь с папой и с мамой. Так и быть, я еще посижу здесь, можешь и на улицу сгонять.
Фантоматик печально улыбнулся:
— Спасибо. Ты добрый. Только я растаю на пороге этой комнаты. Не хватит мощности фантомата.
Меня это известие разочаровало, но пыл мой не погасило. Это, вообще, не так-то просто сделать — уж если я за-
горелся!..
— Думай! — приказал я ему. — Думай, если хочешь жить!
И мы стали думать.
— А если усилитель поставить? — предложил я.
— Нельзя, покачал головой Фантоматик, — разрушится случайная схемная связь, из-за которой я появился.
— Тогда думай!
— Есть одна возможность, — робко начал он, — только это уже слишком...
— Ничего не слишком! — потребовал я. — А ну, говори!
— Мы можем поменяться нашими информационными полями.
— Как это? — не понял я. Про поля эти я уже что-то слегка слышал. Но чтобы меняться!
— Разве ты не знаешь закона единства и эквивалентности всего разумного? — удивился Фантоматик.
— Первый раз слышу. А тебе-то он откуда известен, если ты только что родился?
— Не знаю. Просто знаю. — Он был совершенно искренен, и я ему поверил. Мало ли что могло застрять в его схем-
ной памяти.
— Ладно, говори по делу. Как можно поменяться? — привычно взял я инициативу в свои руки.
— Если сесть под фантомат рядом, включить на максимум режим фантазии и очень-очень захотеть, то я стану то-
бой, а ты мной, — чуть слышно проговорил Фантоматик.
— Не врешь? — на всякий случай спросил я, хотя чувствовал, что он не врет.
— Нет, я не умею врать, — ответил он.
— Так не бывает, — усмехнулся я. — А обратно как?
— Точно так же.
Я задумался. Идея-то была ого-го! Такого еще ни с кем из ребят не происходило. Одна миллиардная доля вероят-
ности! Неужели упустить шанс?
— Ладно, — сказал я, — садись рядом, — и подвинувшись к пульту, положил руку на тумблер режима фантазии.
Фантоматик сел рядом. Я обнял его, но моя рука прошла сквозь его тело. Мурашки пробежали по моей коже, но тру-
са играть не собирался.
— Только уговор! — потребовал я. — Через час ты возвращаешься, и мы меняемся обратно. Для первого раза до-
статочно. А если нам обоим понравится, будем так делать каждый день. Согласен?
— Да, — еле слышно выдохнул он. — А может, лучше не надо? Страшно. Я, наверное, не смогу.
— Надо, Фантоматик, надо! — твердо сказал я и решительно передвинул тумблер на максимум.
— И не успел я очень-очень захотеть, как почувствовал, что тело мое потеряло вес. Да нет — это я оказался в теле
Фантоматика. Потому что он встал с кресла и, радостно улынувшись, со вкусом потянулся.
— Как здорово! — признался он. — Спасибо тебе. Ну, я пойду?
— Ладно, топай, — разрешил я не очень уверенно. Мне вдруг стало грустно. — Только помни уговор.
— Конечно, — вздохнул он и побежал к двери.
Я остался один. Причувствовался к себе. Пришел к выводу, что и в иллюзорном бытии есть свои прелести. Напри-
мер, я мог свободно разгуливать по потолку и по стенам, что тут же и проделал с превеликим удовольствием. Прав-
да, когда я слишком отдалялся от фантомата, в голове сразу начинало шуметь и позванивать. Я перестал отдаляться.
— Мама! — услышал я через приоткрытую дверь. — Здравствуй, мамочка! Какая ты красивая...
«Во, шпарит!» — усмехнулся я и уселся на люстру, чтобы не отвлекаясь, послушать их разговор, да и чтобы меня
случайно не обнаружили.
— Спасибо, конечно, за комплимент, — ответила мама, — но, по-моему, мы с тобой сегодня уже виделись. Не да-
лее, как полчаса назад, ты соизволил отобедать с нами.
— Да? — удивился Фантоматик. — Папочка, какой ты сильный! Возьми меня на руки, пожалуйста, — видимо, под-
бежал он к папе.
— Что за телячьи нежности? — услышал я папин баритон. — Ну ладно, так и быть. — Папа не умеет отказывать. Во
всяком случае, мне и маме.
— Что с тобой, сынуля? — участливо спросила мама. — Переутомился на фантомате?
— Нет, нисколечко! — услышал я радостный голос Фантоматика, то есть, конечно, собственный.
— Смотри, — сказал папа, — хорошего для начала надо понемножку. Особенно, если это иллюзии. Пойди-ка луч-
ше на улицу поиграй.
— Нет, — отказался Фантоматик. — Это в следующий раз. Сегодня я хочу побыть с вами.
— Да ты не болен ли? — забеспокоилась мама. И не без оснований, я такого никогда бы не сказал. — Дай-ка я твой
лоб попробую. — Мама безошибочно определяла температуру губами. Точней, чем медкибер.
— Да у тебя жар! — услышал я испуганный мамин голос.

Этого еще не хватало! Того и гляди она его сейчас в постель уложит и медкибера приставит. Вот тебе и счастье на полную катушку.

— Нет, мамочка, нет! — воскликнул Фантоматик. — Я совершенно здоров! Просто мне очень-очень хорошо. Не помножку, как говорит папа, а очень-очень много.

— Да ты, брат, и вправду не в себе, — подал голос папа. — Что за сантименты? А ну-ка пойдем к медкиберу.

Началось препирательство, но я прекрасно знал, чем оно закончится.

— У него что-то с мозгом! — услышал я испуганный мамин голос, и тут только обратил внимание на тревожный красный свет индикатора медконтроля на фантомате. — Говорила я тебе, что ему еще рано давать фантомат!

— Но медкибер подтвердил его готовность.

— Подтвердил-подтвердил... Теперь сам смотри, что твой медкибер подтверждает.

— Мамочка, папочка, я совершенно здоров! — взывал к ним Фантоматик. — Просто это... просто это адаптируется информационное поле.

— Чего-чего?! — в один голос воскликнули мама и папа.

— Да, — сказал папа, — придется пока опечатать фантомат. Он тебе еще не по силам.

— Не надо! — кричал Фантоматик. — Не надо!

Папа зашел в мою комнату и решительно направился к фантомату. Фантоматик с широко раскрытыми глазами показался и застыл на пороге. За ним выросла мама. Я сидел на люстре и не мог заставить себя пошевелиться или, хотя бы, что-нибудь крикнуть. Папа отключил фантомат...

... Фантоматик, сторбившись, стоял под выключенной люстрой, и в его протянутые ладони падал невидимый свет. Сухими глазами он глядел на фантомат и думал о том неизбежном моменте, когда его включат снова...

3. ДВЕРЬ

У нас была дверь. Большая-пребольшая. Даже громадная-прегромадная. И как только она умещалась в моей маленькой комнате? Я спросил об этом у мамы. Она стала объяснять что-то про оптические эффекты, преломление света на границе двух миров, но я ничего не понял. Тогда мама объяснила совсем коротко: «Объективная реальность!» — и я все понял. Объективная реальность — это то, что есть, потому что есть. Как небо, земля, я, мама, папа, мои игрушки, синтезатор, утилизатор, головизор, фантомат и, вообще, все-все. Больше я не спрашивал. Тем более, что мама строго-настрого запретила мне приближаться к этой двери. «Это очень-очень опасно!» — испуганно говорила мама, грозя пальцем. Мне совсем не было страшно, но с мамой лучше не спорить. Уж в этом я имел случай убедиться... А что дверь? Одно слово, нет, два — объективная реальность... Дует из нее, правда, сильно. «Сквозняк» — как всегда коротко объяснила мама и в очередной раз грозно потрясла пальцем перед моим носом. Да ну ее, эту дверь! И знать я ее не знаю, и знать не желаю, и близко не подойду, и не посмотрю в ее сторону! И чего мне на нее смотреть!? Не видел я, что ли, этого ключа с кольцом, из которого запросто можно сделать Чертовое Колесо в нашем сквере? Или не надоела мне эта пустующая замочная скважина, похожая на человечка с растопыренными руками? Да на фига мне эта проклятая цепочка, которая не дает чуть приоткрытой двери открыться полностью!? Кстати, и сквозняк этот занудный мне уже во как надоел! С ног валит, если совсем близко подойдешь. Только дураков нет. Пусть туда кто-нибудь другой подходит. Все равно ничего не видно. Думаю, если бы не сквозняк, то мама с папой давно бы эту дверь захлопнули. Не получается, видать. Хотел бы я только знать, какой великан забыл ключ в замке и закрыл дверь на цепочку? Куда он скрылся? И почему пустует замочная скважина, что ниже замка с ключом? Может быть, ключ должны вставить с другой стороны? И тогда дверь закроется?..

Мама только пожимает плечами и грустно смотрит на меня.

— Так всегда было, — солидно объясняет папа. Ну, ясно — опять объективная реальность. Ух, как она мне надоела!

Ты же знаешь, — вдруг разговорился папа, — такие двери есть в каждом доме. Без них нельзя. Без них жизнь останется. И когда-то давным-давно все эти двери были открыты настежь.

— Вот здорово! — порадовался я за предков.

— Да нет, сынок, — покачал головой папа, — в эту дверь приходили беды, и за ней пропадало много хороших людей.

— Потому двери такие большие? — догадался я.

— Может быть, — пожал плечами папа. — Так вот, как-то люди собрались на совет и решили закрыть двери. Они входили в каждый дом и все разом наваливались на дверь. И закрывали ее.

— И сквозняка не боялись?

— Боялись. Но если уж решили... — объяснял папа. Это мне было очень понятно. Отступить стыдно. Даже если никто не видит. А уж если все вместе — какой разговор?

— И все-все двери позакрывали? — торопясь, спросил я.

— Все, — подтвердил папа.

— И что? Жизнь остановилась?

— Остановилась, — вздохнул папа. Я представил, что жизнь остановилась, и мне стало жутко. Я тоже вздохнул.

— Зачем ты рассказываешь все это ребенку!? — попыталась возмутиться мама.

— Человек должен знать все, — спокойно ответил папа.

— Ноша должна быть посильной, — как-то вяло возразила мама и отвернулась.

— Ну и что? Что потом, папа? — умирал я от нетерпения.

— Сам видишь, — показал папа. — Их чуть-чуть приоткрыли. А чтобы не распахивались настежь, поставили цепочки.

— И жизнь снова задвигалась?

— Да, — развел руками папа, как бы демонстрируя мне движение жизни. Я посмотрел вокруг. Все стояло на своих местах. Как всегда. Никакого движения заметно не было. Ну и ладно. И так папа уже говорил очень долго. Обычно он молчит. Все пишет и пишет, и пишет. Но раз уж папа разговорился, я воспользовался случаем и задал еще один вопрос:

— Пап, мам, а почему эта дверь в моей комнате? — До меня никак не доходило, почему бы им не поселить меня в комнате, где нет такой двери? В своей, хотя бы. Если уж они так предохраняют меня от нее.

— Потому что... — сказал папа.

— Потому что... — сказала мама, и они оба замолчали, глядя друг на друга. Наверное, они удивились, почему такая простая мысль не пришла им в голову раньше. Я уже начал мысленно размещать свои игрушки в их комнате, но... увы.

— Вырастешь, сам поймешь, — нашелся папа.

— Да-да, — как-то очень торопливо согласилась мама, и глаза у нее подозрительно заблестели. Ох, уж эти женщины!

Все осталось по-прежнему. Вопросов я больше не задавал. Думал. Две мысли. Первая — как бы сделать так, чтобы двери были открыты, и беды в них не приходили. И вторая — как бы добраться до замочной скважины. Там, наверное, не сквозняк, а только маленький сквознячок. Авось, удастся заглянуть туда. За эту дверь. Может быть, тогда и первую мысль удалось бы додумать?..

Дядя по головизору говорил, что гениальные идеи приходят случайно, но в подготовленные головы. Точно! Однажды я стрелял из лука по мишени. На концах стрел вместо острия были маленькие пластмассовые присоски. И вот, с трудом отдирая стрелы от мишени, я придумал, как мне добраться до замочной скважины! Нужны четыре присоски — две для рук, с перчатками, и две для ног, с чем-нибудь вроде обуви. Сказано — сделано. Я бросил в утилизатор старые игрушки и синтезировал то, что мне было нужно. Потом потихоньку заглянул в мамину комнату: мама дремала, отложив в сторону книгу. У моих родителей родственные профессии: папа — писатель, а мама — читатель. Не знаю, кто из них устает больше, но в первый же раз попав в библиотеку, я понял, что мама всей работы все равно никогда не переделает. И мне стало ее очень жалко.

Итак, убедившись в том, что все спокойно, я приступил к испытаниям. Присоски присасывались прекрасно. Одна рука. Одна нога. Вторая рука. Толчок. Вторая нога и... я с грохотом оказываюсь на полу.

— Что случилось? — вбежала перепуганная мама.

— Да вот, — показал я присоски, — испытания. Хотел, как муха, по потолку пройтись.

— Этого мне еще не хватало! Горе ты мое. Да разве четыре присоски выдержат твой вес?! Прекрати сейчас же свои глупости. Включи лучше фантомат — я новые фантограммы принесла.

— Хорошо, мама. Только порядок наведу, — показал я на разбросанные игрушки.

— Порядок? — удивленно протянула мама. Она не верила ушам своим. А ведь порядок бывает разный: порядок вообще, который я не понимаю, и порядок для дела. — Ну, наводи. Не смею препятствовать, — разрешила мама и удалилась в свою комнату. А ее гениальная идея осталась со мной.

Я собрал все свои игрушки и отнес их в утилизаторную. Подождав, когда они растворятся в ванне утилизатора, я включил синтезатор и призвал на помощь всю свою конструкторскую смекалку. Это оказалось не так-то просто — синтезировать присоски целыми связками, чтобы можно было укрепить их по всему телу. И вот, наконец, присоски были готовы. На цыпочках пробравшись в свою комнату, я старательно закрепил все присоски и стал похож на гусеницу. Чтобы не создавать шума, я сначала решил потренироваться на полу. Быть гусеницей оказалось очень трудно. Сначала я никак не мог сообразить, где у меня что, если я — гусеница, и как со всем этим управляться. Но примерно через полчаса усиленных упражнений я еще не очень уверенно, но уже передвигался по полу. Мне не терпелось перейти к более серьезным испытаниям. И я полез на стенку: встал около нее и с размаху стукнулся всеми присосками выше пояса. Повис на них — держат. Тогда я отвел в сторону ноги и, согнув их в коленях, присосался к стене. Потом стал постепенно освобождать верхние присоски и, разгибая ноги, присасываться выше. Да что я объясняю — будто никто не видел, как ползает гусеница. Правда, настоящие гусеницы умерли бы со смеху, увидев меня. Тем не менее, я полз! Медленно, но верно. Полз по стене со стороны петель, на которых висела дверь, по направлению к замочной скважине. Наискосок, значит.

Самое трудное было миновать щель между косяком двери и дверью. Там тоже дуло. Поэтому я преодолевал это препятствие там, где нижняя петля. Но зря боялся. Все обошлось благополучно. Я закрепился нижней частью тела и, отведя назад верхнюю, перекинул ее через петлю. Здесь дуло гораздо слабей. Закрепился и перебрался на дверь. Все остальное было делом техники, которая оттачивалась у меня с каждым сантиметром пути.

Не знаю, как долго добирался я до замочной скважины, представлявшей мне окном в таинственный и зловещий мир, но я ее достиг. А сначала я услышал свист. Негромкий, но пронзительный. «Сквозняк в замочной скважине,» — определил я. Потом ощутил движение воздуха. «Только бы успеть заглянуть, — твердил я про себя, преодолевая сантиметр за сантиметром. — Только бы успеть заглянуть!» О том, что будет, если меня сдует сквозняком на пол, я не думал. Старался не думать. «Если уж решил... Даже если никто не видит...» — уничтожал я в себе временами возникшее постыдное желание вернуться.

И вот я почувствовал пальцами край. Я собрал свои нервы в комок — теперь я понял, что означает это выражение. И этот комок четко руководил моими мышцами. Я должен был сделать бросок, чтобы проникнуть внутрь скважины и успеть увидеть прежде, чем меня швырнет обратно. Мое тело — пружина, сжатая до отказа! Я выпрямляюсь и... мощный поток подхватывает мое тело, отрывая присоски, и несет сквозь замочную скважину. НА ТУ СТОРОНУ!.. Я ничего не успеваю заметить, только то, что скважина длинная и темная, как туннель...

Я на земле. Всеми своими присосками. Мне страшно. Что я натворил! Сейчас мама обнаружит мое исчезновение и... Я быстро освобождаюсь от присосок, если это вообще можно сделать быстро, и бегу... Бегу, и ветер свистит у меня в ушах, и трава хлещет по ногам... Теперь мама меня не догонит. А потом забеспокоится, перестанет злиться и простит. Мама добрая. Это она только в педагогических целях строгая. Я представляю, как она заходит в мою комнату... и останавливаюсь. Дурак! Как же она будет бежать за тобой! Ведь ты же за Дверью!.. Я оглядываюсь по сторонам. Мир, как мир. Ничего особенного. Земля, небо, трава,

цветы и прочая природа. И чего бояться эти взрослые? Пустовато, правда. Но это, наверное, только сначала, пока не встретишь кого-нибудь. «Надо поскорей возвращаться!» — твердо решаю я. Может, мама еще ничего не заметила. Обратно проще. Через щель. Пусть даже собьет сквозняком. Зато он дует домой.

Я бегу назад. У нас хорошая физподготовка. А я вообще чемпион по выносливости. Но не пробежал ли я? Где дверь?.. Я перехожу на шаг. Делаю упражнения для дыхания. Где дверь? Неужели я так далеко убежал?.. Ага, вот они, мои присоски. А где дверь?

И вдруг я замечаю недалеко от своего гусеничного обмундирования маленькую-прималенькую, совсем крохотную дверцу. Как будто она закрывает вход в какую-то норку. А где же моя Дверь? С досады я хотел пнуть эту игрушечную дверцу ногой, но мне вдруг послышались голоса. Или это комарик пропищал?.. Я прислушался. Звуки шли снизу. Я лег на землю и прислонил ухо к дверце.

— Сынок! Сыночек! — услышал я мамин голос. — Где ты, малыш?

— Сын! — донесся папин баритон. — Что за шутки?!

— Мама, папа! — закричал я. — Я здесь! За дверью! Вы слышите меня?

Но они не слышали. Они продолжали звать меня. А потом мама заплакала. И тогда я сорвал маленький-маленький цветочек, что-то вроде незабудки, и просунул его в замочную скважину — может быть заметят?

— Смотри, цветок! Какой громадный! — воскликнула мама. — Неужели?.. — По-моему, она все поняла, потому что призналась: — Я всегда этого боялась! — и заплакала еще безутешней.

— Это было неизбежно, — папин голос подозрительно дрожал. — Идем, мы будем приходить сюда.

Я представил, как он обнял маму за плечи, и услышал их удаляющиеся шаги...

Я построил дом возле этой дверцы. Пусть у наших домов будет хотя бы общая ДВЕРЬ.

Дверь, за которой остается самое дорогое.

ГРАЖДАНЕ НАШЕГО МИРА

Мощный огнемет на бронеходе. На пятьдесят метров садит. Где они только такой достали?

Плотность струи что надо. Вон как загорелся, с первого же захода. Хорошо горит. Потрескивает. Заметался. Нормально, так и должно быть.

Я посмотрел на часы. Тридцать секунд прошло. Пора бы уже. Ну, падай. Падай, давай! Падай, идиот!! Черт!! Сгорит же на хрен!

Горящий споткнулся, неуверенно постоял, качаясь, и грохнулся на спину. И еще несколько секунд горел лежа, пока не подбежали два техника с огнетушителями.

Ничего. Встанет, я с ним поговорю. И про технику безопасности, и про штрафы, и про расценки, и про то, что у нас очередь безработных на улице стоит. И что работой дорожить надо. Даже больше, чем жизнью.

Доведут меня, зараза. Каждый день успокоительное пью. А они этакое на площадке вытворяют. Нет, в груди колет не сильно. Но постоянно. Даже не пожалуешься никому. Выпрут. Причем, под благовидным предлогом — «забота о моем драгоценном здоровье». Волчи законы. У, шакалы...

Каскадер немного суетливо поднялся, отряхнул пену с защитного черного комбинезона и начал его стаскивать. Нашел место. Я поднял мегафон и скрипуче проревел:

— Василий Приходько! Выйдите из рабочей зоны! И подойдите к администратору картины! Немедленно!

О! Заспешил. Пока подойдет, можно по сторонам оглядеться. Как там Димов? Вроде, доволен. Смотрит оценивающе из-под козырька своей заморской кепки и молчит. Где он ее достал? Насмотрелся хроники, где Спилберг в такой в режиссерском кресле сидит, и собезьянничал. Бейсболка называется. Интересно, сколько он за нее отдал? У фарцы брал, поди.

Я сплюнул в грязь.

Подошел Приходько. И сразу решил радостью поделиться:

— Хорошо трюк отработали, правда?

Довольный, улыбающийся — так и сияет, будто рубль нашел.

— Хорошо... — у меня задергалось веко. — Ты почему в кадре двадцать секунд лишних пробыл? Давно в больнице не лежал?! Операцию на какие бы башли делал?! Зелени много появилось, да?!

Улыбка у Васи превратилась в кривую гримасу, и он тут же стал оправдываться:

— Да ребята всё проверили, подлатали, где надо. Нормально. Не сгорел бы...

— Да гори ты, как хочешь!! — не выдержал я. — В нерабочее время! А на площадке, что произойди, отвечать — мне! Понял?! Иди. И чтобы такого не повторилось. Свободных специалистов сейчас хватает...

Вроде бы облегчил душу, а внутри всё так и дрожит противно. И веко дергается, зараза. Работа в самом разгаре. Погода, как по заказу, режиссер в творческом угаре, все эпизоды чуть ли не с первого дубля снимаем — актеры всё понимают, что им Димов на пальцах втолковывает. Благодать. А я нутром неприятности чую.

И нервничаю от этого. А ведь вполне мог сидеть где-нибудь в кабинете и с Димовым по телефону разговаривать. «Как дела? Как успехи? Как продвигается наш фильм?» Он мне, кстати, предлагал такое. Я не согласился — не мог с площадки уйти. Не мог и всё тут.

А еще месяца три назад я был простым администратором без права голоса... Димов собрал съемочную группу и сказал, что финансирование прекращено. Государство у нас такое: хочет — дает, хочет — назад забирает. Потому как деньги под имя давало, а выхода продукции всё нет. «Димов нам снимет шедевр! Дадим ему денег сейчас, а после на всех фестивалях первые места заберем!» — функционеры так думают. То, что цены в разы выросли, никого не волнует.

Так вот собрал он нас, смотрит мрачно, как на врагов, и намекает, что наша совместная деятельность должна прекратиться. Я тогда и спросил:

— Сколько надо?

Димов ответил. Ему тоже не по сердцу работу прекращать было.

— Если найду деньги, будем снимать дальше? — уточняю.

Режиссер посмотрел на меня оценивающе и перед всеми сказал:

— Если найдешь, я тебя в титрах первым пропишу. Продюсером. И благодарность там же.

Деньги я достал. Принес. Выложил наличку перед режиссером, у него глаза под кепку полезли. Но где я их взял — не спросил. Правильно, чего в темные дела лезть?

До сих пор не могу себе объяснить — зачем я так сделал. Хотя попытаться можно. Наверно, из детства всё это. Прекрасно помню, как я держал в руках голубоватый томик с неясным рисунком на обложке и тихо радовался. Еще бы! Заполучить в те годы фантастику — несбыточная мечта. А купить, да еще в виде старой книги, — невероятное везение. В магазин я зашел случайно, перед обеденным перерывом. И как раз в этот момент на прилавок выложили очередную партию сданных книг. Я смотрел, как какой-то мужик вертит в руках потрепанную книгу, сомневаясь — брать ее или положить на место, и желал, чтобы она досталась мне. Не знаю, чем она мне приглянулась, но я сразу понял — вот то, без чего мне будет жить хуже, чем с ним.

Мужик закрыл обложку, глянул на меня и отложил книгу в сторону, прямо передо мной. Я тут же схватил ее, открыл, прочитал замечательные слова «Сборник научно-фантастических и приключенческих повестей и рассказов» и отдал продавщице. Та буркнула: «Рубль!», и я побежал платить за первую в моей жизни купленную книгу. Помню, как еще радовался, что заплатил на три копейки меньше, чем значилось на обложке...

Там было много чего. Но открылась книга на рисунке с двумя парнями, один из которых тащит другого, взвалив на спину, а под ногами у него валяется пулемет. С этой повести я и начал читать. Так и не останавливался, пока не дочитал, благо были каникулы. Светило солнце, зовя гулять, книга лежала на широком подоконнике, а я смотрел во двор, оперевшись локтями и подставив ладони под подбородок. И я был там, на Гиганде, которая совсем на миг, но показалась мне домом...

Администратором я так номинально и остался. Новая профессия — продюсер-администратор. Сам деньги плачу, сам их и трачу. Маразм. И отношение ко мне — двойственное. Когда я в роли спонсора выступаю — меня все превозносят и всякие любезности говорят. А когда администратором, то по привычке гоняют, кричат и указания дают.

Димову-то что — он режиссер, творец. Денежные дела его не заботят. И то, что нормальных спонсоров на художественные фильмы не найти — его не волнует. Нет, бывает, я не спорю. Это когда чья-то жена хочет сняться в главной роли. Если она актриса, пусть и невысокого уровня, — уже хорошо. Ее хоть можно научить, что и как делать. Хуже, если у нее только амбиции есть. И никакого умения и навыков, а уж тем более — таланта. Тогда постепенно отодвигаешь ее на роль второго плана, и в конечном итоге все остаются довольны: и муж-олигарх, и жена-псевдоактриса, и даже режиссер. Доволен ли администратор, почему-то никто не спрашивает.

Но если нет в фильме женских ролей, только в эпизодах? Если у режиссера нет громкого имени? Если он предпочитает снимать интеллектуальное кино, а не боевики? Если даже скандалов вокруг него нет? Как в этом случае выкручиваться администратору? Мне.

Реклама? Ну да, ну да. Интересно, что может рекламировать наш фильм? Новые модели огнеметов?

Не буду приbedняться — собрал я нормально. Обошлось без продажи машины и квартиры. Возвращать, конечно, надо. С процентами. С большими процентами. Так ведь когда начинали? Доллар тогда сто рублей стоил, а теперь за шесть тысяч перевалил. А они по курсу рассчитывают. И проценты по курсу. Снимем картину — тогда и придется продавать машины с квартирами. И спасибо, если не убьют. А так, только покалечат. Без пальцев, говорят, люди тоже живут.

Димов будто в другом мире живет. Графа, в которой сумма расходов стоит, для него не существует. Удобно, конечно, таким блаженным быть. Можно всем в тусовке рассказывать, что его денежные дела не интересуют — спонсор всё оплачивает. И всё тип-топ, не то, что у некоторых. При этом многозначительно смотреть на неудачников, которые картины сняли, а показать не могут. Соответственно, сидят без денег.

Что он скажет, когда сам в таком положении окажется? Лучше о таком даже не думать — чего беду кликать. Сама она придет, не задержится.

Я Димову раз намекнул, что несколько постельных сцен привлечет существенное количество зрителей. Он сценарий взял, ткнул его мне в морду и попросил показать, куда их вставлять. Было бы желание — вставил. А желающих на такое — пруд пруди.

Но если главный сказал, что без секса, значит без него. Уберем с плакатов слово «эротический». Оставим просто «триллер».

Я всех убедил, что снимается классный боевик, который затмит все голливудские поделки, и принесет десятикратную прибыль. Поверили. Что они скажут после просмотра? Будут пытаться вернуть с нас свои деньги или сразу закопают во дворе студии?

На сегодняшний момент главная задача — сэкономить на чем угодно, и дотянуть те деньги, что еще остались, до конца процесса. Второй раз не дадут.

Ручной труд у нас самый дешевый, в отличие от гнилого Запада. Экскаватор — непозволительная роскошь. Но если по сценарию надо копать, значит, без лопат не обойтись. А к ним — соответствующие руки.

Рыть окоп я нанял четырех солдатиков из расположенной неподалеку части. Старший офицер долго возражал, говорил об учениях, о строевой подготовке, о технике, которую надо ремонтировать. Так что пришлось дать ему пол-лимона за беспокойство. Тогда он повеселел, сказал, что я могу располагать любым из рядового и сержантского состава, а если и кормежка за наш счет, то время прихода в часть он не ограничивает. Главное, чтобы они не разбежались. А если отлынивать будут, так их запросто можно на кого другого поменять.

Обошлось. Ребята оказались привычные к трудовым будням. Сначала по душам поговорили, а после и о деле.

— Ну, начальник, как рыть? — спросил один из солдат, видимо, самый бойкий.

— Вон того металлического истукана видите?

— Ага, — подтвердили они вразнобой.

— Вот от него по прочерченным линиям и досюда. Понятно?

Бойкий смерил взглядом длину окопа и отказным тоном выдал:

— Это ж нам неделю париться...

— Значит, столько и будете, — прервал я его. — Кормежка по факту. Сколько откопаете, столько еды и получите. Заинтересованность, сами понимаете.

Рядовые уныло разобрали лопаты и пошли копать траншею по полному профилю с огневой ямой под мортиру. Не работу же этим заниматься. Который сделан из оцинковки и пустой внутри, как выпотрошенная консервная банка.

Хорошо солдатики постарались. Особенно натурально на позиции смотрелась бы тяжелая мортира из трубы, двух старых покрывок и листа фанеры, покрашенного в защитный желто-коричневый цвет.

Я им благодарность объявил. Им приятно, а мне ничего не стоит. Отправил их обратно в часть, спасибо сказал и даже денег подкинул немного — с душой ребята работали.

Съёмки — чистый курорт. Если бы не финансовая неуверенность, я бы тоже процессом наслаждался. Хотя нет. Димова, вон, тоже не всё устраивает. То сценарий не такой, хотя уже давно его во всех инстанциях согласовали, и он сам со всеми правками смирился. То натура не так смотрится, хотя вчера никаких нареканий не было. То с актерами проблемы, хотя у нас их всего ничего: один главный, один второстепенный, пятеро второго плана, массовка, каскадеры, и все горят желанием работать. Еще бы. Не халтуру гоним, и каждый на площадке это понимает.

У меня такое впечатление, что наш режиссер просто не привык к нормальному ходу съемок. Вечно ему всё запрещали, ставили препоны, заставляли переделывать, диктовали условия. Сейчас ничего такого не стало, ему и бороться не с чем. Вот он сам себе сложности находит, чтобы потом их успешно преодолевать. У него тогда вдохновение появляется, наверно. А у нас сейчас другие проблемы — денежные. Но это уже к нему никаким боком.

Если вспоминать, как съемки шли, — ничего особенного и не вспомнится. Я не про метания Димова. Про процесс. Как-то всё слишком ровно. Без спотыканий. Обычно либо погода подводит, либо аппаратура, либо люди. А тут как по заказу. Как, вроде, затык какой — что-нибудь обязательно случается, и всё нормализуется к общему удовольствию. По всем приметам — в конце большой гадости ожидать надо. Вот я всё жду ее, а она не приходит. Даже радоваться не могу хорошему. Пессимистом стал и мизантропом.

Поездить по стране нам всё-таки пришлось: в сценарии фактура подробно описана, и это не Подмоскovie, а значительно южнее. И пока вся группа сидела в Москве, мы с Димовым и Валентином — оператором — колесили по распашанным полям юга России. На Украину нас не тянуло — обстановка там была для нас совершенно непонятная, но явно угрожающая съемочному процессу.

Как мы нетронутый кусочек степи отыскивали среди огородов и гор мусора — не знаю. Везет Димову с натурой. А вот использовать его пришлось по максимуму. Во всех эпизодах, где степь, — он это, участок этот. И с прежде движущейся дорогой. И с обелиском, который на самом деле мне до пояса доходил, а Валентин его визуально на двадцать метров приподнял. И в сцене избиения мальчишки-математика. Вот сейчас солдаты его и перекопали траншеями — чтобы снять эпизод, в котором наш главный герой узнает, что война закончилась, и все по домам разошлись.

Тут всё без проблем: ставь свет и гони метры.

Снимать зоологические редкости оказалось еще проще: залили прозрачной пластмассой насекомых разных, чучела птиц чуть приукрасили, скелетов поставили с лишними костями. Пасть тахорга слепили из вараньей — при комбинированной съемке самое то будет. Лишь с одиночной ногой зверя с Яйлы повозиться пришлось: из гипса лепили, а потом раскрашивали. Если не присматриваться — впечатляет. Ну, и, разумеется, человеческий скелет притащили — для псевдохомо. Павильон для съемок идеально подошел.

А вот коттедж под красной черепичной крышей, чтобы его снаружи показать, долго не могли найти. Да и как найдешь? Кто строится — те объявлений не дают с картинками. Ходи по поселкам и рассматривай. Может, и понравится. Может, и найдешь. С хозяином договориться, и будет нам счастье.

И оно было. Димов что-то такое сплясал от радости, в избытке чувств с нами наобнимался и вызвал бригаду с аппаратурой. Большую часть картины там и отсняли. Хозяин участка ничуть не возражал. Как-то мне сказал, что убытки от нас он компенсирует потом, когда картину запустят, а он тут экскурсии устраивать будет. Что ж, его право. Деньги на чем угодно делать можно. Да и прогореть — тоже.

Интерьер больницы на площадке соорудили. Сняли эпизод, щиты перебрали, перекрасили и в гостиницу превратили. С внутренними помещениями дома, где большая часть действия происходит, так не получилось. Помещение там надо было больше, коридоры всякие, так что повозиться дольше пришлось. Декораторы справились. Что они сделать не смогли — так это видоизменяющуюся обстановку. Решили на этом не акцентироваться и оставить ее обычной и простой: койка железная с зеленым шерстяным одеялом, тумбочка деревянная, железный ящик, столик с лампой, два стула и шкаф для одежды. Дверь — нормальная, стены — в два цвета покрашены, оранжевый и белый. Всё в соответствии с описанием.

Бесконечные сценарные обеды-завтраки-ужины Димов подсократил. Оставил только те, что сюжет двигают. Диалоги разные, объяснялки, в общем, болтовню за жизнь. Природу оставил. Не может же герой всё время рассуждать, в потолок глядя. А рассуждает он много. В себе копается. Для боевика это лишнее, конечно, а для интеллектуального кино, которое Димов у себя постулирует, в самый раз.

Оружие всякое и прибабасы в мастерских понабрали, чтобы позакovskyристее по внешнему виду были. Этого много не требовалось — сценарий грамотно был написан, словно применительно к реальным возможностям нашего постсоветского пространства. Спасибо бы сказал, если б знал — кому.

Новая душевая кабина сошла за кабину нуль-транспортной: такая же круглая и матовая. В общем, с техническим оснащением тоже никаких проблем не было, за исключением звездолетов класса «призрак» для перелетов средней дальности. Мозгами пришлось поработать, пока сообразили, как наполнять невидимый объем постепенно твердеющим светом. Разумеется, не свет это был, а краска. Из стекла корпуса отлили — различной формы — и в аквариум ставили, чтобы стекло не разглядеть было. Потом через трубочку лили краску в корпус, она и заполняла объем. Камеру останавливали, воду спускали и после этого дальше снимали. Я потом смотрел — эффект убийственный, аж жутко.

Робота я не смог достать. Обошлись по старинке: нарядили человека в жестяные латы, показали, как двигаться и куда идти, ставку назначили, и играй, как можешь. Ну, и правильно. Этот робот по сценарию был явно живее человека. Хоть и тупой, машинный, а ему сочувствовали больше, чем той же Игнатъевой, которая раза три появлялась

на экране. Красивая она женщина, да персонаж ей достался сложный, неоднозначный: вроде как человек из-за нее страдает, а она ни с ним не может, ни без него.

Так этот съемочный день и закончился — на упаднической ноте. Зато следующий несколько сюрпризов преподнес. Прямо с утра.

Наша приглашенная звезда — Андрей Степанович, — обряженный в форму офицера-бронеходчика и выглядевший, как свадебный генерал, разговаривал с кем-то в черном мундире. При этом Андрей Степанович постепенно утрачивал столичный лоск, которым гордился, и становился похожим на то, ради чего его и пригласили: на боевого офицера.

Никто не спорит, он — великий актер и всё такое. И может приводить с собой кого захочет. И даже болтать с ним во время съемки. Но в любом случае — не надо забывать, кто здесь главный. А этот главный хочет через пятнадцать минут приступить к очередному эпизоду, в котором как раз Андрей Степанович и занят. Если актер не может сосредоточиться на роли, то как, скажите, он сыграет? Сколько дублей придется сделать? Есть ли у нас вообще столько пленки?

Я поднялся, оттолкнул от себя складной стул и зачавкал кроссовками вниз по склону — к любезной парочке, нарушающей график.

— Почему на площадке посторонние?! — настроение у меня было отвратительное. Ну, как не выместить его на подчиненных, пусть и номинальных?

— Это консультант, — ответил Андрей Степанович с достоинством дворянина, которых ему довелось немало сыграть.

— И кого он консультирует? — ядовито спросил я, надеясь, что от моего дыхания этот мальчишка пойдет пузырями и вмиг исчезнет.

— Меня. Например, он совершенно четко знает, как носить эту дурацкую форму, которую вы на меня напялили!

— И кто же его нанял? Зарплату ему кто начисляет?

Мальчишка обратил на меня внимание. Его странно посаженные желтые глаза, цветом напоминающие ту самую глину, которую мы месили уже третий день, оценивающе пробежались по моей скромной фигуре.

— Ваше звание? — спросил он меня и поставил этим вопросом в тупик. — Видимо выше, чем у господина старшего бронемастера, раз вы позволяете себе кричать на него?

— Да уж, выше... А твое? Доложить!

Он стукнул каблуками друг об друга с чавкающим от глины звуком, приложил пальцы к берету и отрапортовал:

— Капрал Гаг. Бойцовый Кот его высочества. Столичная школа.

— Вольно, — сказал я.

Зачем играть-то? Допустим, выучил ты роль. Непонятно только, где достал текст. Напялил мундир из реквизита. И сидит он на тебе, как по мерке сшитый. Не знаешь, кто тут главный. Потому, как только что пришел. Но надо-то тебе что?

— Разрешите выполнять задание? — спросил «бойцовый кот».

— Разрешаю, — зло ответил я.

Он повернулся кругом, сделал несколько шагов, чуть дернулся в сторону и пропал за каким-то прожектором. И я и думать о нем забыл. Режиссеру надо было четко обговорить с Андреем Степановичем сцену, все его шаги, переходы, повороты и диалог. Потому что играть он должен был не с партнером, а с тенью.

Димов вообще офигительную вещь придумал. Или подсмотрел где, не знаю. Большую часть экранного времени давать изображение, как взгляд главного героя. А самого героя — не показывать. Дескать, с ним говорят, общаются, а он только отвечает и смотрит. Ну, и внутренний диалог ведет. Внешность только в начале дать со стороны и в конце — где он на своей планете мурыжится. Преимуществ — масса. В основном в денежном выражении. Только на озвучку потратиться и всё.

В этом эпизоде, кроме «господина бронемастера» и главного героя, еще и Юрьев участвовал — второй герой, выступающий в роли альтерэго главному. Весь такой положительный, увлеченный работой и с проблемами в личной жизни. За подбором актеров я не следил — не мое дело — но я бы кого пофактурнее взял. Не тянул Юрьев.

Валентин машинку настроил и Димову пальцем показал — готово, дескать. Димов и рад: «Мотор», и пошло-поехало. И уже не Андрей Степанович у окна стоит, сигаретку курит, а господин старший бронемастер, Голубой Дракон при всех регалиях, бритым затылком отсвечивает и дымок из-за плеча пускает. А уж говорит, говорит как! Слова зажевывает, понять едва можно, да пробирают они пуще речи отрепетированной. Живые слова. Настоящие. Страшно перед таким стоять и слушать: убьет, не заметит.

И когда он пошел на камеру, я даже отодвинулся подальше, вместе со стулом, — вплотную к стене. Юрьев реплику свою сказал, одернул бронемастера. Тот лицом дрогнул, словно услышал нечто противное естеству, но подчинился, сел в кресло, вина попросил. Юрьев ему подал бокал. Андрей Степанович слегка расслабленно к губам его поднес, и тут мы все слышим: «Голубые Драконы вина не пьют. Они вообще спиртного не пьют...» — ехидным таким голосом.

Слова, конечно, прямо по сценарию, только говорить их некому — с тенью же работаем. Андрей Степанович аж вздрогнул, вино расплескал на мундир. Димов как заорет: «Стоп!! Кто сказал?!» Да кто ж признается?

Концовку переснимать, конечно, пришлось. Но и во второй раз старший бронемастер смотрелся впечатляюще. От его вида простым людям страшно становилось. Мне, например.

Умеет Андрей Степанович, умеет. Я уже представил, как главным героем становится он, а с афиш глядит на нас его мужественный профиль, призывающий купить билеты и в очередной раз посмотреть, как его герой разделяется с крутыми парнями из другого лагеря. Всё к этому идет. Фильм спасти надо. Придется к Димову подкатывать и подки-

дывать ему эту идею. Он, конечно, заартачится. Но даже на него у меня есть определенные методы. Злоупотреблять ими не стоит, но когда безвыходное положение...

Бутерброд я сжевал за пять минут. Еще столько же дегустировал назойливо рекламируемый по телевизору «Севен ап». Вкус этой гадости был совершенно не похож на то, что о нем говорили. Вместо седьмого неба я видел изрытое и изуродованное нами совхозное поле с останками боевой техники, полуразбитыми манекенами, должными изображать трупы, и маленькой фигуркой, бредущей из одного конца поля в другой.

Я даже не сразу понял, что его здесь быть не должно — настолько естественно он себя вел. Обычно люди из массовки нервничают, громко смеются, разговаривают, жестикулируют, думая, что именно так надо вести себя в кадре. Пока растолкуешь такому деятелю, что его задача молча стоять, пока главный герой проходит мимо, взопреешь от бесплодных усилий. А этот шел через рабочую зону, словно он ходил тут тысячу раз. Ловко уклоняясь от металлического лома, перепрыгивая глубокие лужи и ставя ноги именно там, где меньше всего шансов поскользнуться. Держал кадр.

— Снимай, — сказал я Валентину, и тот застрекотал камерой.

Мало ли что Димов потом скажет. Покупка пленки всё равно моя забота.

— Что это ты снимаешь?!

Ну, вот. До «потом» отложить не удалось. И что его принесло? Обед только через полчаса закончится.

— Фактура хорошая, — я взял объяснения на себя. — Смотрите, как идет.

Димов набычился, оценивая то, что он видел, с тем, как это должно быть, и нехотя признал:

— Неплохо. Потом приведи его ко мне.

— Зачем? — что-то во мне сопротивлялось решению режиссера.

— Забыл, что ли? У нас на главную роль до сих пор никто не отобран! А это — то, что требуется. Из массовки?

— Я уточню.

— Давай быстрее. Одна нога здесь, и сразу — там.

— Бегу-бегу.

Вот так звездами и становятся. Главное, на глаза режиссеру в нужный момент попасться. А там само завертится.

Но, надо признать, вовремя этот парень появился. Нам собственно два эпизода и осталось снять — первый и последний, где главный герой появляется. Еще чуть, и Димов бы из всех душу вытряс, что не обеспечили его потребностей.

Бегать мне не пришлось. Парень прошел до границы площадки, постоял, рассматривая место, где заканчивалось глиняное месиво, переходя в несрезанный дерн, и пошел обратно. Шел он тяжело, уже не выбирая места, где ступить, разбрызгивая грязные лужи и оскальзываясь.

— Ты кого искал? — спросил я парня в форме, когда тот вернулся весь нахохлившийся и взъерошенный, как воробей после драки, в которой его изрядно потрепали.

— Гепарда, — буркнул он.

Я не очень понял и сразу к делу перешел:

— Димова знаешь? Не знаешь, конечно. Режиссер. Фильм снимает. Тебя пригласил на главную роль. Пойдешь?

Парень глянул исподлобья, разлепил губы и выдавил:

— Зачем это?

— Ну, как... Деньги, слава, поклонницы. Будут в толпе узнавать и на шею вешаться. Некоторым нравится, но скоро надоедает.

— Труха... — отозвался он брезгливо.

Я был с ним солидарен, но моей целью было уговорить его сниматься, а вовсе не наоборот.

— Так что ты хочешь? У тебя какие условия будут? — а сам начал судорожно подсчитывать в уме — сколько у нас есть свободных средств и где еще урезаться придется.

— Пленку. Чтобы потом посмотреть можно было. И аппарат. Ну, и разное там, по мелочам — чего скажу. Питание, например, — он смотрел вызывающе, уже готовый отказаться, и ждал только моих ответных слов.

Вот до чего доходит. Уже массовка выпендривается. Потом осветители захотят больше, курьеры всякие. К чему мир катится? Однако нечего делать. Димов сказал — снимать, значит — снимать.

— Договорились. Пошли. На довольствие тебя поставлю, — я похлопал его по плечу, чуть подталкивая и разворачивая в нужную сторону.

Мимо прошли два техника, негромко переругиваясь и смоля сигареты. Гаг повернулся и с тоской завязтого курильщика проводил их взглядом.

— Не обращай внимания, — я достал пачку, которую носил для любителей пострелять курево, выбил папиросу и сунул парнишке, — ты вообще откуда?

Он не ответил. Взял папиросу двумя пальцами, осмотрел ее удивленно, сунул в рот. Я щелкнул зажигалкой. Он глубоко вдохнул и как-то подобрел даже. Веселость в лице появилась. Ну, значит, всё нормально. Можно его Димову передать, а тут умеет людей увлекать. Не заметишь — последнее отдашь, если попросит.

Пока готовили площадку, Димов с пареньком разговаривал. Тот всё головой кивал. Лишь только один раз замотал отрицательно, с чем-то не соглашаясь. Ну, это ничего. Димов не такой упертый, как некоторые. Либо уговорит, либо отступит здесь от своего, чтобы на другое надавить.

Я отвлекся и Димова увидел, только когда он ко мне подошел:

— Сегодня я с Гагом прорепетирую. Снимать завтра буду. Ты пленку подготовь. Ну, с тем материалом, что только что сняли. Перед началом посмотрю, может, какие новые мысли появятся.

— В проявку, что ли, отдать? — не сразу сообразил я.

— Именно. Действуй. Можешь даже на площадку сегодня не возвращаться. Но чтоб завтра материал был. Будет. У меня даже здесь кое-какие связи появились.

Камера словно нехотя осматривала поле боя, неторопливо перемещаясь от одного предмета к другому, задерживаясь у каждого на некоторое время, всякий раз другое. И от этого казалось, что человек неторопливо идет, что-то ища и не находя. Усталый, потерявший надежду, и всё же не оставляющий намерений найти.

Грязное поле, с остатками колосющихся злаков, изборожденное глубокими колеями от бронетранспортеров. Желтая дорога с обломанным шлагбаумом, куски которого еще цеплялись за опорные стойки. Канава, залитая мутной водой, в которой лежало чье-то тело лицом вниз. Полоса выгоревшей земли с неприятными бугорками, уже холодная и мокрая от дождя.

Прыгающий и вместе с тем плавный ход, говорил о том, что снимали с рук. И снимал профессионал. Но вчера я ведь сам давал команду «мотор» и прекрасно видел, что попадало в поле зрения камеры, и как она двигалась. Да никак. На месте она стояла. Шел Гаг, всё это рассматривая, останавливаясь, где попало, и снова идя.

А ведь всё просто: камера была у него в глазах! Я усмехнулся своему дикому предположению. Не бывает так.

Даже Валентин не удержался от комментария, нарушая тишину просмотра:

— Нет, я это не снимал!

Димов остановил просмотр и включил свет.

— А кто снимал?! Кто снимал, тебя спрашиваю? Пленку в проявку кто отдавал?!

— Ну, я... И всё равно: не мое.

— Ага. На студии подменили. Да и вообще — чего ты споришь? Кадры хорошие... Жизненно.

— Чужие кадры. Натурализм. Если так дальше пойдет — ищи другого оператора на замену. Я тут снимаю, парюсь, а моё потом черт те во что переделывается.

— Само переделывается, что ли?

— Не волнует. Еще эту хрень увижу — и я предупреждал, — Валентин поднялся, пинком распахнул дверь и вышел, не прощаясь.

Димов снял кепку за козырек и утер лоб рукавом. Вздохнул, посмотрел на меня и с сожалением сказал:

— Тебе разбираться.

Кому ж еще. Кто б сомневался.

В одном Димов прав: снято качественно, хотя и напоминает документальную съемку. Чего быть, разумеется, не может. Да и Валентин так никогда не снимет. А жаль. Знает же, что заменить его некем, вот и ставит условия. Где я вам классного оператора найду за такие деньги? Экономия, может быть, и двигатель прогресса, но к искусству это — никаким боком. И к чему он отснятый материал решил посмотреть? Пусть снимает, а смотреть у нас монтажер будет. Так и объясню: дескать, всё сразу на монтаж уходит — сроки поджимают. Димов одобрит, куда денется. А если в итоге получится лучше, чем Валентин снимал, так к тому времени это уже никого волновать не будет.

Вот еще одна забота. Может, это и есть первый сигнал? Начала схода лавины. Упала одна маленькая снежинка, которая вообще ничего не весит и где-нибудь на равнине ничего не значит. Но в горах она — толчок для развития ужасающих событий, которых вот сейчас не видно, но они обязательно будут. И ты знаешь о них. Но ничего изменить не можешь — даже отойти в сторону. Сойдет лавина, и ничего не останется: ни тебя, ни кого другого, случайно попавшего ей на пути. Можно лишь пролететь вместе с ней, задыхаясь колючими ледяными кристаллами, и вспомнить свою жизнь.

Но, может, зря я так волнуюсь? Ну, получилось у Валентина что-то необычное. Так ведь фильм практически готов. Димов с Гагом поработает, дня за три-четыре всё доснимут, в проявку и на монтаж. А там наделают копий, и поедем мы «Оскар» получать...

Размечтался.

Всё равно надо дотянуть эти дни. Больным, что ли, сказать? А что? Обойдутся без меня. Если что срочное — поднимут. А так — выздоравливаю, но на улицу врачи выходить не разрешают.

Странно. Никто не потревожил меня, пока я торчал в своей комнате. Забыли, что ли?

Только раз Димов зашел, оглядел комнату, стараясь не смотреть на кровать, где я лежал, и сказал в пространство:

— Завтра уезжаем. Собирайся. Или прислать кого, чтоб помог?

— Не надо. Справлюсь. Как картина?

— Нормально, — а сам в глаза не смотрит.

— Всё сняли? — уточняю.

— Всё, всё. Монтажом я сам займусь, как приедем.

Ну, его право. Творец, всё ж таки. Так и ушел, ничего толком не сказав. Случилось у них чего? Было б что серьезное по моей части, Димов сказал бы, не удержался. С актерами поругался? С Валентином? Да чего загадки загадывать — любителей поболтать у нас немало, сами расскажут.

Молчат. Ходят какие-то квелье и молчат. А я таким бодрячком среди них идиотом выгляжу. Но собрались быстро, как никогда. Только ни шуток, ни разговоров, ни планов. Будто не картину закончили, а потеряли что-то. Причем, самое ценное, у кого что есть. Неуютно с ними.

Я даже спрашивать у них боялся — что случилось. А то спрошу, узнаю и сам таким же стану, как они.

Погрузились. И так незаметно до дома доехали. У меня, конечно, сразу финансовые проблемы появились. Так что я туда-сюда сунулся, с тем-другим поговорил, сбегал в одно-другое место. В общем, делами занялся. Отвлекли они меня. Сильно и довольно надолго.

Димов совершенно неожиданно позвонил. «Приходи, — говорит, — на рабочий просмотр. Не пожалеешь». Я отказываться не стал. Сказал, что приду, и трубку повесил. И только потом стал думать. Ну, не мог Димов так быстро с монтажом справиться. Не в его это стиле. Обычно он раз пять всё перемонтировал. Начало в конец пихал, а конец в середину. Всё добивался большей выразительности. Я ж помню. Не первый раз с ним. А тут две недели, и картина практически готова.

Рабочий просмотр для своих делают — чтобы заведомые ляпы убрать, пока на них кто другой не указал и не посмеялся. Вот и посмотрю, что там Димов навалял, и выскажусь, если что не так. Мой голос здесь не последний.

Тихо было в зале. Все сидели поодиночке. Я Димова углядел, хотел к нему подсесть, да передумал: атмосфера была как перед грозой — душная и тяжелая. Незачем режиссера тревожить. Поискал других, кого знал, но все с такими лицами сидели, что лучше не суйся к ним: либо просто пошлют, либо пару раз по роже двинут, чтоб лучше понял.

Погас свет. Застрекотал киноаппарат. Поползли титры по старенькому латаному экрану. Белые буквы на желто-глиняном фоне раскисшей дороги. Камера поднялась, и стали видны круглые домики на высоких сваях. Под домами валялась всякая рухлядь, между сваями сушились растянутые сети. Хотя, как и что в болотах ловить сетями — неясно. Лягушек, что ли?

Кроме странных домиков, неподалеку дымит полевая кухня, а левее, под маскировочным тентом, находится медпункт. Камера неторопливо перемещается вслед за двумя идущими военными в черной форме. Они направляются к открытым почти возле самых джунглей окопам, ругаются с командиром обосновавшейся здесь части, замечают пленных. Один из военных, в котором я узнаю главного героя, отводит имперцев назад для допроса. Его тут же посылают обратно — к господину наставнику.

Задание Гагу дают простое — установить на позицию ракетомет и удерживать рубеж обороны. И ему почти удается это. Но мощный залп неожиданно начавшего атаку противника сметает и Гага, и ракетомет в кювет.

Бронеходов много, и едут они неудержимо, стреляя во все стороны, с вполне понятной целью уничтожить всё живое. Я смотрел на это неотвратимое движение, и хотелось сползти со стула и спрятаться.

Не успел.

Прямо в экран пальнул бронеход из огнемета, ослепляя меня. И закрутило, закрутило, мучительно пережевывая и выплевывая по частям, так что каждая часть, хоть и летела отдельно, но всё равно оставалась частью меня. И вот я рухнул во что-то липкое, холодное и противное. Куда не желаешь попасть, обходя стороной гнилые канавы, сточные ямы и тому подобные места.

Я открыл глаза, поморгал, пытаюсь сквозь разноцветные пятна разглядеть хоть что-нибудь вокруг. Ничего нового. Только к зрительным ощущениям добавились и остальные. Так что же это?! Где я?! Куда попал? Зачем? Почему?

Может, Димов встроил в картину излучатель гипнотических волн? Чтобы напугать зрителей? Не тем, что происходит на экране, а тем, что происходит с ними самими? Что ж. Тогда это ему удалось в полной мере. Я испытывал смертельную тоску безвозвратности происходящего. Подобную той, какую чувствуешь, когда казнят невиновного. Все знают об этом, но воспрепятствовать не могут. Так постановил суд. Все факты против обвиняемого. Можно стенать, плакать, взывать к палачу — ничего не поможет. Свершится предначертанное. Паршиво и страшно.

Пахло гарью. Приторно-гадостно. Я с трудом выдрал ногу из желто-коричневой раскисшей глины и шагнул к черной металлической громадине, из которой валил черный же дым. Зачем? Ну, зачем мне к ней идти? Что я там потерял? А ведь я собираюсь потрогать борт, покрытый гарью, липкой даже на вид. Наверно, чтобы убедиться в его существовании, да? Тяжеленных комьев, налипших на ботинки, не хватает? А холодной воды, от которой хлюпает в обуви, — тоже? Влажного ветра, хлещущего по лицу и продувающего тонкую куртку вместе с рубашкой?

Я начал неудержимо дрожать. Не только от внезапно нахлынувшего холода, но и от нервного потрясения. Вместе с тем я вертел головой, чтобы успеть побольше рассмотреть и поделиться потом с другими зрителями. Я что, надеюсь выбраться отсюда обратно? Излишне самоуверенно. Я усмехнулся.

И мир вокруг меня померк и как-то потек, искажаясь: и головешки от сожженной деревни, и чадащие имперские бронеходы, и болотная жижа под ногами.

Что-то вернуло меня обратно, в мягкое кресло малого просмотрового зала. Не хотелось даже анализировать — что. Включились боковые светильники, и я прищурился. Как-то скверно. Ноги замерзли жутко — я почти не чувствовал пальцев. Но желания смотреть на ноги не возникало: как-то не улыбалось увидеть их в грязно-желтых разводах. Потому, как очень сильно не хотелось убеждаться в том, что я побывал в экранном пространстве. «В натуре», как сейчас стало модно говорить.

Интересно, что видели остальные? Просто эпизод фильма? С моим участием или нет? Или, как и я, оказались там, на этой страшной и грязной планете, где убивают людей? И, вернувшись, боятся опустить глаза, чтобы не увериться в реальности того, что было? Не потому ли все сели как можно дальше друг от друга? Они предвидели такой результат? Или кто-то рассказал им об этом? Гаг? Кстати, вот его-то я в зале и не вижу...

— Эпизод два, — объявил техник.

Погас свет.

Высокий человек, стоящий передо мной, взирал на меня с недовольным видом.

— Вы что тут делаете? В таком виде?

Он явно обращался ко мне, и я ответил, слегка с вызовом:

— В каком — таком?

Мне почему-то не было страшно. Скорей всего, я уже что-то такое ожидал после первого случая. К тому же, мир здесь был гораздо гостеприимнее первого.

— В грязном и мокром, конечно. Обсушитесь и смените одежду. И пройдите к диагностику. Судя по красным пятнам на лице, вы, таки, подцепили сезонную лихорадку.

— Это куда?

Мужчина театрально закатил глаза и махнул на меня рукой:

— Нет, вы подумайте, кого к нам присылают! Они полностью теряют ориентацию после переадаптации! — и, уже обращаясь прямо ко мне, добавил. — Вон, видите большой красный крест? Это и есть диагност. Когда предъядитесь ему, закажите в автомате смену одежды. И, желательно, всё это проделать с максимально возможной скоростью. Я жду вашего отчета.

Какого отчета? Что ему от меня надо? Тут бы просто два шага сделать, а он просит нечто невообразимое. Стоп. Отчет он хочет только после того, как я приведу себя в нормальный вид. Тут наши желания совпадают. И, если я переоденусь в сухое и чистое, плохо не будет никому.

Я сделал эти пресловутые два шага.

Пространство, ограниченное зеленоватыми светящимися стенами и окном от пола до потолка, сквозь которое предметы выглядели размытыми, непонятным образом вдруг раздвинулось, охватывая меня со всех сторон. Будто из маленькой комнатки выходишь на балкон и вдруг оказываешься на сороковом этаже, а дверь, что вывела тебя сюда, исчезает. Ты ищешь и не можешь найти ручку, чтобы вернуться обратно, и остается стоять, зажмурив глаза и надеясь, что бесконечность под тобой, вверху и впереди вдруг пропадет сама собой.

Я шел по длинному пустому коридору без дверей, окон и светильников. При этом в нем было вполне светло. Сколько идти — я не представлял. Поэтому зал, с множеством людей, сидящих в нем, возникший, казалось бы, из ничего, оказался для меня полной неожиданностью. Зал был высокий, светлый, со стеклянной стеной, за которой виднелась какая-то зелень и дорожки, посыпанные темно-желтым песком.

Я остановился в дверном проеме и недовольно уставился на всех этих галдящих и гомонящих человек. Их веселость показалась мне чересчур нарочитой, показной. Словно не для себя они радовались, а чтобы показать всем остальным, что с ними всё хорошо и нет поводов для беспокойства.

И от моего взгляда они как-то потускнели и примолкли. При этом я мог поклясться, что ни один из них даже на миллиметр не сдвинулся, чтобы посмотреть на меня. Глаза у них, что ли, по-другому устроены? Ну, и шут с ними. Мне вымыться и переодеться надо. Интересно, где это у них? У кого бы спросить?

Я ткнулся к одному, второму, но все только неопределенно махали руками, причем в разные стороны, так что я озверел просто. Чуть успокоившись и отдышавшись, я решил попробовать еще раз. Подошел к высокому мужику в шортах и майке, взял его за руку и, убедительно заглядывая ему в глаза, сказал:

— Мне нужно вымыться и переодеться. Я потерял ориентацию. Помогите, пожалуйста — отведите в нужное место.

Мужик растерянно посмотрел на мои пальцы, вцепившиеся в его необъятный бицепс, и сказал басом:

— Ты, это, не переживай. Сейчас мы всё устроим. Только не держись так сильно — пальцы поломаешь...

Шутник, однако. Но ведь помог! Отвел в какую-то кабину, показал там кнопки, на которые нажать надо, и ручкой помахал на прощание. Я кабину закрыл, свое снял и душ включил горячий, чтоб смыть с себя поскорее и грязь, и запах этот — горелого мяса. Потом по местной моде принарядился — в шорты и курточку. А вот что дальше делать, куда идти, где искать давешнего типа — не знаю. Не спросил.

Решил обратно к залу идти — может, скажет кто. Да только и зала этого не могу найти. Вконец потерялся. На улицу как-то вышел. Зря. Там вообще жуть, что оказалось: животные какие-то ненормальные, вроде полосатого жирафа, и люди, на людей вовсе не похожие. Я как увидел его лысую голову с множеством гребней, бугорков и шишек, чуть в обморок не грохнулся.

Обратно в дом убежал, отдышаться попытался, а сам всё смотрю — не идет ли еще какое-нибудь чудовище нечеловеческого вида с непонятными намерениями. В стене коридора внезапно проявилась дверь, и я вздрогнул, взвинченный до предела.

Мне навстречу вышел паренек, точь-в-точь, как тот, что болтался у нас по площадке. Он смерил меня презрительным взглядом, обозвал почему-то «дикобразом» и сплюнул мне под ноги.

— Но-но! — высокий человек, который меня встретил в самом начале, появился также неожиданно и вид имел самый суровый. — Не забывай! У нас не принято плевать.

— Да ладно! — парень махнул рукой. — Не очень-то и хотелось. Вы лучше с ним разберитесь. Подозрительный тип.

— Что же подозрительного ты находишь? — высокий внимательно и изучающе оглядел меня с головы до ног. — Обычный агент...

— Это я — агент, что ли?! — возмутился я. — Я тут совершенно случайно! И вообще, что это за место?!

— Госпиталь. Если у агентов обнаружено заболевание после выполнения задания, его помещают сюда. Так вы прошли диагностирование?

— Нет! — резко ответил я.

— Пойдемте! — высокий повернул по коридору, и я обреченно поплелся вслед за ним.

Мы остановились у внезапно открывшейся ниши, меня решительно взяли за руку и впихнули эту руку внутрь. Куда, я даже не стал смотреть. Смотрел я на терпеливо ждущего мужчину.

— Кстати, как вас зовут? — некстати спросил я.

— Корней, — представился высокий. — А его — Гаг. Кажется, вы уже знакомы.
— Пётр... Куда мы? — я не стал отрицать или подтверждать знакомство. Пусть думает, что хочет.
Корней обернулся ко мне всем телом, слегка удивленно посмотрел и сказал:
— Мы же говорили об этом. Ко мне домой...

Я просто ничего не понимал. Какой смысл везти меня к себе домой, выспрашивать о моих желаниях и нуждах, давать мне всё это, а потом исчезать по делам? Я думал, Корней будет у меня что-нибудь спрашивать, и даже готовился к возможным вопросам. Он был занят. Все вокруг него были заняты — из тех, кто появлялся в доме. Я не хотел вникать — чем. Меня интересовал сам мир, куда я попал. Пока было даже не ясно, что это за планета. Возможно, Земля. Или что-нибудь подобное ей, потому что вечером в синей вышине висел белый полупрозрачный серпик Луны.

Корней ничего не запрещал. Быстро пробежал со мной по дому, показал комнаты, технику, нуль-кабину, сказал: «пользуйтесь!» и убежал.

Отлично! Полная свобода перемещений и запросов. Хочешь — на Луну перемещайся, хочешь — на другой материк, если он здесь есть, конечно. Что ни попроси — исполняется. Не интересно просить. Но попрыгал по планете много, в свое удовольствие.

Наудачу прыгал. Наберу шифр, мигнет зеленая лампочка, я тогда на красную кнопку жму и оказываюсь у черта на куличиках. Да, Земля... Убедился. Но вы можете представить пустую Красную площадь в середине летнего дня? Или такую же Дворцовую, где кроме Александровской колонны ничто не возмущает ровной поверхности бульжной мостовой? Пусто. И это не запустение покинутых городов. Кажется, что люди только что были здесь, но перед самым моим приходом спрятались, чтобы не отвлекать меня, или не испугать. Хотя, чего мне бояться?

Не было ни праздно шатающихся туристов, с восторгом глазеющих на всё подряд, ни машин, которые стремительно проезжают или пролетают над улицами. Ни пыли, ни неперемогенного мусора, ни увядшей травы. Всё чисто. Стерильно чисто. Даже чирикание воробьев, мне казалось, идет из скрытых динамиков на деревьях.

Мне становилось жутко, и я прыгал обратно — в суету непонятных мне событий. И где приятнее находиться в одиночестве? Среди занятых людей, или в пустых городах? Только случайная встреча с Гагом в коридоре отвлекла меня.

Он позвал меня к себе, усадил на железную койку и разговорился:

— ...Я, когда позицию увидел, и бронеход этот сгоревший, и кучи головешек вместо деревни, почему-то подумал, что назад вернулся. Домой, то есть. Вроде, меня тут хотели сначала без сознания продержат или загипнотизировать, чтобы я ничего не помнил и не понимал. Продержали и на то же место и положили. Нет, не сходится. Я же помню всё. И про Корнея, и про Драмбу, и про «призрак»... Но уж больно похоже. Точь-в-точь, когда последний бой был. Даже трупы не убрали... Всех вас только потом заметил.

— И что тогда подумал?

— Да ничего такого. Решил приспособливаться к окружению.

— Вроде, у тебя удачно получилось, — польстил я ему.

Гаг задумался, забыв обо мне. Потом встрепенулся, огляделся: сначала в сторону окна, потом на меня, и продолжил:

— Мне Корней много чего рассказывал. Про вариатор — тоже. Если человек не понимает, или ему не нужно — сразу забывается, будто и не говорили тебе вовсе. А тут понадобилось — и вспомнил. У них такая машина есть. Главное в деталях представить — куда попасть хочешь. Я и представил. Последнее, что по Гиганде помнил — вот то самое, поле боя. Только, наверно, старался плохо. Потому что избавиться от мыслей об этом мире не получается. Всюду он лезет. Но это не страшно. Время закончится, и всё исчезнет. Ты. Другие люди. Вещи ваши. Глина эта дурацкая. Да и я.

Всё исчезнет... Ну не может же наш мир с его неурядицами быть полностью придуманным этим мальчишкой. Или в этом вариаторе важна только идея, а он сам достраивает недостающее? Мне сделалось муторно. Мы же простые люди. Ну не могли нас придумать. Этот мир ненастоящий! Потому и странный такой. Искусственный он.

Вошел Корней, Гаг вскочил с койки, и я медленно поднялся вслед за ним, совершенно автоматически.

— Пойдем! — Корней кивнул мне.

Мы вышли и быстро зашагали куда-то вниз и еще ниже — я еле поспевал за размашистыми шагами Корнея.

— Садись, — он подтолкнул мне кресло на колесиках — редкая древность по здешним меркам.

Я сел.

— Смотри. На экран смотри. Это новостная хроника. Сегодняшний день.

Ничего особенного. Ну, да, не Земля. Названия планет быстро исчезали из угла экрана — я даже не пытался их прочитать. Все разные. И везде — люди, люди, люди... Работают, отдыхают, наслаждаются жизнью и своим делом. Живут, в общем. И всё у них не так, как у нас. Непривычно. Как будто ненастоящее, словно на показ. Или они так привыкли? Когда нечего бояться?

Станет ли наш мир таким?

Вот в это я не верил.

А Корней говорил, не умолкая:

— Заповедник здесь. Понимаешь? Потому и народу мало. Но каждый хоть изредка возвращается в свой дом. Наш дом — здесь, как ты не понимаешь?

Я понимал. Я даже мог поверить Корнею. Но я всё еще помнил слова Гага про вариатор. Ведь не зря же он существует. Нет истины. У всех своя правда.

А Корней всё вещал, убеждал меня, призывал остаться. Сдался я ему, как же.

— У нас есть, где жить. Земля — не единственное место обитания. Выбор большой и он — за тобой.

Я выбрал.

Было светло и тихо. А хотелось закричать во всю глотку, чтобы заложило в ушах у соседей, чтобы самому оглохнуть и не слышать весь тот бред, которым вечно пичкают отовсюду.

Где Димов?! Где этот гад?! Я ему всё скажу! Всё выскажу! Куда он подевался, зараза?! Неужели остался там?! В своем выдуманном мире?!

Я не видел затылка режиссера. Не было его на прежнем месте. Ноги, будто набитые колкой ватой, еле приподняли меня, сделали два неверных шага, так что только руки, упертые в спинки кресел, не позволили мне упасть. Надо было успеть, пока не поставили очередной эпизод...

Я побежал, шатаюсь, но с каждым прыжком увереннее и быстрее. Ворвался в кинобудку и изо всех сил вломил по затылку Андрею-киномеханику: он как раз ставил бобину в киноаппарат. Пускай полежит, отдохнет. Минут через десять его найдут, приведут в чувство. Или он сам поднимется и скажет, что фильм исчез.

Именно это я и собираюсь — забрать его. Обещал же Гагу пленку. Примерно это и сделаю. Я точно знаю — это единственная копия. У Димова свои привычки. Так что не будет сгоревшей киностудии. Никто ничего не узнает. И не обратит внимания на незначительный инцидент. Да и что мне могут инкриминировать? Похищение чужой собственности? А где собственник? Исчез? Может, и его я похитил? И отвез к себе домой на метро. Домыслы ничего не дадут. Фактов не раскроют. Никто ничего не поймет.

Я спокойно погрузил в рюкзак Андрея все коробки, вышел через пожарный выход и аккуратно притворил за собой дверь. Не стоит ловить частника. Лишний жетон в метро за провоз багажа и нет проблем. Сколько их сейчас под землей со своими тележками, рюкзаками и авоськами, толкающихся и несчастных. Граждан нашего мира.

Воспоминания не оставляли меня. Чистый воздух. Бесконечное свободное пространство. Доброжелательные счастливые люди. Как же там было хорошо...

Я правильно остался здесь. А Димову там самое место. Надеюсь, он не сможет вернуться обратно, чтобы еще раз снять свое гениальное кино.

Пустьрь напротив дома — отличное место для того, что я задумал. Мне даже не помешает то, что ноги скользят по серой грязи, а руки онемели: того гляди, пальцы разожмутся, и коробки посыплются на жесткие высохшие стебли чертополоха.

Из окна я наметил место и теперь упрямо шел к нему, хотя любое другое было ничем не хуже этого. Единственным его преимуществом было то, что среди косогоров из отвалов грунта, которые насыпали строители, прежде чем уйти со стройки, оно казалось ровным и при этом закрытым от любопытных взглядов прохожих.

Ориентир — мокрая унылая березка, плачущая под осенним дождем и теряющая лист за листом, — остался по правую руку. Вот она — моя Голгофа, о которой никто не узнает.

Я вывалил на мокрую землю катушки из коробок, нервно пощелкал зажигалкой и, когда на фитиле едва затеплился огонек, сносимый ветром, поднес ее к пленке. Занялось радостно. Яркий столб жаркого пламени взметнулась так, что даже мелкий дождь прекратил сеяться по лицу.

Истерический смех так и норовил вырваться — я еле сдерживался. Ведь я прекрасно понимал — что сжигаю. Шанс для людей попасть в тот счастливый мир, где всё хорошо. Где людям радостно жить. И все проблемы — мелкие, легко решаемые. Туда, где невозможно не быть счастливым... Я сжигал надежду.

А теперь представьте, что туда полезет всякая грязь и дрянь: олигархи, взошедшие на вершину по трупам близким им людей. Или тупые братки, за пару сотен готовых с радостью прирезать человека, а перед этим изрядно его помучить: так, для развлечения. Не обойдется и без политических деятелей, которые вообще не люди — настолько бездушными они кажутся даже мне, далекому от политики.

В чьи руки попадет этот фильм?

Риторический вопрос. Уже ни в чьи.

Пленка догорела.

Лишь тлела желтая круглая этикетка на коробке, по букве укорачивая название фильма...

ОДИН ПРОЦЕНТ БЕССМЕРТИЯ

— Я хочу быть как ты.

Убийственно серьезно. Мелкая пыль слез на умело подкрашенных ресничках. Губки надула — прелесть какая...
Глупая.

Она прижимается ко мне и утыкается носом в плечо. Тихо вздыхаю — рубашка белая. Дорогая. А помада с нее стирается? Въедливая, небось.

Выброшу к чертовой матери. Запах духов точно не уйдет еще долго, а я не хочу вспоминать...

Зачем приехала, глупенькая? Зачем пришла ко мне домой? Зачем мы сидим сейчас на этом крылечке, а я тебя обнимаю и не знаю, что сказать?..

— Ты же можешь, — всхлипнула она и подняла головку, умоляюще глядя мне в глаза. Красивая. На фарфоровом личике — точеный носик, аппетитные губки, огромные печальные глаза. И светлые кудряшки рассыпаны по плечам.

А на щеках — мокрые дорожки. Это слезы проложили себе путь через слой тонального крема, румян, пудры... чем там еще себя разрисовывают женщины? Глупышка, тебе это ни к чему. Смой с себя эту гадость. Ты же юная, свежая, как весенний ветерок, как веточка сирени...

Красивая. Бедная куколка.

Поднимаю руку и стираю слезинку с ее щеки. Она чуть улыбается и прикрывает глаза, а маленькая ладошка с непомерно длинными ногтями накрывает мою ладонь.

— Пожалуйста, — вновь просит она.

— Милая...

— Милая, — горько повторяет она и отстраняется. Закрываю лицо руками — всего на миг. Я устал. Дико устал — от сцен, подобных этой, от постоянных забот и проблем, от своей гребаной жизни... идиот. Дурак, какой дурак...

Она копается в сумочке — последняя коллекция кого-то там, других не признает. Красные ручки в стразах. Гадость.

— Ты не бросила, — уныло констатирую я, глядя, как она затягивается тонкой розовой сигаретой с тошнотворно-приторным запахом.

— Нет. Я не могу.

— Тебе же врачи велели.

— И что? — с вызовом восклицает она. — Парой месяцев больше, парой меньше — теперь уже разницы нет. А ты не хочешь мне помочь.

Боги-боги...

— Ты должен...

— Я — должен?! Дорогая, не забывайся. Я. Тебе. Ничего. Не должен, — возмущенно припечатываю я. Она хлопает ресничками и недоуменно спрашивает:

— Ты... меня не любишь?

Едва сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться. Любишь... как мило!

— Прелесть моя, запомни одну вещь. Дорогие красивые куколочки с фарфоровыми головками нужны для того, чтобы на них любоваться, чтобы одевать их в красивую одежду и многокаратовые цацки. Чтобы трахать их, наконец. Но не любить. Любят живых людей.

Сигарета падает из тонких пальчиков. В мокрую траву, не на крыльцо, слава богу. Оно деревянное, испортится еще.

— А я... а я кто? — потрясенно всхлипывает она, а из глаз текут черные от туши слезы. — Я человек, слышишь, ты, урод, я живой человек!

— Ты кукла. Красивая, но пустоголовая куколочка.

Она вскакивает, бешено сверкая глазами, и с размаху влепляет мне шикарную пощечину. В чем-чем, а в пощечинах я разбираюсь...

— Скотина, — шипит она и уносится прочь, увязая шпильками в земле. Выбирается на дорожку и бежит к воротам, ругаясь на чем свет стоит и абсолютно не стесняясь в выражениях. Да, дорогая, ты права. Я сволочь. Да и все остальное, что ты говоришь — тоже я.

Поднимаюсь и хочу уйти в дом — но слышу, что она кашляет. Снова. Оборачиваюсь — она стоит, согнувшись, возле своей игрушечной машинки, и надрывно бухает — по-другому не скажешь.

А на земле — красное пятно.

Она, тяжело и хрипло дыша, выпрямляется и злобно смотрит на меня, будто говоря: «Видишь, ублюдок?! Это ты виноват! Это все твоя вина, засранец, твоя!»

Нет, детка. Это твоя вина. И только твоя.

Захлопываю дверь и сдираю с себя рубашку. Белую и дорогую.

Акции все поднимаются и поднимаются. Как всегда.

Я закрываю ноутбук и откидываюсь в кресле, глядя в окно. Вид со второго этажа моего дома, где собственно и находится кабинет, открывается чудный — лес невдалеке, озеро блестит на солнце... красиво.

А из головы все не идет моя глупышка. Девятнадцать лет, а своей головы еще нет.

У меня ее нет и в сто четыре...

Интересно, где теперь моя семья? Дети давно умерли... Внуки доживают свой век на островах. Правнуки — даже не знаю, где их разметало, штук восемь, что ли... Старшие праправнуки, кажется, школу заканчивают.

Сколько родственников! И хоть бы один навестил.

И живых душ в этом огромном доме — я, домработница, садовник и волкодав Роланд. Занятно, что домработница вдвое младше меня, а я рядом с ней чувствую себя непутевым мальчишкой.

Закат где-то вдалеке стыдливо алеет, а глаза мои уже слипаются. Решаю спуститься и выпить кофе.

Домработница — пухлая тетка с седыми кучеряшками — сидит на кухне у стойки, смотрит телевизор. Подхожу:

— Варвар Иванна, кофейку не найдется?

— Фу ты, — всплескивает руками женщина. — Не пугай так. Тебе какого?

— Черного и покрепче.

— С сахаром?

— Конечно.

Без сахара кофе не пью. Не могу. Чай — пожалуйста, а кофе... Кто-то вообще с солью пьет. Не понимаю.

— Сегодня ученые из Новосибирска объявили о создании новой модификации «эликсира жизни», — деловито сообщает дикторша. Молоденькая такая, гладко прилизанная. Голос у нее красивый. — Теперь он выступает также в качестве иммуномодулятора, и потребителям «эликсира» болезни уже не страшны. С подробностями из Новосибирска — Павел Толокнов. Павел?

— Спасибо, Елизавета. Я нахожусь в лаборатории научно...

— Держи, — говорит Варвара Ивановна. Аромат от кофе просто божественный. А сам он... меня сразу встряхнуло.

— Бр... спасибо, — улыбнулся я, делая еще глоток. Вкусно и действенно.

— ... новый препарат все так же содержит экстракт из крови морской черепахи...

— А чего Анжелика-то опять приходила?

Морщусь. Анжелика... ужасное, приторное имя. Даже не имя, кличка. «Подиумный псевдоним». Наверняка ее зовут Настей, или Машей, или еще как — хорошо и ласково.

Анжелика... тьфу.

— Бессмертия просила.

— А ты что? — настораживается Варвара.

— Не могу я... А мог бы — не дал.

— А вот это правильно, — подобрела женщина. — Жалко, конечно, девчонку, но... — Она оглядывается и шепотом добавляет: — Но зачем такой вечная жизнь? Будет проматывать деньги да сверкать задницей на своих показах, зачем оно надо?

Я хмыкаю и делаю еще глоток, вполуха слушая новости.

— ... в связи с чем главы семи стран подали прошение о пересмотре закона, требуя повышения количества потребителей «эликсира» с одного процента до двух или, по меньшей мере, до полутора.

Ни черта себе. Шестидесяти пяти миллионов бессмертных им мало!

— ... также активизировалась оппозиция потребителям «эликсира жизни». Глава оппозиции намеревается обратиться в международный суд с требованиями пересмотра критериев личностей потребителей. Его высказывание, цитирую: «Вечно жить должны полезные для мира и общества люди. Поэты, писатели, композиторы, ученые — все они смогут найти достойное применение своим годам, сумеют сделать Землю и человечество лучше», — конец цитаты.

А дальше, — усмехаюсь я, — он наверняка добавил, что богатеи, которые только и делают, что приумножают свои баблосы, только расстрелять, чтоб небо не коптели почем зря. Все равно годы проматывают. Это-то почему не сказали? Цензура заедает, да?

— И к другим новостям. Сегодня в больнице в тяжелом состоянии оказался знаменитейший поэт и драматург нашего столетия Константин Еремеев, — бесстрастно сообщает дикторша. Я едва не подавился. Костька?.. — С сердечным приступом его доставили сегодня в половине пятого утра...

— Твою мать, — подсказываю я. Варвара Ивановна застывает мне путь с боевым кличем:

— Ку-уда?

— В больницу, куда, — раздражаюсь я и пытаюсь ее обойти.

— А ты хоть знаешь, в какую? — прищуривается она. — Да ты сам подумай, дурья твоя башка: пока узнаешь, пока соберешься, доедешь — ночь уже будет, хрен тебя кто куда пустит!

Я отступаю и сажусь обратно на табурет. Верно... Эх, Костя-Костя, что ж ты так!..

— Лучше ложись спать пораньше, — советует Варвара Ивановна. — Утро вечера, как говорится...

Вздрагиваю. Эх, Варварушка, знала б ты, что такое ночь для меня!..

23:51.

Стою у окна, пялюсь в непроглядную темень. Фонари не зажигают почему-то.

Спать хочется...

Но боязно.

Когда я стал бояться спать? Точно и не помню... да и не сразу так получилось, не вдруг. Года три назад, наверное.

Иногда бессмертные встречаются, разговаривают о своей вечной жизни — кто как ее проживает. Замрет вдруг разговор, взгляд в глаза — «А у тебя тоже так, да?...»

Мне вот привиделась болезнь Анжелики. Лет пять тому. Сидел себе спокойно, работал — и вдруг перед глазами вместо дисплея картина: девушка, молодая, красивая — умирает где-то за кулисами подиума, прямо во время показа, умирает от рака легких.

А потом я ее нашел. Пытался спасти дурочку. Она меня не послушала.

Смешно. Изобрели бессмертие, теперь изобрели бессмертие без болезней — а действенное лекарство от рака все еще найти не могут. Первую стадию лечат, вторую лечат... а дальше ты уже не жилец.

Тру переносицу. Глаза устали уже от мониторов ноутбуков, компьютеров, от неона. А в темноте хоть отдохну.

Пусть немного.

Все равно потом за мной придут...

За годы бессмертия восприятие меняется. Как-то и почему-то... Годам к восьмидесяти-девяноста приобретаешь шестое чувство. У стариков оно тоже есть, но несколько деформированное, придавленное грузом старости и изменений в психике.

А у нас оно выпрямляется и расцветает...

Бессмертные это не афишируют, не хотят, чтобы их изучали, делали лабораторными мышками, принуждали помогать. Шестое чувство — оно такое, своевольное, по указке не работает. Показывает то, что считает нужным. И только между собой мы иногда делимся: «А мне вот недавно привиделось...»

А потом начинается странное.

Помню, привел к себе какую-то девицу — не Анжелику, другую. Тоже молоденькая фифа, похожая на куклу Барби, с длинными стройными ножками и нежной кожей. Подцепил на фуршет. В мои годы фуршеты давно становятся скучной и неприятной, но необходимой обязанностью.

Когда я заснул... я тогда подумал — странный сон какой-то. Как будто меня вытаскивают из моего тела... духи — не духи, призраки или еще кто, тащат наверх, над городом, над людьми... и мне все видно, все понятно, куда ни посмотрю. Там кто-то плачет, здесь — танцует и смеется, тут — занимается любовью, кто-то где-то видит цветные сны, а прямо подо мной в переулке грабят парня... Весь город, все его жизни в одночасье свалились на меня, и я проснулся странно уставшим — морально, не физически.

А девица скорчилась возле кровати, завернувшись в простыню, хлопает испуганными глазенками.

Она подумала, что я умер...

Позже я узнал, кто эти духи. Кто-то называет их музами, кто-то — лукавым... имен много. И каждую ночь я встречаюсь с ними. Каждую ночь погружаюсь в безумие жизни, и нельзя сказать, что это прошло бесследно для меня...

Глаза слипаются. Тело требует отдыха, и придется ему подчиниться.

Стоит заснуть...

Вот они, рядом, кружат надо мной. Бесплотные... но красивые. Тени, привидения, озарения, мечты...

— Идем, — говорят они, и я иду.

И я иду за ними. Туда, в темноту и ночь. Сегодня их всего двое, они схватили меня за руки и тащат куда-то...

— Стойте, — говорю я. — Подождите...

— Чего хочешь, человек?

— Вы можете показать мне друга?

— Мы можем, человек.

Древние существа. Им простительно чувство превосходства над нами, глупыми людьми, очень глупыми бессмертными, но они снисходят до моей просьбы и ведут к Костику.

Город, город подо мной... красив и ужасен. Заливая небо неонами, лучами прожекторов, он пытается не спать, пытается бороться с ночью. Только это бесполезно, эта дама всегда берет свое. Я многое узнал за время, что ко мне приходят мои музы. Но еще больше я не знаю и не узнаю никогда.

Больница. Белая коробочка, где мечутся в бреде, мучаются от боли, умирают... воскресают, встают на ноги, благодарят и рыдают... И где-то там он — Костя.

Мы познакомились с ним лет сорок назад — когда я уже четверть века как обзавелся бессмертием, а он был всего лишь студентом филфака. Чертовски талантливым начинающим литератором. Он мило смущался от моих восторгов, а когда я предложил финансировать его творчество, даже не поверил сначала. А потом благодарил, благодарил всю жизнь.

Его романы, стихи, пьесы... я никогда не считал себя особо чувствительным, или философом, или еще кем — однако Костя сумел как-то проникнуть в мою черствую душу и согреть ее изнутри. Его стихи пели и поют в замечательных песнях, его творчество обожали и обожают миллионы во всем мире, а он все так же мило смущается и идет воплощать новую идею, могущую перевернуть Землю...

А теперь вот — с сердцем. Большой и беспомощный. Спит с трубками в носу, чуть причмокивая губами, как младенец.

— Он скоро умрет, твой друг, — тихо сообщает дух слева от меня. — Они не сумеют помочь ему.

Он шевелится. Тихо зовет меня по имени, но, открыв глаза — я ожидаю, что он увидит меня, — он не знает, что я здесь, не видит. Разочарованно вздыхает и снова засыпает.

— Он на пороге смерти, человек. Поэтому чувствует тебя.

Костик-Костик... так любишь жить, друг.

— Варвара Ивановна, ну зачем Вы смотрите эту гадость? — флегматично интересуюсь я, заходя на кухню, где уже завершаются новости. Не пропускает ведь ни одного выпуска, а потом со вкусом рассказывает, где какой самолет еще разбился.

— В курсе дел быть, — ворчит женщина. — Передали, что Анжелика твоя с высоты ночью сбросилась.

Мне становится жарко.

— Во сколько?

— Часов в одиннадцать или в полдвенадцатого. Страсти-то какие... жалко девку, ой жалко как...

Странно. Почему мне не жаль? Почему я думаю лишь о том, чтобы у меня не было проблем в связи с ее самоубийством? Глупая, глупая куколка. С фарфоровой головкой...

В город. В больницу. Быстро.

Он все так же лежит — больной и бледный, с трубками в носу, на руке...

Сестры едва впустили меня. Больному нужен покой. Больному хуже. Больной в тяжелом состоянии...

— Кость...

— А?.. — он с трудом поднимает веки и фокусирует взгляд на мне. — Это ты?

— Ну конечно я, — отвечаю, стараясь скрыть дрожь в голосе, и присаживаюсь рядом. Друг мой, добрый, хороший, единственный настоящий друг... — Как ты?

Глупый вопрос. Но что еще скажешь?

— Хреново... сердце колет, левая рука едва двигается, видишь? — Он слегка шевельнул пальцами. Черные вены под кожей страшно перекатываются вместе с иглой капельницы. — Разваливаюсь...

Не выдерживаю и отвожу глаза. Невыносимо тяжело и жалко глядеть на него такого. Жизнелюбец, солнечный человек... где он теперь?

— Как живется, упырь? — слабо усмехается он. Улыбаюсь — наша обычная шуточка.

— Как упырю, — вздыхаю. — Темно и беспросветно.

— Жить надоело?

— Есть такое. Зачем мне, прагматичному цинику, вечная жизнь? Жить должны светлые люди, которые кого-нибудь согреют...

Жарко. Расстегиваю верхние пуговицы на рубашке — интересно, я покраснел?..

Вот оно, вот что сделать надо!..

— Кость... ты бы хотел этого?

— Чего?

— Жить. Долго. Не болеть, писать книги и стихи... хочешь?

Он неверяще смотрит на меня, будто не понимая — как я снова обратился к нему с этим разговором...

— Мы уже говорили об этом, — слабо отвечает он.

— Ты должен жить и писать!

— Кому я должен?

— Пожалуйста, соглашайся.

— Знаешь, — хрипло начал Кость и замолк, подбирая слова. — Знаешь, лучше чего-то не успеть, чем исписаться и умереть душой. Потому что жизнь без творчества для меня — не жизнь, а черт-те что.

— Ты живой! — восклицаю и осекаюсь, продолжая уже тише. — Ты живой, ты настоящий, ты сумеешь! Это я — с калькулятором вместо сердца, у меня нет смысла жить. А ты...

— А я... останусь собой.

— Упрямец.

Упрямец. Я готов свою жизнь отдать за твои песни, за твои пьесы, а ты...

Мы так и не договорились ни до чего. Через двадцать минут пришла сестра и попросту выгнала меня вон, заявив, что больному пора на процедуры.

Сидя в коридоре и не решаясь уйти, я размышлял. Неужели я правда хочу умереть?.. Хочу оставить свое дело, потомков... которым до меня дела нет... оставить все, чего достиг...

Чего? Кучи бабла? Оно и без меня найдет свое место в мире.

Кость, я тебя уговорю, решил я, доставая мобильник. Нотариус...

— И допишите еще пункт, Алексей Леонидович, — говорю я и протягиваю ему конверт. — Передайте ему вот это письмо.

Нотариус послушно вкладывает конверт в завещание и убирает все вместе в сейф. Половина имущества внукам, половина — Косте. Компания Лельке — толковая у меня правнучка, выведет мой кораблик из любого кризиса. И Косте поможет.

— Это все... — нотариус не закончил вопрос. Пиликает мой телефон, высветив незнакомый номер.

— Да?

— У Константина инфаркт, — сухо сообщает женский голос. У меня подгибаются колени.

— Как он?

— Тяжело. В данный момент без сознания.

— Подготовьте «эликсир» и все необходимые документы, — рявкаю я, срываясь с места и жестом подзывая нотариуса.

— Но необходима подпись...

— Он же без сознания, черт вас дерит! — ору я, уже не скрывая эмоций. — Кончайте со своей бюрократией, готовьте документы!

Где-то в больнице медсестра недоуменно положила гудящую трубку.

Один процент бессмертия.

Всего один.

Всего лишь целый процент. Много и мало. Много для целого мира и так мало — для всего одной жизни...

Я лежу на больничной койке в дурацкой рубашонке — или как их там. Рядом возится персонал, подготавливая препарат для эвтаназии, Алексей Леонидович деловито перебирает бумажки, низко склонив голову.

А рядом сидит живехонький Костя.

Смахивает слезы с покрасневших глаз. Тяжело вздыхает и гладит меня по руке.

— Ты дурак... — всхлипывает он. Впервые вижу плачущего Костю. Хочется отвернуться, но я смотрю. Смотрю, смотрю... будто так цепляюсь за жизнь.

Еще немного.

Еще чуть-чуть!..

Дурацкий один процент.

— Я знаю.

— Дурак...

— Знаю, знаю...

— Такую глупость совершил!..

— Да. Всего одну, но большую. Прожил жизнь, — вздыхаю я. — Обидно, что глаза открываются только теперь.

— Все равно ты дурак, — сердится Костя. — Как я буду жить, писать?..

— Как всегда — хорошо и красиво, — улыбаюсь. — Ты нужнее этому дурацкому миру, чем я.

Один процент. Не больше. Даже одним человеком — не больше. Только шестьдесят пять миллионов.

Шестьдесят четыре миллиона девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять богатых идиотов и один Костя.

ПОМОЙЩИК

Я знаю точно — мешки для мусора придумал добрый волшебник. Потому что не было в моем раннерогаточном возрасте тоскливей момента, чем тот, что доносил до моих ушей мамино «вынеси ведро». Ведро прекрасно слышит мамины слова. Оно сразу становится выше меня ростом и тяжелее, чем папина гиря. Оно начинает противно вонять, хотя до этого скромно стояло под раковиной, и было таким маленьким, что я его не замечал. Злое ведро ухмыляется криво и ржаво. Когда я тащу его вниз по лестнице, норовит больно ударить под коленку своим колючим краем, а его тонкая беспощадная ручка нарезает красные полосы на моих ладонях. Я знаю, отчего ведро злится. Оттого, что мама купила новое дорогое ведро для чистой воды; оно сверкало изнутри белоснежной эмалью, а снаружи — благородной зеленью. У него удобная деревянная ручка, за которую так и хотелось взяться. Его мыли горячей водой с мылом, наполняли голубой водой и ставили на почетную табуретку, накрытую кружевной тряпочкой. Я подходил к нему, поднимал ручку горизонтально, и отпускал. И ведро мне отвечало чистым глубоким голосом: «баммммм... и еще раз: баммммм...» Мама тогда кричала из комнаты: «не играйся с ведром! Эмаль отколешь!»

Старому помойному ведру очень хотелось помыться, но самое большее, на что оно могло рассчитывать — быть слегка сполоснутым холодной водой. Старое грязное ведро ничего не могло сделать тем, кто бросал в него картофельные очистки, рыбы кости и прочий мусор, но вместе с мусором оно копilo злобу, и отыгрывалось на мне. Странно, но мама почему-то этого никогда не понимала, и часто отдавала меня на растерзание вредной железяке.

Хуже всего то, что его приходилось тащить назад. Ведро при этом возмущенно громыхало, воняло еще сильнее, и не давало присоединиться к моим счастливым друзьям во дворе. Друзья смеялись, стреляли в ведро из рогаток, хотя и сами иногда таскали свои злые ведра. Я ненавидел старое ведро, и оно отвечало мне взаимностью. В конце концов оно прохудилось. Папа принес другое ведро, слегка помятое, зато оцинкованное, и вполне для мусора приличное. Мама сказала, чтобы я выбросил мусор вместе со старым ведром. Я тащил своего врага по лестнице и улыбался в предвкушении расправы. Прямо с помойки я побегу к друзьям, оставив поверженного врага в куче мусора. И мы вместе расстреляем его из наших верных рогаток. Наивный мальчик! Я не знал, какую гадость проклятое ведро готовит мне напоследок.

Подойдя к нашей мусорной куче (а тогда баков не было), я стал раскачивать тяжелое ведро взад и вперед, еще и еще, чтобы закинуть его на самый верх вонючей горы. Но... вдруг у подлого ведра оторвалась ручка, оно предательски ударило меня под коленку, я упал в грязь и больно ушибся. А ведерочные внутренности разлетелись вокруг.

Заплакав от боли и досады, я побежал домой. Мама отругала меня, отмыла грязь и смазала йодом большую ссадину. Было очень больно, и я опять заплакал. Папа, хмурясь, пошел во двор собирать рассыпанный мусор.

Нет, нет, черные мешки придумал добрый волшебник.

Он навсегда избавил детей от злых ведер.

И памятник ему должен стоять на каждой помойке!

С тех пор прошло очень много лет. Последнее время картины детства часто приходят ко мне. Перед глазами вдруг возник в подробностях кривой рисунок, что я выжег увеличительным стеклом на лавочке во дворе. Мне было тогда лет восемь. Вспомнил форму ключа, потерянного в далеком детстве. Мне вспоминаются сотни событий, приятных, и не очень, пережитых мной в школьные годы. Вспоминается даже детский сад. Я как бы начал путешествие во времени назад, в детство. Это приносит едва уловимую радость и вполне реальную тревогу. Ибо означать может только одно — приближение смерти.

Память — странная вещь. Я пишу список покупок, потому что забываю, зачем пришел в магазин. Иногда я расплачиваюсь и ухожу, забыв взять продукты. Продавцы кричат: «Мужчина! Товар возьмите!» Я возвращаюсь, беру свой пакет, рассыпаюсь в благодарностях. И мне стыдно.

Ноябрьским утром я вышел из подъезда, держа в руке мешок с мусором. Двор был темен, потому что снег еще не выпал, а из пяти фонарей горели два. Я всегда выхожу минут на десять пораньше. Не спеша надел темные очки. Внимательно осмотрел двор. Ничего не видно. Прошел по тропке до мусорных баков, бросил мешок. Обернувшись, осмотрел двор с этой стороны. Показалось, что... Нет, не показалось. Есть!

Красная точка, налево от тропки. Со стороны дома я ее не заметил. Осторожно подошел, присел на корточки. Оглянулся — никого нет. Достал из внутреннего кармана бамбуковый пинцет и контейнер, похожий на огрызок толстого карандаша. Потихоньку разгреб пинцетом влажные бурые листья. Вот он, К.УБ. Самая опасная вещь на свете. А с виду — сама невинность. Маленький светящийся шарик. Горошина. Светодиод без ножек. Я отвинтил крышку контейнера. Предельно осторожно взял светящийся шарик пинцетом и опустил внутрь. Завинтил крышку. Выпрямился, подождал, пока снизится пульс. Прошло минуты три, прежде чем рука ощутила, как контейнер слабо дернулся, и по телу пробежала теплая волна. Я стоял, переживая непередаваемо приятное чувство, «оргазм в кубе» Все. Дело сделано.

Подошел к мусорке, стараясь не наступить в грязь.

Первым делом бросил пинцет в бак. Напевая мотивчик, открутил крышку контейнера и перевернул его над баком. И даже не смотрел, как высыпалась щепотка белого порошка. Поцелкав пальцем по шестигранному «карандашу», дунул туда, завинтил крышку и отправил в карман. Ну-у-у-у, день уже не прошел даром!

Я сунул руки в карманы и направился к автобусной остановке.

«...и хорошее настроение не покинет больше вас!»

Работалось легко до самого вечера. В такие дни хорошо работается.

Вечером достал из кладовки остатки бамбукового удилица и принялся за дело. У меня еще остались два пинцета, но с собой я ношу не меньше трех. Потому что использовать дважды один и тот же пинцет смертельно опасно. Использованный пинцет даже класть в карман смертельно опасно. Он должен быть утилизирован согласно инструкции. То есть выброшен в мусорный бак. Почему? Так положено.

Опасным становится все, к чему прикасался К.УБ. Кроме, разве что, земли да прелых листьев. И контейнера, где он отдает дьяволу свою огненную душу. Кстати, совсем о нем забыл. О контейнере. Пошел в прихожую, достал контейнер из кармана теплой куртки, открыл, сполоснул под краном, вытряхнул каплю воды и положил сушиться. Зеркала, которыми покрыты внутри его шесть граней, должны быть идеально чистыми. Чтобы Концентрат Убийства быстрей рассыпался в порошок.

Я расщеплял бамбуковый цилиндр на небольшие, чуть вогнутые палочки, и мастерил из них пинцеты. Таким пинцетом удобно захватывать маленькие круглые предметы. Готовую продукцию проверял на горошинах, рассыпанных по столу.

Как я стал помойщиком? Вообще-то я называюсь Утилизатор концентратов убийства. УК.УБ. Но мы называем себя помойщиками. Потому что делаем грязную работу — выбрасываем в помойку самые мерзкие намерения людей. Да, я слышал, что это слово означает что-то нехорошее на языке обитателей тюрем, но мне до них дела нет. А стал я помойщиком после Того Случая.

Когда мне сообщили про Тот Случай, я сначала не поверил. С нами такого быть не может. Это ошибка. После опознания, когда стало страшно ясно, что это не ошибка... Я сидел на кухне, держа в одной руке ее фотографию, а в другой — стакан. Пил водку стаканами, не пьянея, иногда выбегая в туалет, где меня рвало; возвращался на кухню и снова наливал...

И думал о мести. Я разорвал бы негодяя на кусочки. А потом прыгнул бы с балкона. Потому что — все равно.

Вспоминаю немое кино: автобус, люди, бумажные цветы, свежая земля. Ко мне подходили, сжимали руку, что-то говорили...

А вокруг лежали бесконечные поля крестов...

Приходил капитан милиции. Спрашивал. Я отвечал. Он записывал. Снова кухня и опять водка. Люди приходили, люди уходили, утешали, что-то приносили, родственники мои, родственники ее, друзья, ребята с работы. Кто-то совал деньги, кто-то выпивал со мной и оставался ночевать...

Они все хорошие, но они все чужие. Родным же было лишь лицо на фотографии, лицо, которое я не увижу больше никогда. Лицо, которому суждено вечно смотреть на нетканый материал, которым обивают грубые доски. И еще одно маленькое родное личико, не успевшее показаться мне, не успевшее даже обрести пол. Почти бесплотная чистая душа. Я обречен на вечные муки незнания — сын то был или дочь...

Человек пришел, когда иссяк поток друзей, родственники уехали, и меня оставили в покое. К тому времени я так истерзал себя водкой, что не мог ни есть, ни пить. Ночную тишину заполнили кошмары.

Это было вечером. Весь день никого не было, а вечером позвонили в дверь. Я открыл, не спросив, кто пришел. Мне было все равно. Небритый и опухший, я открыл дверь и молча прошел на кухню. Вошел сухопарый человек в черном костюме, при галстуке. Вроде тех агентов похоронного бюро. Я махнул рукой — проходите, садитесь. Поставил чайник. Достал банку кофе.

— Будете? Или чай?

Человек оглядел кухню. Пустые бутылки, гора грязной посуды, следы яичницы на полу. Липкий стол, мутные стаканы...

— Буду. Кофе.

Голос у него тоже был сухопарый.

— Есть водка.

— Не надо. И вам тоже.

— А вы тут не командуйте, я у себя дома. Захочу — выпью!

— Вы же не хотите.

— Ладно. Что вам надо?

— Вы можете спасти многих людей от Таких Случаев. Интересно?

— Не очень.

— Подумайте. Вы можете спасти...

И тут я сорвался.

— Вы не понимаете! — прошипел я. — Я долго не женился. Стеснялся девушек, и вообще... Она была моим последним шансом, а я — ее последним шансом. Мне было тридцать четыре, а ей — двадцать девять! Она уже записала себя в старые девы, но случилось так, что мы встретились и стали друг другу последними шансами. (Мой голос уже звенел). Мы очень, очень любили друг друга. Говорю это вам, потому что должен это кому-то сказать. Вас я не знаю, тем лучше! А когда она — у меня навернулись слезы — когда она сказала, что у нас будет малыш, я лишился речи от радости. На следующий день (я уже выкрикивал фразы) подарил ей золотые серьги. А через неделю произошел Тот Случай. И поддон сорвал их. Они стали вещественным доказательством! Вы понимаете? Я подарил ей вещественное доказательство!!!

Человек молчал. Меня трясло. Я опустился на табуретку и тихо продолжил, глядя в пол, будто разговаривал сам с собой:

— Когда все закончилось, я не стал просить вернуть серьги. Они там и остались. В милиции. Может, оно и к лучшему. Не хотел хранить вещи, которые, возможно, стали причиной Того Случая. Но и избавиться от них я бы не смог. Ни продать, ни подарить, ни выбросить. А так — нет их и нет. Лишней боли не надо. Простите, что наорал, но вы тоже хороши — «подумайте!» У меня сейчас думалка не работает!

— Это вы простите.

Чайник закипел.

Трясущимися руками я убрал посуду со стола, сгреб мусор в ведро. Достал из шкафчика чистые чашки, рухнул на табуретку. Лоб покрылся испариной. Человек наблюдал за мной. Когда дрожь унялась, я снова встал, достал сахарницу и ложки.

— Прошу. Насыпайте сами. У меня руки трясутся...

— А вас в детстве не любили помойные ведра, — сказал он.

— И я их... Послушайте, кто вы?

— Координатор. Полностью — координатор утилизаторов концентратов убийства.

— Ку-ку? Если вы какой-нибудь сектант, то зря стараетесь...

— Нет. Я — КУК.УБ. Проще говоря — старший помойщик.

— Звучит.

— Дело не в том, звучит или не звучит. Может, мне придти в другой раз? Когда ваша думалка поправится?

— Кофе хоть попейте. Составьте компанию. А то один я никак...

Несколько минут мы молча пили горячий напиток. На лбу опять выступила испарина. Я поднял глаза на гостя:

— Знаете что... я действительно... не могу сейчас разговаривать. Я не знаю, кто вы, и не хочу сейчас узнать. Не грабитель — и слава богу... И даже если грабитель — какая разница... Взять у меня больше нечего... Простите. Приходите в другой день.

— Позвоните мне через две недели. Вечером. Не раньше. И не позже.

Он положил на стол визитку.

— Если не забуду, — буркнул я.

— Не забудете.

— Если захочу.

— Надеюсь, захотите.

Я проводил гостя в прихожую, закрыл за ним дверь.

Прошел в комнату.

И тут очень ясно осознал — я теперь ОДИН. Осознал настолько ясно, что повалился на диван, вцепился зубами в подушку и завыл.

Ночью не сомкнул глаз.

Рано утром достал из холодильника последнюю бутылку, открыл, вылил водку в раковину. До капли. Потом поднес визитку к глазам. На ней были буквы: КУК.УБ. И мобильный номер.

Положив визитку под хлебницу, я выпил кофе и отправился на работу.

Робот. Вот я кто был две недели. Встал-умылся-поел-пошел-на-работу-поработал-пришел-поел-тупо-посмотрел-телевизор-лег-спать.

Через две недели стало легче. И физически, и душевно.

Голос в трубке был тот же, сухопарый.

— Приду завтра вечером — просто сказал он.

— Чай, кофе?

Он осмотрел кухню. Чистота и порядок.

— Чай.

— Хотите — угадаю, почему в тот раз вы захотели кофе?

— Угадайте.

— Потому что кофе насыпают из банки, и вы это видите, а чай наливают из заварника, в котором может плавать неизвестно что.

Координатор едва заметно улыбнулся:

— А вы наблюдательны. И умеете делать выводы.

— Тут не надо быть Холмсом... Чай придется подождать.

Я насыпал заварки в маленький чайник, а большой поставил на газ:

— Не признаю пакетиков. Сколько их перепробовал — веник веником. Пью по-старинке. Зеленый чай.

— Я тоже.

— Может, бутерброд? С сыром?

— Спасибо.

— Да или нет?

— Э-э-э... нет, пожалуй.

— Как хотите.

Координатор сидел молча. Я налил кипяток в заварник, протянул руку:

— Давайте все же познакомимся. Валерий.

— Алексей Васильевич.

Его рука была узкая и сухая.

— Я вас слушаю, Алексей Васильевич.

— Раз вы позвонили, значит, заинтересовались.

— Я еще не знаю, что вы мне предложите, но хочу послушать. Только предупреждаю — если вы из какой-то секты...

— Нет. Вы многим можете помочь избежать Таких Случаев. И кое-что обрести для себя. Для души. И для тела. Давайте по порядку.

Старший помойщик отхлебнул чай.

— Сначала я вам расскажу о причине Таких Случаев, а потом о технологии борьбы. Вы знаете, в какой известной песне заключена наша самая большая неправда и самая большая проблема?

— Нет.

— «Широка страна моя родная».

Я припомнил:

— «Много в ней лесов, полей и рек...» И где тут неправда?

— По некоторым данным, семьдесят процентов населения России живет на трех процентах ее площади. Но для человека слово «страна» подсознательно означает «дом». Та территория, на которой проходит его жизнь. Никому не нужны тысячи загоризонтных километров. С их якобы несметными богатствами. Потому что ими нельзя воспользоваться. Так что первая неправда в слове «широка». Неправда номер два в слове «моя». Потому что страна наша и ее богатства — чьи угодно, только не наши. Что вы можете назвать своим в нашей стране?

— Ну-у... квартиру...

— Вот-вот. Я к этому и веду. Ваша страна — это ваша квартира. Широка ли она? Шестнадцать хрущевских метров. Так живут миллионы людей. И это еще ничего. Есть бараки и коммуналки. Там теснее и хуже. Если бы не Тот Случай, вы бы жили втроем. В жуткой тесноте. Но по старым советским нормам жилплощади вас даже не поставили бы на очередь. Потому что ставили тех, у кого на человека приходится меньше пяти квадратных метров. А у вас было бы пять и три десятых. В нашей огромной России жить негде. Люди ютятся в тесноте. Жилье считают метрами, и жалкими десятками долями метров. Судятся из-за двух-трех метров. Вот правда про «широка страна...»

— У нас говорят: в тесноте, да не в обиде...

— У нас еще говорят «сжить со свету». Валерий, вы бывали в зоомагазине? Если вы покупаете хомячка или крыску, продавец вам скажет, что в клетке обязательно должна быть «норка», домик, куда зверек может спрятаться от всех. Оградить свое личное пространство. Животное, которому негде спрятаться, испытывает стресс и проявляет агрессию. Жилищные условия в нашей стране напоминают клетки без «норок». Люди разных полов и возрастов вынуждены жить в одной комнате десятилетиями. Если у человека есть своя «норка», его не сживешь со свету. Но уйти-то некуда. При подрастающих детях родителям интимно пообщаться становится негде. Об этом нигде не пишут, но проблема очень болезненная.

В деревне, правда, просторней. Дома, дворы. Но уничтожать деревню начал еще «самый человечный человек». «Отец народов» продолжил. Никита Сергеевич тоже расстарался. И все последующие вожди руку приложили. Потому не осталось живых деревень. Одни доживающие. Там нет ни работы, ни еды. Люди бегут в города, в тесноту. А здесь уже гастарбайтеров, что тараканов... Ну, и... сами понимаете...

В человеческих условиях живет одна семья из сотни.

Алексей Васильевич вдруг замолчал и осмотрел кухню. Я сказал:

— У меня теперь на одного: общей — тридцать, полезной — шестнадцать. Мне-то места хватает. После Того Случая. Знаете, мы эту квартиру чудом получили.

— Слово «чудо» часто в этой теме звучит... А вы слышали про космические эксперименты на Земле?

— «Земные звездолеты?» Конечно.

— Прожить год в тесноте? Ха! Такой эксперимент в масштабах страны начался давным-давно. Троих на двенадцать метров. На всю жизнь. Россия — несомненный лидер по готовым марсианским экипажам. Ну да ладно. У вас есть областные газеты?

— Где-то были. Старые.

— Это неважно. Дайте.

Я принес несколько газет. Алексей Васильевич развернул одну:

— Вот смотрите. Хроника за неделю. Грабежей — шесть. Краж — шестьдесят четыре. Мелких хулиганств — девяносто четыре. А вот уби... то есть Таких Случаев — всего два. Вас это не удивляет?

— А что должно удивить?

— В нашей области живет полтора миллиона человек. Большинство в тесноте. Люди раздражены. Они понимают, что НИКОГДА не будут жить достойно. Понимают, что бесконечный вал гастарбайтеров ухудшает и без того тяжелую жизнь. Я не хвалю советское время, но тогда квартиру можно было дождаться. Пусть за двадцать лет. Теперь ее надо купить, что для большинства нереально. Прибавьте сюда эксперименты властей, дефолты, деноминации и кризисы, смысл которых всегда сводится к изъятию трудовых сбережений. Вот статистика убийств: два в неделю. Неужели вы серьезно думаете, что так мало ненависти и смертельных конфликтов? При нашей-то тесноте, нищете и пьянстве? Вы не удивлены? «Широка страна моя родная»? Да у нас повернуться негде! В наших условиях совершить Такой Случай легче легкого. В тесноте квартир невозможно иметь хобби. Когда гаснет в районе свет, число преступлений рас-

тет. И не потому что темно, а потому, что телевизоры перестают пожирать свободное время. Если ничего не делать, Таких Случаев будет по области десятки, если не сотни в неделю. А их — два. Иногда четыре. Убийства случаются редко, по сравнению с умыслами. Потому что помойщики успевают вклиниться между умыслом и действием.

— Впервые слышу о таких людях. Кто они?

— Обычные мужчины. Разных профессий. Разных возрастов. Некоторые в прошлом пострадали от Таких Случаев. Я предлагаю вам стать одним из них. И пусть вас не смущает название.

— Они что, занимаются профилактикой Таких Случаев?

— Нет. Профилактика бытовых убийств означает решение квартирного вопроса. Этим не занимается никто, потому что невыгодно. Помойщики предотвращают.

Координатор задумался:

— Валерий, мы никогда не знаем, кому принадлежит конкретный К.УБ. Мы не знаем потенциального убийцу. Не знаем и потенциальную жертву. И спасенные не знают, что их спасли. Помойщики не получают ни денег, ни орденов, ни благодарностей. Критерий один — совесть. Нельзя не спасать, если можешь спасти. Иначе будет много Таких Случаев. И много несчастных людей. Правда, кое-что мы все же получаем.

— А что такое КУБ?

— Не КУБ, а К-точка-УБ. Концентрат убийства. Никто не знает, что это такое. Я иногда думаю — откуда берутся К.УБы? От самой души человеческой, или от того дьявола, что сидит с левой стороны? Или из мозга, который заранее смоделировал свершение черного дела? В принципе, это не так важно — что такое К.УБ. Главное — его можно найти и уничтожить. И тогда убийство не произойдет.

Координатор минуту молчал, потом продолжил:

— В этой штуке сосредоточена вся злоба, ненависть, безумие и бешенство первого удара. Выглядит же К.УБ как забавный светящийся шарик. Маленький, с горошину. Технологию его утилизации я расскажу после вашего согласия работать.

— И хранить тайну?

— Тайну? Наша работа дает несравненное внутреннее удовлетворение. Здесь нет тайны, но рассказать об этом невозможно. Только помойщик может понять помойщика, но и между собой они не делятся. Потому что каждый чувствует по-своему. Помойщики никому не рассказывают о своей работе. Им это не приходит в голову. Вы все поймете, как только утилизируете свой первый К.УБ.

Я не имею права вас уговаривать. Решение вы должны принять сами. Скажу только, что в вашем районе помойщика нет. Если бы он был — как знать — может, с вами и не произошел бы Тот Случай. И вот еще что. Я должен вас предупредить. Утилизация К.УБов — работа опасная. Вы рискуете больше, чем ловец змей. В случае ошибки его будут лечить. А вас посадят в тюрьму. Сейчас я ухожу. Позвоните мне через две недели.

— Один момент, Алексей Васильевич. Почему вы сказали, что помойщики — «обычные мужчины», а не «обычные люди»?

— Потому что женщины К.УБов не видят. Но об этом — в другой раз.

Закрыв за гостем дверь, я вернулся на кухню и спросил у фотографии жены:

— Видала? Что посоветуешь?

— Здравствуйте. Алексей Васильевич. Проходите. Чай, кофе?

— Здравствуйте, Валера. Пожалуй, чай.

Чайник занял свое место на плите.

— Как настроение, Валера?

— Да ничего. Есть расхожие фразы: время лечит... надо жить дальше...

— Рад, что вы согласились.

— Знаете, я долго думал. И пришел к выводу... Нет, я нашему обществу ничего не должен... Но перед ней... Перед ними... ведь я их не уберег... не мог... не знал... Но все равно виноват. Я хочу искупить... знаю, это глупо, их не вернуть, но...

— Это не глупо. Это честно. Я принял в помойщики больше двадцати человек. Те, что пострадали от Подобных Случаев, говорили так же.

Я достал заварник, чашки, сахар.

Координатор достал из кармана темные очки и положил на стол:

— Посмотрите это.

Я взял очки, повертел в руках, примерил. Мне как раз. Посмотрел на лампочку. Обычные солнечные очки. Дешевая пластмассовая оправа. Положил на стол.

— Ничего особенного. Таких на нашем рынке навалом. Сто пятьдесят рублей.

— Эти очки входят в экипировку помойщика. Их себестоимость составляет две тысячи долларов. Они специально сделаны под дешевку, чтобы было меньше соблазна умыкнуть их, скажем, из заводской раздевалки. Но только через эти стекла можно увидеть К.УБ.

— Сколько? Быть не может...

— Может. Процент выхода таких стекол меньше одной сотой, а технология их производства довольно сложна. Первый К.УБ был обнаружен случайно. Произошло это так: в одном закрытом НИИ создавали специальные сорта стекла по заказу Минобороны. Для чего? Неважно. То было время холодной войны. Может, для прицелов. Или космических

объективов. Были получены пять десятков образцов. Один из сотрудников, молодой инженер-лейтенант, на лабораторной установке сравнивал параметры этих стекол с требованиями технического задания. Те, что соответствовали, складывал в одну коробочку, а те, что нет — в другую. Работа эта скучная, и лейтенант развлекался тем, что смотрел через каждый образец во двор Института, где иногда ходили хорошенькие лаборантки. Бракованных образцов было гораздо больше, чем годных. Взяв очередное бракованное стекло, он посмотрел во двор. И увидел возле бордюра маленькую красную точку. Как будто огонек. Сначала инженер не обратил на него внимания, приняв за догорающий окуроч. Но потом решил, что окуроч не увидишь с четвертого этажа здания сталинской постройки. К тому же окуроч не может светиться целых полчаса. Это что-то другое! Лейтенант перебрал все стекла, какие у него были. Но только через одно, параметры которого больше всех расходились с техническим заданием, был виден красный огонек. В обеденный перерыв молодой человек, взяв стекло и пинцет, вышел во двор. Он прошел по дорожке, туда и назад, но не увидел ничего. Тогда он сделал руку козырьком, вроде от солнца, и украдкой посмотрел сквозь стекло. Конечно, он нешуточно рисковал. Ведь выносить образцы или документы из здания было строгойше запрещено. А с верхних этажей какой-нибудь бдительный сотрудник мог заметить странные манипуляции молодого инженера, и доложить «куда следует». Инженер все это знал, но любопытство было сильнее. Глядя сквозь стекло, он нашел маленький светящийся шарик, который без стекла был прозрачен, как воздух. Инженер хотел побыстрее уйти со двора, перерыв кончался, да и рисоваться перед всем Институтом было опасно.

Тут он и совершил ошибку. Он взял пинцетом таинственный шарик. Металлическим пинцетом. Простая твердая горошинка. Бусинка. Убедившись, что шарик видно только через стекло, инженер положил его туда, где взял — в канавку между бордюром и асфальтом. У него хватило ума (или инстинктивной осторожности) не брать шарик в руки. Инженер не знал, что подвергся опасности куда более серьезной, чем беседа с особистом. В конце концов, особисту можно было все рассказать и показать. Но лейтенанту повезло. Никто ничего не заметил. Вернее, один его товарищ, который курил у окна в перерыве, спросил. На что находчивый инженер показал зеленую бумажку: вот, три рубля нашел. Увидел сверху...

Рабочий день закончился, инженер поехал домой. Там он вывел гулять любимую собаку — щенка-овчарку. Но обычным маршрутом не пошел. Не отстегивая поводок, он завел собаку в дальний закуток между железными гаражами, и там забил до смерти подобранной железякой. Это было везением. Если бы он взял К.УБ рукой, на месте собаки был бы человек... Инженер не смог объяснить молодой жене свой дикий поступок. Отношения стали портиться, и через год они развелись.

Я был поражен. Я спросил:

— А что в институте?

— Там, конечно, все узнали. Пришлось-таки исповедоваться перед особистом. Но шарик пропал, а вранье про три рубля вылезло. За лейтенанта вступился зав. лабораторией, полковник. Так что лейтенанту снова повезло: он отделался воспитательной беседой и распиской о неразглашении. За вынос образца. Потому что убийство своей собаки не есть формально наказуемый поступок. То стекло забрал полковник и положил в сейф.

— А что потом?

— Потом полковник предположил, что шарик и убийство собаки связаны. И предложил исследовать феномен. Для начала разрезали образец стекла на две части и сделали первые очки.

— То есть полковник так прямо и поверил лейтенанту?

— Полковник знал, что его сын не врет.

— Сын! Вот оно что...

— Полковник объяснил ситуацию начальнику, и попросил разрешения на эксперимент вне территории НИИ. Тот не смог отказать старому фронтовому товарищу. Отец с сыном, в субботу, одевшись «по-гражданке» и вооружившись очками, отправились в город. Они ходили по городу два дня, и нашли К.УБ только в воскресенье, под вечер. В самом «нехорошем» районе города. Они не прикасались к опасному шару, а только сфотографировали его через очки. Но шарика на фотографиях не было.

— Интересно...

— В ту же ночь в ближнем к К.УБу бараче произошел Такой Случай.

— Это могло быть совпадением.

— Конечно. Все это было очень непросто. Я имею в виду научное доказательство. Нужно было четко связать появление К.УБа и совершение Такого Случая. Или, что еще сложнее, доказать статистическую зависимость между множествами этих событий. Нам не удалось сделать ни того, ни другого, по двум причинам: во-первых, К.УБы появляются непредсказуемо, как во времени, так и в пространстве. Во-вторых, статистика убийств была тогда засекречена. А мы, понятное дело, не могли воспользоваться официальными каналами...

— «Мы»?

— Да... вы, конечно, догадались... отец давно умер... а я...

— Стали старшим помойщиком. А дальше?

— Кое-что нам удалось выяснить. Что человек, взявший К.УБ в руки, становится убийцей. Что К.УБ можно безопасно взять бамбуковым пинцетом. Но только один раз! Если К.УБ случайно выпал, второй раз его можно брать только другим пинцетом. Я взял шарик стальным пинцетом и убил собаку... Я до сих пор благодарю бога, что не взял шарик рукой...

Координатор пригубил чаю.

— Мы с отцом нашли главное — способ уничтожения К.УБов с помощью зеркального контейнера. Еще мы выяснили, что женщины К.УБов не видят. Возможно, для них нужны очки из другого стекла. Но у нас не было уже тех образ-

цов, и никто не стал бы их делать без официального заказа. Поэтому все помойщики — мужчины. Еще мы выяснили, что К.УБ, выпущенный даже из детской рогатки, проходит без потери кинетической энергии сквозь бетон и сталь произвольной толщины. Прямо как нейтрино. Может, это и есть душевный аналог нейтрино... Отец написал краткий неофициальный отчет начальнику. Тот пролистал и сказал: давай, Василий, прекращай это дело. Дружба дружбой, а служба, сам понимаешь, службой... Мне не нужны недоказуемые теории, не имеющие практического значения для обороны. И уж тем более — опасная самодеятельность.

— Так все это и осталось бы в сейфе начальника, если бы не перестройка.

— Да... история... Алексей Васильевич, у вас чай остыл. Давайте подогрею.

— Что? А, чай... конечно. Так вот, потом грянула перестройка. Я ушел из НИИ, потом вообще из армии. Где только не работал. Даже могилы копал... В те лихие времена спрос на могилы был ой, какой большой... ведь убивали направо и налево. И не столько крутые крутых, сколько простые простых, почуяв всеобщий бардак и беспомощность развалившейся милиции. Получили возможность свести счеты. Ну, и понеслось...

Количество убийств резко выросло. Откуда-то появилось слово «отморозок», и появились эти «отморозки», молодежь, не знающая законов и не боящаяся их. Криминал косил друг друга из автоматов, прямо как на фронте. Взрывал в машинах. В то время легко и безнаказано убивали известных на всю страну людей. Вспомните Влада Листьева... Власть, я так думаю, ухватилась бы за любую возможность остановить эту бойню. Потому что она угрожала уже им самим. И тут вспомнили об отчете — отец к тому времени умер. Отыскали меня. Предложили попробовать.

— И вы согласились.

— Конечно. Ведь я один знал то, что не вошло в отцовский отчет: уничтожение К.УБа дает помойщику минуту наслаждения, несравнимого даже с оргазмом. Я назвал его «оргазм в кубе». Уверен, что этот эффект продлевает жизнь. Во всяком случае, здоровье он точно укрепляет. Я уже не помню, когда последний раз болел, даже насморком. И чувствую себя — лет на двадцать.

— Ну, а как все это выглядит официально?

— Никак. Есть лишь поставки очков и контейнеров, по заказу координатора. Мы ни за что не расписываемся. Звоним по телефону, курьер привозит очки и контейнеры. Вот, как, например, для вас.

— Но очки очень дороги! Две тысячи долларов — большие деньги. Как же без отчета...

— Ха! А сколько стоит расследование, судебные процедуры, транспортировка убийцы в тюрьму и его содержание долгие годы? А сколько стоит резонанс в обществе? Сколько вообще стоит престиж власти? Уверю вас, Валера, никакая власть не потратится без выгоды для себя.

— А контейнер?

— О, это сущие копейки. Контейнер — вот он.

Координатор достал из нагрудного кармана предмет из пластмассы, похожий на кусок толстого карандаша. На его торцах — резьбовые крышки, зеркальные изнутри. Отвинтив обе крышки, я посмотрел сквозь контейнер на белую стену. Изнутри шесть его граней были зеркальными. Только и всего.

— И вот здесь К.УБ уничтожается?

— Похоже, К.УБ боится только одного — собственного отображения. Он не выдерживает вида своей мерзкой сущности, повторенной зеркалами миллионы раз. Он раскаивается и рассыпается в безопасный порошок, награждая своего утилизатора «оргазмом в кубе». Не знаю, что происходит в контейнере на самом деле. Меня вполне устраивает эта точка зрения. Вот, собственно, и все.

— А пинцет?

— Ну... пинцеты мы делаем сами, из старых бамбуковых удилищ. Я принес вам три пинцета. Вы же заводской человек, значит, руки у вас растут откуда надо. Будете делать пинцеты по мере надобности.

Алексей Васильевич положил на стол самодельные пинцеты. Я взял, посмотрел. Две бамбуковых лучинки, немного ниток, смазанных клеем.

— Авиамодельная технология. Знакомо. Дерево, нитки и клей.

— Если вам все понятно, доставайте горох. Потренируемся...

Я убрал недопитый чай, достал банку с горохом.

— Скажите, Алексей Васильевич, неужели власть так и будет уповать на услуги помойщиков? Ведь не может это продолжаться вечно!

— Я думаю, должно быть так: по мере строительства реально доступного жилья число Таких Случаев будет падать. Мы сможем вывести из работы часть помойщиков. Потом еще часть, и так далее. Когда жилищный вопрос будет решен, количество Таких Случаев станет минимальным. Помойщики прекратят свою деятельность, никто и не заподозрит, что они были. Конечно, бытовые убийства были, есть, и будут, но с оставшимися легко справится милиция. Правда, незаметно, чтобы власть пыталась решить вопрос. Дальше пустых горбачевских обещаний дело не продвинулось. Ипотека с ее грабительскими процентами тоже не выход. Все идет по-русски: гром не грянет — мужик не перекрестится. Беда в том, что гром гремит уже давно, а думские «мужики» все не крестятся. Да им-то что! Они-то жильем через край обеспечены...

— А «оргазм в кубе» не вызывает привыкание?

— Не больше, чем хороший отпуск на море.

— Что ж, начнем тренировку.

Координатор взял банку и сыпанул горох на пол.

— Вы правша? Берите контейнер в левую руку...

Мы с Алексеем Васильевичем искали К.УБ четыре вечера. Он проследил за процессом утилизации. И едва заметно усмехнулся, когда я получил «оргазм в кубе». Наверное, у меня был дурацкий вид. Потом Координатор пожал мне руку:

— Вы теперь настоящий помойщик. Поздравляю.

Вот так все и было. С тех пор я выхожу пораньше, осматриваю двор. На улице почти всегда хожу в темных очках. На вопросы отвечаю, что от света слезятся глаза.

За эти годы я обезвредил много К.УБов. Спас много людей. Ну почему я не стал помойщиком раньше Того Случая?

Так я ходил бы и утилизировал К.УБы, вплоть до второго прише... то есть до решения квартирного вопроса. Но вышло по-другому.

Когда отрывной календарь стал совсем тонким, а ожидание Нового Года уже витало в воздухе, у меня случилась неприятность. Труба горячей воды в ванной стала подкапывать. Я перекрыл вентиль и позвонил сантехнику. Конечно, он рад калымнуть перед праздником. Снопы искр, бьющих из-под его болгарки, стали для меня праздничным салютом. К понедельнику в ванной и кухне радовала глаз новая «обвязка». Правда, мой новогодний бюджет похудел, но много ли надо одинокому человеку? Шампанское не пью: это напиток для веселой компании. Возьму водочки, да закусить. Посижу на пару с заветной фотографией. Расскажу ей, как год прошел. Сколько людей спас. Расскажу даже, что одна женщина у нас на работе... В общем, проявляет интерес. Разведенная. Я? Нет, что ты! И на Новый Год не пригласил. Отвык я от женщин, одичал... Надежда? Дум спиро спэро. Пока живу — надеюсь...

Выбрасывать старые трубы пошел ближе к ночи, чтобы не нарваться на ворчливую дворничиху. Вывалил трубы около помойки, привычно надел очки, оглядел двор. И тут я его увидел. Нет, не К.УБ.

Человек склонился над лежащей в снегу женщиной. Он не оказывал ей помощь, нет. Он... рылся в ее сумочке. Потом дважды дернул рукой около ее головы.

У меня потемнело в глазах. Подонки срывают серьги! Потом он быстрым шагом направился в обход пятиэтажки.

Я своими глазами увидел Такой Случай! И этот К.УБ не попал в мой контейнер!

Я мгновенно представил: убийца поймает, адвокат расскажет про трудное детство, алкаша-отца и гулящую мамашу. Про лишение родительских прав и плохой детский дом. Про плохую улицу и плохую компанию, приучившую к наркотикам. Подонка выставят ангелом, павшим жертвой обстоятельств. Ему дадут лет восемь. Или двенадцать — какая разница? В любом случае ему дадут ЖИЗНЬ. Точно так было и в Тот Раз! Тому подонку дали десять лет. Он ведь не знал, что моя жена беременна. Точно так будет и в Этот Раз! Точно так будет и Всякий Раз, потому что наш суд — самый гуманный к подонкам. Нет, нет и нет!!! Я никогда не прощу себе, что справедливость не свершилась. Я до конца дней буду казнить себя за трусость, не смея поднять глаза на родную фотографию. Я не переживу тех слов, что жена скажет мне во сне: «ну, что же ты... Господь дал тебе испытание. А ты его не выдержал...».

Справедливость состоит в том, чтобы убийца вечно смотрел в грубые доски. Нет, я легче вынесу людской суд, чем суд совести.

Рубиновый шарик упал возле моих ног. Я сразу понял — этот К.УБ. мой. И я не возьму его пинцетом.

Я взял рукой и бросил в рот светящийся шарик. Сорвал, отшвырнул очки. Схватил кусок трубы и метнулся в сквозной подъезд. Дорога одна, и убийца обязательно пройдет с той стороны дома. Чуть приоткрыв дверь, я ждал. Сердце бешено колотилось. Да, я упустил этот К.УБ, но я не упустил его источник... Вот он прошел мимо. Я выскочил из подъезда и в три прыжка настиг подонка. Он не успел даже обернуться. Я вложил в удар всю боль и ненависть. Подонки упали в снег. Потекла темная жидкость, тело стало конвульсивно вздрагивать. Я бросил трубу, сунул руки в карманы. В этот момент шарик во рту лопнул, и почувствовался вкус К.УБа.

Он оказался приторно-сладким.

ПРОИЗВЕДЕНИЕ

— Ваше произведение интереса не вызвало, — твёрдо сказала редактриса.

Она взглянула на расстроенного пожилого автора, и лицо её немного смягчилось.

— Видите ли, вы работаете в жанре фантастики. Ну и где же здесь фантастика? Эволюция биосферы на вашей планете слишком прямолинейна. От одноклеточных к многоклеточным, естественный отбор, ну и так далее — скучно. Нужна динамика, экшн! Комету обвалите на головы обитателям планеты, что ли; или гигантский вулкан извергните. Чтоб вызвать резкое изменение климата. Пусть, например, из-за этого вымрут гигантские рептилии.

— Как-то это... — поморщился автор, — вульгарно, что ли...

— Ничего, пипл схавает. Подведите под это дело наукообразие, теорию катастроф какую-нибудь... да ещё и циклических. Характеры персонажей тоже слишком прямолинейны. Благородные герои, коварные злодеи, непрактичные интеллектуалы, нахрапистые обыватели... Образ должен обладать стереоскопичностью, находиться в динамике, в развитии! Например, персонаж свирепствует на войне, убивает некомпатантов, в том числе младенцев, затем возвращается домой и трансформируется в добропорядочного бургера, кушает сосиски с капустой под пиво.

— Кошмар, — содрогнулся автор.

— Или, например, преподаватель университета, примерный семьянин, заботливый отец семейства — по вечерам он серийный убийца, с изощрённой жестокостью истязаящий жертвы.

— Вообще-то я хотел в своём произведении выразить идеи добра, любви...

— Ни в коем случае нельзя это делать прямо, в лоб. Главное — экшн! Экспрессия! Запоминается не умное, а эмоциональное. Больше трупов, больше крови! А между делом, исподволь, ненавязчиво излагайте милые вашему сердцу идеи добра. Короче, нравоучения должны быть вперемешку с экшн. Ну что я вам азы творчества объясню? Ладно бы вы были новичок, а то ведь вы... в возрасте, — с превосходством юности молвила редактриса, — в общем, сюжет и фабула вашего произведения давно стали общим местом и уж никак не являются фантастикой, — голос редактрисы снова стал твёрдым, — нужны оригинальные, смелые темы; яркие, дерзкие идеи; новые приёмы творчества. Принимать ваше произведение в таком виде мы не станем. Нужно его доработать. Всего наилучшего.

Экран моргнул, изображение редактрисы исчезло.

— Балаболка! — сердито фыркнул автор.

— Да, вот ещё, — изображение редактрисы снова возникло перед автором; он вздрогнул, — самое главное забыла сказать. Начало произведения должно быть захватывающим, чтобы сразу зацепить внимание, чтобы произведение не отложили — ведь подобных произведений множество. А финал должен быть неожиданным! Надо, чтобы публика ждала следующего произведения. Удачи!

Почать меня вздумала девчонка, злился смущённый автор. На возраст намекает. Да я ещё хоть куда! Да я вам всем покажу! Да моё произведение будет уникальным, нарасхват пойдёт, иззавидуетесь!

Ладно, надо работать. Так, задаём правила игры: основные законы природы, фундаментальные константы: скорость света, квант действия, гравитационная постоянная... Запускаем симулятор эволюции, пусть катится... Кометы, гришь, вулканы? Эт-то пожалуйста, всобачим комету... рептилий, правда, жалко — такие дракончики забавные получились; ну раз законы жанра требуют... Циклический катастрофизм, гришь? Материки расколом, потом объединим, то-то вам будет катастрофизм с циклизмом...

Персонажи я сотворю по образу и подобию своему, разумеется; с кого же мне ещё их срисовывать? Наделим их разумом и свободной волей, пусть сами действуют. Руководящие материалы, однако, надо им выдать... Десяти заповедей в первом приближении хватит, а дальше сами пусть разбираются.

Новые приёмы творчества требуются? Вот тебе новый приём — отсутствие приёмов! Пусть события развиваются по умолчанию. Вмешиваться буду изредка, да и то косвенно, пусть персонажи называют это пришествиями... Ну, может, полезные ископаемые подброшу в критические моменты истории...

Экшн, значит, нужен? Пару мировой войн хватит? С десятками миллионов жертв. Ох, и устрою я вам экшн. Двести тысяч персонажей разом испепелю в ядерном пламени, вот такой вам будет экшн. Мало? Так, добавим межнациональные конфликты, религиозные войны, революции... Ещё мало? Ладно, по ходу дела найшу катаклизмы какие-нибудь, эпидемии, землетрясения, наводнения или засухи. Ледниковый период или наоборот — ха-ха — глобальное потепление. Экономические кризисы. То-то будет весело... Маньяков добавим в число персонажей, террористов — для остроты ощущений.

Неожиданный конец, гришь? Эт можно, эт запросто, эт скока угодно... Такой армагеддец в финале устрою, мало не покажется...

Теперь начало проработаем, самое начало. Захватывающее начало, значит, требуется? Саваоф задумался, огладил окладистую бороду и возложил длани на пульт. Пространство вокруг потемнело; в сумраке метнулись неясные тени. По мерцающему экрану побежали первые слова Произведения: «Земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною...»

МОЛЧАНИЕ ДРАКОНА

Сенто проснулся от сигнала тревоги. Характерный визгливый звук — означает, что автоматическая защита выключила искривляющий контур звездолета.

Запрыгнул в скафандр, погреб в рубку разбираться, что случилось. Даже если тревога ложная, дело плохо — раз техника ошибается, значит не все с ней в порядке, а в космосе это смертельно опасно.

Нельзя спать на этой развалюхе... а не спать тоже не получается — здорово вымотался от постоянных проблем с управлением, выводя на курс непослушный «Кречет». Да еще непрекращающаяся ругань с диспетчерами, которые никак не хотели понять проблемы Сенто. Все требовали, чтобы старый разведкорабль, в музее ему место, летел, как новенький облетанный курьер.

Потому, разогнав, наконец-то, звездолет, Сенто пристегнулся к койке. Между звездами автоматике можно доверять, даже тому бараклу, что на «Кречете». Нет, она способна конкретно отклонить корабль от курса, ну да — на финише Сенто скорректирует, не впервой. А потом, при торможении, снова начнутся заунывные переговоры с диспетчерами и борьба с системами управления, силы понадобятся. Даже инструкции позволяют всему экипажу спать во время межзвездного полета, если экипаж состоит из одного человека.

Влетел в рубку, отключил тревогу, уставился в экран.

Та-ак... Похоже, «Кречет» отклонился от курса гораздо сильнее, чем можно было бы опасаться. Превзошел самого себя. Угловое расстояние между звездой Орловой и Мраморной Горой — началом и концом маршрута — чуть ли не девяносто градусов. Ну и — искривляющий контур не работает, потому и сирена выла. То есть корабль, можно считать, никуда не летит. Двигатели тоже молчат. А даже если бы работали — смысла в них нет без контура. С ним — можно спокойно летать между звезд, а без него — и с более-менее приличной околопланетной орбиты не сойдешь. Вот и ползет «Кречет» по инерции, но, раз не искривляет вокруг себя пространство, тысячи лет ползти, пока вид звездного неба поменяется.

Сенто задал компьютеру вопрос, почему сработала защита контура, но не получил ответа. Вернее, получил, но не понял — на экране выстроились совершенно невразумительные знаки. Не совпадают кодировки новой системы управления со старым оборудованием звездолета, точнее — с тем из датчиков, который защиту включил. Тогда и разблокировать контур не получится. Сенто, конечно, попробовал, но — увы.

Так почему же, все-таки, сработала защита? Учитывая, какой именно из датчиков сработал... Появилось нехорошее подозрение — посмотрел на координаты, и оно подтвердилось. Хотя, если подозрения настолько крепко дружат с реальностью, непонятно, почему в радиоэфире такая безмятежная тишина... Может, координаты, тоже неправильно высчитаны? Да нет, все сходится — и по звездам, и по пульсарам, и по реликтам...

В рубку вплыли испуганные пассажиры. Первым — ученый Роман, невысокий, полноватый и бородатый. Не из научной элиты — космогонистов и физиков вакуума, — а не то металлург, не то химик. Из шудров. Жаль, здесь бы космогонист пригодился. Но скафандр у Романа хороший, современный.

За Романом, неуклюже отталкиваясь от переборок, влетела Акэми — двадцатилетняя художница-поэтесса, одна из тех легких бабочек, что ищут в космосе вдохновения. Кого только не пускают в пространство сейчас. И пускают же, все надеются от дальних космических полетов лишнюю пользу получить.

Акэми смотрелась в рубке чужеродно: шорты и футболка из чего-то похожего на мешковину — такая сейчас мода у молодежи, — стрижка несимметричная — справа волосы короткие, слева длинные, в невесомости особенно странно выглядит. На руках и ногах украшения из дерева и керамики. Да еще и босиком. А скафандр поверх всего этого не надела... кто ее в космос выпустил? Любые неприятности на звездолете опасны в первую очередь разгерметизацией — может корпус продырявится, может, воздух стравить потребуется — так что инструкции не зря требуют залазить в скафандры при тревоге. Много жизней это спасло.

Сенто молча бросился вскрывать камеру с аварийными гермокостюмами. Акэми начала, было, бормотать-извиняться — отмахнулся.

Однако в гермокостюм Акэми залезла быстро и самостоятельно. Попала в один палец перчатки двумя своими, но вовремя исправила ошибку.

Оба пассажира напуганы. Роман делает лишние движения руками, раскосые глаза Акэми расширены чуть ли не на половину сильно побледневшего лица. Это вписывается в обстановку, хотя пока что ничего страшного не случилось. Ну, сбились с курса, ну застряли в обычном пространстве... не совсем обычном.

— Что происходит? — напряженно, с испугом спросил Роман.

— Мы сначала сбились с курса, а потом АЗ искривителя упала, — спокойно ответил Сенто. Демонстрировал невозмутимость, чтобы пассажиры тоже расслабились.

— Почему?!

— Почему отклонились, я уже разобрался. Потому что у нас корабль старый, и, после всех модернизаций, система управления не согласуется с... — нет, не поймут пассажиры технических подробностей. — В общем — не туда свернули. При этом автоматика умудрилась не заметить, что не туда летим. То есть, заметила, но каждый раз откладывала исправление ошибки до плановой коррекции курса — программа у нас такая. Идиотская.

— Да как такое вообще возможно?! — возмутился Роман.

Сенто устало вздохнул:

— На этой ржавой бочке и не такое возможно. Как я сегодня убедился...

— А разве звездолеты могут... ржаветь? — удивилась Акэми.

— Этот может.

— Вы не любите свой корабль, — констатировала Акэми.

— Я люблю свой корабль, очень люблю, — почему-то начал огрызаться Сенто. — Только мой корабль — разведрейдер «Колибри», а не наш с вами «Кречет». Здесь я временно, пока «Колибри» переоборудуют. А тут автоматика... Хоть бы меня разбудить догадалась!

— Так вы спали! — возмущенно пискнула Акэми.

— Виновен, — буркнул Сенто. Не объяснять же ей, что имел право храпеть в свое удовольствие до самого финиша. Хотя Сенто не храпит. Вроде бы.

Знай Сенто, что автоматика «Кречета» способна на такие чудеса, он бы на «Кречете» не то, что спать, вообще лететь не согласился бы. Да и не позволили бы ему...

— И что теперь делать? — беспомощно пролепетала Акэми.

— Ждать спасателей. Комп успел отослать сигнал «SOS», пока контур еще работал, и даже начал получать ответ... наша аппаратура сверхсветовой связи без контура не работает, так что ответ не полностью пришел, даже не расшифровывается. Но, в любом случае — раз был ответ, значит, нас услышали. Только...

Сказать им, или не поднимать паники? А если не говорить, то что делать — врать? Врать Сенто не любил. А, ладно, авось не запаникуют:

— Похоже, нас занесло в пространственную аномалию.

Пассажирам потребовалось некоторое время, чтобы осознать. Или они не курсе, что за аномалия такая? Вряд ли. Все слышали про естественные искривления пространства, которые возникают в гравитационных полях с настолько высоким градиентом, что даже свойства вакуума меняются. Ну а потом случается космическая катастрофа, вроде столкновения двух звезд, и аномалии замыкаются сами на себя, становятся стабильными и вне гравитационных полей. И путешествуют по вселенной, смущая людей. В аномалиях даже своеобразные энергетические формы жизни заводятся — шептуны и не только.

Акэми тихонько охнула, Роман вздрогнул — осознали. Сенто попробовал успокоить пассажиров:

— Нам, вроде бы, ничего страшного пока не угрожает. Звездное небо не слишком искажено, значит, там, где мы сейчас, градиенты слабые. А еще это значит, что сильные искажения — далеко, даже если они прямо по курсу, с нашей теперешней скоростью мы постареем, пока до них доползем. На крайний случай у нас есть шлюпка, она приспособлена, чтобы в аномалиях летать. Она же сквозь искривляющую оболочку вокруг корабля проскакивать может.

— Это искривление «Скиталец», да? — сипло пробормотал Роман.

— А какое же еще? Ни до какого другого мы бы не добрались.

— И это из-за этого... все это?

— Если не считать того, что мы сбились с курса. АЗ упала, потому что не приспособлен «Кречет» к полетам в аномалиях. В молодости, когда на нем космической разведкой занимались — мог. А сейчас опасно нам самим с пространством баловаться там, где кто-то уже побаловался. А спасатели опаздывают потому, что не всем можно в аномалии соваться. Только тем, у кого есть на борту оружие против шептунов, типа хартеров, и крейсерам класса «Нова» — у них по нескольку искривляющих контуров, если бестелесная тварь прицепится к кораблю, то можно спокойно ее сбросить вместе с оболочкой. В нашем анклаве хартеров нет ни у кого, а спасатели на «Новах» любят пить свое виски и терзать свои гитары на крупных базах. Ближайшая — Алмазное Зеркало.

— И сколько им... добираться?

— Часов двадцать.

— Так долго?!

Вообще-то до Алмазного Зеркала как раз двадцать два часа ходу, но Сенто захотелось сосстрить:

— Ну... наш «SOS» они получили. Ну а дальше... пока до них дошло, что происходит, пока заливали виски обратно в бутылки, пока вспоминали, как поднимать паруса, пока вспомнили, что на звездолетах нет парусов, пока вспоминали, как заводить дизеля, пока вспомнили, что дизелей на звездолетах тоже нет... Пока нашли выход в межзвездное пространство...

— Так здесь есть шептуны? — очень напряженно перебила Акэми.

Роман взялся просвещать и успокаивать:

— Большинство бестелесных опасны исключительно для тех звездолетов, у которых цела искривляющая оболочка. Шептуны проникают в оболочку и таким образом путешествуют между естественными искривлениями... оболочка — тоже аномалия, искривленное пространство. Да, многие из шептунов очень опасны — гидры, харибды, химеры, фениксы... они могут перехватить управление кораблем и угнать его неизвестно куда, даже убить экипаж или разрушить корабль. Про некоторых и сказать толком нельзя, что они могут, а что не могут. Да про тех же химер... что особенно пугает. Но у нас-то оболочки нет, нам шептунов можно не бояться.

Акэми выслушала лекцию не перебивая, а потом объяснила:

— Я имею ввиду, если здесь есть шептуны, то почему они не шепчут? Или мы не слушаем?

Это — правда, которая и Сенто удивляет: бестелесных обитателей искривлений за то и назвали шептунами, что они постоянно издают ради шум, похожий на шорох. Или на сдавленный, торопливый шепот. А здесь, в искривлении Скиталец, ничего подобного не прослушивается — радиоаппаратура «Кречета» настроена таким образом, чтобы по-

стоянно сканировать все диапазоны, еще с разведочного прошлого остались настройки программ. Никаких характерных радиосорохов. Нет шептунов? Пожалуй, это хорошо, но... странно. И Роман тоже так думал:

— Неужели на целое искривление не нашлось ни одного шептуна?

— Я по ним не специалист... но в последнее время они где угодно встречаются, сами же мы их поразвозили. Я имею ввиду эльфов, гремлинов и прочий космический планктон. А те шептуны, что помощнее, и раньше повсюду водились... они нам, конечно не нужны, да и маловато это искривление для харибд и фениксов, им большие подавай, вот и не появляются здесь опасные шептуны. Проверяли, и много раз — трасса недалеко. Но... странно, что нет тут шептунов. Эльфы тут точно были, и много, их шепот аж на Мраморной Горе слышался.

— Может, они есть, но не шепчут, — предположила Акэми.

Вот такие варианты: либо в искривлении «Скиталец» нет шептунов, что маловероятно, либо они есть, но не шепчут... что странно. Третий вариант — хитроумная неисправность радиосканеров, но это было бы слишком даже для «Кречета».

— А разве шептуны могут не шептать? — нахмурившись, спросил Роман.

— Да не специалист я по ним! — отмахнулся Сенто. Ничего же не грозит, раз нет у «Кречета» оболочки.

— Шептуны могут не шептать, — каким-то упавшим голосом сказала Акэми. — Шишиги не шепчут иногда... когда рядом драконы.

— Отключить рации! — скомандовал Сенто. — Кабелями соединимся.

И первым защелкнул гермошлем.

Дракон — это серьезно... Самый опасный из бестелесных — атакует звездолеты, базы, зонды как только обнаружит. Иногда на безобидные астероиды нападает. Просто так, подчиняясь какому-то не то инстинкту, не то рефлексу — умишко у драконов где-то между инфузорией и саранчой. Ближе к инфузории.

И еще — драконы молчат. Не шепчут, как большинство бестелесных тварей, и потому — особенно опасны.

А рации Сенто приказал отключить потому, что драконы и другие бестелесные очень активно реагируют на радиосигналы. Драконы атакуют сразу. И молча. Не зря бестелесные шишиги глушат собственный шепот, когда рядом драконы. Шишиги — они умные, у них есть разум. Хотя очень трудно сказать, кто умнее, люди или шишиги — слишком уж разные у них умы, не сравниваются.

Соединились кабелями с компьютером, чтобы общаться, раз радио нельзя. Может, корпус «Кречета» и экранирует, но лучше не рисковать.

Пассажиры немного успокоились, Сенто — нет. Он слишком много знал о драконах. Во время учебы рассказывали, на инструктажах напоминали, отчеты читал, байки слушал. Вряд ли скафандры помогут, если дракон нападет. И даже вряд ли оттянут неизбежное.

С трудом взял себя в руки. Прежде всего — а есть ли дракон? Этих тварей не видно и не слышно, однако обнаружить можно. Все бестелесные — энергетические существа, и мизерная часть их энергии превращается в тепло. Сенто нацепил на руки упругие когти для работы на компьютере — а то перчатки здорово мешают. Принялся активировать инфракрасные датчики — к счастью, на разведкораблях они есть. И — да, нашлись какие-то объекты, которые только в тепловых лучах и заметны.

Сенто вывел изображение в виде трехмерной развертки. И увидел. Все увидели: не то облако, не то стая пульсирующих, мерцающих, меняющих форму сгустков. Рыскают, мечутся — на первый взгляд беспорядочно, однако, в общем и целом как будто водят хоровод.

— Это драконы? — спросила Акэми. С отчаянной надеждой в голосе, что это не драконы.

— Да, — с поразившим его самого спокойствием подтвердил Сенто. — Их манера двигаться. И — стая... такие стаи только у драконов бывают.

— Может, они нас не заметят? — прошептал Роман. — Мы же мимо летим...

— Может, и не заметят, но... стаи драконов, они как бы пульсируют. То едва не сливаются в точку, то расплзаются по всей аномалии. Заметят, рано или поздно.

— Но их всего девятнадцать, а искривление большое, — продолжал шептать Роман. Когда он их успел посчитать?

— Они рыскают. По теории вероятности нас обнаружат, и скоро... в ближайшие три-четыре часа — наверняка.

Роман дернул руку к подбородку — хотел себя за бороду ухватить. Акэми отстраненно проговорила:

— Это судьба.

Сенто и сам был напуган. Много есть способов погибнуть в космосе: отказы оборудования, начиная со взрывов генераторов, заканчивая мелкими поломками в скафандрах, столкновения с астероидами, метеорами и звездолетами, жесткие излучения, собственная небрежность... Много лиц у смерти. Дракон — безликая смерть. Почти невидимая. А тут еще и стая.

Накатили отчаяние со смертельной тоской. Оглушающие, парализующие, лишаящие сил и воли. Да еще и жалость к себе зашевелилась...

Из ступора вывел голос Романа:

— Мы можем что-то сделать?

Чудовищным усилием воли взяв себя в руки, Сенто попытался анализировать ситуацию. Как можно защититься от дракона? Есть же способы... самый верный — сбежать. И «Кречету» хватило бы скорости, да вот беда — контур не работает. Есть шлюпка, но ей, как раз, скорости не хватит. Еще существует оружие против драконов, те же хартеры, но на «Кречете» подобного оборудования не предусмотрено. Кто-то нырял в атмосферу газового гиганта, чтобы от дракона оторваться — но это уже с перепугу, драконы и другие бестелесные очень не любят приближаться к звездам и планетам. Что удача для человечества. Еще пробовали мощным светом отстреливаться, транслировали в эфир

запись шепота грифона (самого мощного из бестелесных) — не помогало. Ну и есть хороший способ — отвлечь дракона. Запускают со звездолета какую-нибудь беспилотную болванку с радиомаячком, когда дракон приближается на опасное расстояние к кораблю, радиомаячок включают. Дракон реагирует на радиоволны, атакует их источник. Правда, если тварь уже заметила звездолет, то может атаковать его после уничтожения болванки — на этот случай полезно еще болванки иметь. Зонды какие-нибудь научные... Но Сенто знал наверняка, что ничего подходящего на «Кречете» не осталось. Разве что шлюпка, даже можно, наверное, ее использовать, как отвлекающий объект, рация там есть. Только один раз можно, а драконов много. Может, все-таки, сбежать на шлюпке?

— У нас есть шлюпка, — сказал Сенто пассажирам, чтобы не отвлекали. И принялся за расчеты. Вызвал технические характеристики шлюпки, поисковой программой выудил из памяти компа сведения о драконах, с упором на их скорость в искривлениях и обычном пространстве. Прикинул, просчитал точнее... и получил очень интересный, интригующий результат — сбежать можно, но только в одиночку. Максимум — вдвоем, и то с недопустимым риском. Шлюпка может вместить и пятерых, но она — очень маленький звездолет, чем сильнее нагрузишь, тем медленнее будет разогнаться. Трех не вынесет, от драконов не спасет.

Мелькнула крамольная мысль — сбежать самому, а пассажиров бросить. Отогнал ее — а она опять мелькнула.

Непроизвольно посмотрел в глаза пассажирам. Лица Романа не видно, экран в стекле шлема отсвечивает, а вот Акэми смотрит отрешенно и с немым укором, как будто мысли читает. А может и вправду разглядела что-то у Сенто на лице.

Накатила злость. На самого себя. И Сенто стал излагать свой план:

— Значит так. Все втроем мы на шлюпке удрать не можем, слишком много весим. Если все втроем загрузимся — шлюпке скорости не хватит. Но дракона можно отвлечь радиосигналом, только сигналить надо с приличного расстояния от звездолета. А у нас есть шлюпка, если кто-то на ней будет, то... сможет отойти от корабля, выйти в эфир...

— А шлюпку нельзя запрограммировать, чтобы обойтись без пилота? — быстро спросила Акэми.

— Можно, только на программирование куча времени уйдет, там программы пилотирования для случайных людей рассчитаны, не космонавтов. Чтобы только и мог, что запустить, а дальше шлюпка сама в безопасное место выведет. Ну и защита на программах стоит, чтобы случайные люди сами себе все не испортили. Можно обойти защиту, но вручную придется, возни много, а времени нет.

— Понятно, — перебил Роман заинтересованным тоном. — И кто принесет себя в жертву? Вы?

Сенто даже немного растерялся. Хмыкнул:

— Никаких жертв. В том-то и прелесть, что тот, кто будет в шлюпке, сможет сбежать. Ругнется в эфир, и — ходу, чтобы дракон не догнал.

— Но ведь скорости не хватает!

— Если полетит только один из нас — хватит.

— Неужели человек так много весит, — растерянно пробормотала Акэми.

— Смотря какой человек. А вообще-то, если речь идет об ускорении на реактивных двигателях, то даже иголка — тяжесть.

— То есть, пилотировать должен самый легкий из нас, — деловым тоном констатировал Роман.

Акэми вдруг растерянно забормотала:

— Я... я не...

— Вы не умеете пилотировать шлюпки, — закончил за нее Роман, от чего Акэми заметно расслабилась. А Роман повернулся к Сенто:

— Так кто из нас с вами самый легкий?

Сенто даже задумался на секунду: Роман полноват, но низенький, сам Сенто худой, но высокий и мускулистый — кто легче? Тут же себя одернул:

— Я должен остаться на корабле. Я — пилот, мало ли чего... понадобится.

В наушниках прозвучал короткий, взволнованно-решительный вздох Романа. Чего это он? Радоваться надо, что от драконов сбежит, а он боится чего-то... не уверен, что сможет удрать?

Ладно, его проблемы. Сенто принялся инструктировать:

— Шлюпку лучше разгрузить максимально — выбросьте оттуда НЗ, инструменты, запасные скафандры... возьмите с собой резак, может, отрежете что-нибудь, переборку там... только, я вас умоляю, аккуратнее. И — быстрее надо, сами понимаете. Сразу стартуйте, но искривитель не включайте — это драконов может привлечь, даже отсюда. Конечно, на шлюпке он слабый, карманный, но лучше не рисковать. Отойдете тысяч на пять километров, и разгон можно выключить... тормозить не надо. И — сразу, как стартуете, устанавливаем лазерную связь. По моей команде... ну, скажем: «Сейчас!» — запускаете искривитель, выходите в эфир — достаточно будет просто включить рацию, драконов и несущая волна отлично приманит — и ходу... на всякий случай я вам вот эту картинку, — Сенто показал на развертку с инфракрасными драконами, — тоже буду транслировать. Куда лететь — не важно, лишь бы подальше от драконов. На форсаже. А там, как вырветесь из аномалии — смело запускайте программы автоматического пилотирования, шлюпка сама вас доведет до Мраморной Горы.

При последних словах Роман резко повернул голову в сторону Сенто — видать, понял, что сам наверняка спасется. Выражение лица снова не разобрать из-за бликов на стекле гермошлема. Вопросов не задавал — отстегнул кабель и быстро выплыл из рубки.

А Сенто взялся бороться «Кречетом» — пробовал запустить-таки искривитель. Мало ли, что опасно «Кречету» искривлять пространство в аномалиях, торчать рядом с драконами еще опаснее.

— Он действительно может спастись? — спросила Акэми. Сенто не сразу понял, что она про Романа.

— Шансы у него хорошие. Лучше, чем у нас... — не стоило этого говорить, вырвалось. — Главное, чтобы нас спасти не забыл. А то рванет сразу на форсаже...

— Роман этого не сделает! — горячо, но как-то все же неуверенно возразила Акэми.

— Не знаю, я с ним из одной миски не ел.

— Но... — только и смогла сказать Акэми. Переменила тему:

— Может нам выключить все, что можно? Чтобы соблюдать радиомолчание...

— Без толку, эти твари нас все равно заметят. Не в свете звезд, так по тепловому излучению. Да и не можем мы комп выключить — надо связь держать с Романом.

На пульте засигналило — шлюпка стартует. Быстро Роман управился. И сразу установил лазерную связь:

— К старту готов, прошу разрешения.

— Старт разрешаю.

Сенто напряженно наблюдал, как похожая на короткий раздутый изнутри гроб шлюпка удаляется. Быстро летит.

— Вы хорошо разгрузили шлюпку, — похвалил Сенто Романа.

— Я снял койки. Не пойму, зачем они такие тяжелые на шлюпке, раз вес для нее много значит.

— По инструкции койки могут быть использованы в качестве пластырей на обшивку.

— Понятно.

Достигнув оговоренных пяти тысяч километров, Роман честно выключил ускорение, дальше летел по инерции. Не поддавался соблазну сбежать.

Сенто вернулся к борьбе с автоматикой «Кречета», краем уха слушая, как Роман и Акэми болтают — отвлечься хотя бы. Драконов они обсуждали, кого же еще. Животрепещущие вопросы. Начал Роман:

— Как здесь могло оказаться так много драконов?

— Вероятно, их что-то привлекло. Может быть, то, что здесь было много эльфов.

— Да... вообще-то была когда-то теория, что драконы — хищники, что они охотятся на других бестелесных, потому и бросаются на любой достаточно мощный радиосигнал. Думают, что это бестелесный шепчет. То есть, они, конечно, не думают, инстинкты... Не подтвердилась теория. Непонятно, почему драконы такие... агрессивные.

— На самом деле это понятно, драконов давно уже изучают. Механизмы действий драконов описаны подробно, и шишиги тоже их описывали, все сходится. Но причины... почему так произошло — это неизвестно. И шишиги не знают, они удивляются, почему люди ищут причину для чего угодно.

— Вы много знаете про шишиг. Занимались специально?

— Нет, только читала. Но это же так интересно, разумные существа, настолько отличные от людей, и мы их понимаем... Разве это не интересно?!

— Хм... да. И все-таки, откуда здесь эта стая взялась? Аномалия небольшая, энергии здесь мало накапливается... драконы обычно в больших аномалиях... э-э... живут. Ну и, если их много, действуют стаями — тоже непонятно, почему. Они же скорее киты, чем хищники, просто пасутся на энергии, которая в аномалиях скапливается... точнее — застревают. Непонятно, откуда они здесь...

— Вероятно, их все же привлекли эльфы. Бестелесные, они же не знают о многих небольших аномалиях... просто не замечают. А здесь эльфы расплодились, только когда их люди занесли.

— Да, может быть. Однако какое ближайшее искривление? Гипермасса Синг Пэна? Оно в полусотне светолет отсюда, а эльфов сюда всего-то лет двадцать назад занесли...

— Может, стая пролетала мимо? Оказалась ближе, чем двадцать светолет, услышала эльфов...

— Драконы реагируют только на мощные сигналы. Достаточно мощные.

— Это не значит, что они не слышат слабых сигналов. Шишиги слышат даже электромагнитные волны, которые излучает человеческий мозг, и на большом расстоянии.

Сенто старался на всю эту пустую болтовню внимания не обращать. Искал выход, пытался настройки программ менять.

А еще Сенто с замиранием сердца следил за драконами. Все также водят свой хоровод.

Танцевали-танцевали, а потом их стая начала рассеиваться, распозаться. Вот уже и нет стаи, драконы мелькают где попало — не уследишь за всеми, время от времени поглядывая. Пришлось оставить возню с автоматикой, и смотреть только на развертку. В шесть глаз смотрели — но Сенто должен сам отдать команду Роману.

А когда ее отдавать? Когда дракон приблизится, или когда кинется прямо на «Кречета», пойдет в атаку? Если дракон просто близко от корабля — то, может, и не атакует, не заметит, бессмысленно будет его отвлекать. Но, если уже заметил корабль, то может вернуться, как бы далеко Роман дракона не заманил. Хотя, может и не вернется... Сомнения, сомнения. И страхи.

Вот этот вертлявый дракон, почти прямо на «Кречет» прет. Ну, сверни же, сверни, до того через каждые сто километров сворачивал.

Однако — не в этот раз. Перла тварь по прямой, скоро увидит звездолет... или не увидит?

Слова: «Роман, сейчас!» — были уже в горле, просились на язык. Но все не решалось — то ли на что-то надеялся, то ли в ступор впал от испуга... Во всяком случае — страха не было, только сомнения. Ох и не вовремя они...

Вместо Сенто принял решение Роман — врубил искривитель, двигатели и рванул. С панели управления прозвучал сигнал разрыва лазерной связи. И про радио Роман не забыл — драконы тоже рванули за шлюпкой. Сначала — ближайший, тот, который пер на звездолет, потом — дальние. Постепенно, один за другим, с минутными интервалами... ну да, расстояния-то космические, пока радиосигнал от шлюпки до драконов доползет, пока инфракрасные лучи от драконов до «Кречета» дотянутся.

Роман, судя по всему, не выключал рацию — драконы гнались за шлюпкой, а не стремились к исходной точке. Это он правильно, а то вся стая оказалась бы рядом с «Кречетом».

Шлюпка светилась на развертке ярким, мощным пятном. Даже странным кажется, что драконы, выглядящие тускловатыми сгустками, могут представлять опасность для Романа. Шла шлюпка неровно, вихляла — не умеет Роман летать в аномалиях, не учитывает взаимодействия оболочки шлюпки с естественными искривлениями. Но — хорошо идет, быстро. Не догонят.

Сенто только оторопело смотрел на развертку и хлопал глазами. Неужели — сработало? Опасность миновала? Глупо на это рассчитывать. Вернулся к автоматике — кажется, есть способ перенастроить все, чтобы работало.

Акэми вызвала на свой экран что-то, стала читать. А у Сенто уже руки опускались — казалось бы, опасность должна подстегнуть, заставить голову работать лучше. Но все наоборот — от страха мысли путаются, цельную картину представить не удастся. И пальцы дрожат — уже несколько раз не те программы запускал, давненько такого не случилось.

— Некоторым удавалось спастись от дракона на шлюпке, — вдруг заговорила Акэми. — В одиночку. Пытались спастись вдвоем на одной шлюпке, но не удалось.

Беспокоится за Романа? Видимо — да.

Сенто ей даже позавидовал — сидит себе, ждет. Ничего от нее не зависит. Злость взяла, пришлось считать про себя в обратном порядке.

Вдруг засигналила панель — кто-то устанавливает лазерную связь. Обдумать, кто это, Сенто не успел. Даже не начал обдумывать.

— Ой! — пискнула Акэми, глядя на развертку — там снова светилось пятно шлюпки. Роман вернулся. Надо же, какой хороший человек — мог сбежать, спастись, но не поддавался соблазну.

— У вас все в порядке, — зазвучал в наушниках голос Романа.

— Зачем вы вернулись? — спросил Сенто. Только чтобы что-то спросить — и так понятно.

— Ну... драконы же тоже вернуться, а я должен их отвлекать...

— Да? Спасибо.

А вот Сенто бы сбежал. Насколько он себя знает.

— А откуда вы знаете, что драконы уже за вами не гонятся? — спросила Акэми. — Их же не видно...

— При работающем искривителе их видно на мониторе, как дефекты вакуума. Плохо, особенно внутри аномалии, но видно, если знаешь, что искать. И куда смотреть.

— Так вы даже покинули аномалию, — задумчиво проговорил Сенто.

— Нет, я так и не покинул, мне удалось раньше... оторваться.

Сенто связался с бортовым компьютером шлюпки, вызвал данные. Топлива у Романа пока хватает, сможет еще разок драконов отвлечь, если они вернуться. Сэкономил, не переходил на форсаж. Ну что ж, это скорее хорошо, чем плохо, шансы спастись снова выросли. Немножко.

Сенто вернулся к автоматике «Кречета», Акэми и Роман продолжили болтовню. В этот раз — с филологическим уклоном, обсуждали, почему бестелесных называют, как мифических чудовищ.

Долго идиллия не продлилась — драконы вернулись. В этот раз — не стайей, вразнобой. Снова начали рыскать по аномалии, кажется, даже резвее, чем раньше. Как будто ищут что-то...

Сенто не мог работать — смотрел как замороженный на развертку. Сначала не мог, потом — заставил себя. Роман и сам отлично решит, когда ему разгонять шлюпку. В прошлый раз сам решил.

Как раз удалось кое-что перепрограммировать — с седьмой попытки, когда раздался голос Романа:

— Я стартую.

И замурлыкал сигнал разрыва лазерной связи.

Сенто и Акэми снова наблюдали картину, как драконы один за другим бросаются вслед за шлюпкой. И растворяются за пределами развертки. Вслед за шлюпкой.

— И много раз еще Роману придется... так? — хрипловато спросила Акэми.

— Это — последний.

— Что?!

— У шлюпки запас топлива того... ограниченный. Пару раз разогнаться, пару раз затормозить, ну и коррекции еще. Роман в прошлый раз умудрился сэкономить, да и шлюпку хорошо разгрузил, я вижу. Но больше он отвлекать драконов не сможет.

— Но... почему?!

— Что — «почему»?

— Почему у шлюпки маленький запас топлива?

— А зачем ей большой?

— Ну... на всякий случай...

— Шлюпка сама по себе — на всякий случай. Нет, Роман нам больше не поможет. Мы теперь сами по себе... тоже.

Акэми замолчала. Потом начала что-то бормотать на неизвестном Сенто языке. Молится? Нет, похоже — стихи надиктовывает. А ведь они могут стать очень популярными — как предсмертные. Если память компьютера уцелеет после атаки дракона... впрочем — черные ящики уцелеют, а туда вся болтовня пишется.

А вот Сенто после сорока трех лет прожитой жизни ничего не оставит... гораздо меньше, чем Акэми после двадцати.

Компьютер слушал-слушал стихи Акэми, да и взялся их переводить для Сенто. В наушниках зазвучало: «Звезды горят... Темнота не пугает... Старого дракона».

Сенто отключил перевод поэзии, чтобы не отвлекаться. Потом как-нибудь, а сейчас лучше думать о программировании, чем о драконах. Старого дракона может быть, ничто не пугает, зато дракон еще как пугает экипаж и пассажиров старого «Кречета». И если бы «Кречет» был старый целиком, без всех этих модернизаций... Стоп.

Сенто кинулся проверять догадку, и наполовину благодаря случайности обнаружил, что на «Кречете» не только новая система управления стоит, но и до сих пор сохранилась старая, в законсервированном виде. Ну да, чтобы ее снять, пришлось бы корабль распилить. Если новую отключить, а старую расконсервировать, то корабль гораздо управляемее станет, даже без учета, что новая не все сигналы понимает. После модернизации ведь экономичность и скорость «Кречета» повысились, а вот управляемость — упала, и от этого все сегодняшние неприятности. Тогда и искривитель наверняка удастся разблокировать...

Сенто резво взялся за дело. Ушел в работу с головой, и даже умудрился не расслышать сигнал установления лазерной связи.

Роман что, не понимает? Точно не понимает — радостно объявил:

— Вот и я!

Сенто быстро связался с бортовым компьютером шлюпки. Топливо еще есть, но...

— Роман, — устало сказал Сенто, — у вас осталось мало топлива. Вы уже не сможете отвлечь драконов... точнее — сможете, но не успеете сбежать. Не наберете скорость.

— Да... — в голосе ученого не было растерянности, задумчивость. — А я смогу заправиться?

А ведь может — на разведкораблях есть оборудование для заправки десантных ботов прямо в космосе, и штуцеры там подходят к заправочным муфтам шлюпок, Сенто специально проверил через компьютер.

Только они не успевали — появились драконы. И не вразнобой, а стайей, и шли прямо на «Кречет». И стая рассеянная, расширяющаяся. Плотная еще могла бы проскочить мимо. Вероятно, Роман плохо отвлек драконов. Или же — не повезло. Дико не повезло. Каких-то двадцати минут не хватило, чтобы расконсервировать старую систему... Тогда бы — удрали без проблем.

А Роман через лазерную связь взялся рыться в компьютере «Кречета», копирует какие-то файлы. Звуковые. Зачем это он?

А драконы близко, опасно близко. Хочется отвести глаза от развертки — и не получается. В скафандре Сенто включилась воздуходувка — он, оказывается, вспотел.

— Прощайте, — раздался неожиданно твердый голос Романа.

— Не надо! — заорал Сенто. Впоследствии он не раз задумывался, почему кричал. Вроде бы так: не хотелось осознать всю оставшуюся жизнь, что кто-то принес себя в жертву, чтобы Сенто спасся. Даже если жизни осталось всего несколько минут.

Роман не слышал крика Сенто — вон, панель сигналит, что связи нет.

Вдруг на экране высочило сообщение радиосканера. А в наушниках зазвучал очень и очень характерный звук — шорох, похожий на шепот, голос шептуна. Что происходит?

— О-ой... — выдохнула Акэми, она смотрела на развертку. Сенто тоже посмотрел. И тоже охнул.

Драконы уходили. Нет, не так — они удирали, как ошпаренные, как мальки от окуня. А роль окуня на космических подмостках сегодня исполняла шлюпка с Романом внутри. А радиошорох-то действительно от шлюпки идет, если верить пеленгатору.

Акэми истерически хихикнула, потом шмыгнула носом, потом порывисто вздохнула.

Чувствуя, что физиономия расплывается в идиотски-счастливой улыбке, Сенто спросил дрогнувшим голосом:

— Роман, что вы включили?

— Ш-шепот химеры, — голос ученого по-прежнему задумчивый. Дрожащий, но задумчивый, бывает же такое.

— Да? А почему именно химеры? Не харибды, не грифона... хотя, грифонов драконы не боятся, пробовали уже... но почему именно химеры? Мало ли бестелесных тварей... И почему вы вообще включили именно... шепот?

Роман ответил не сразу. Но голос уже не дрожал:

— Понимаете, я хотел включить музыку. Композиция «Шепот химеры», вы наверняка ее знаете, все ее знают.

Еще бы не знать — появилась несколько лет назад неизвестно откуда, и сотворила в современной музыке настоящую революцию. Сразу несколько новых стилей возникло на ее основе, да и старая музыка зазвучала гораздо лучше. И до сих пор неизвестно, кто композитор, даже мошенники не рискуют себя авторами «Шепота химеры» объявлять.

— Я хотел умереть под эту музыку, — продолжал Роман. — Нашел в вашем компьютере звуковой файл с названием «шепот химеры», скопировал, запустил вместе с ракетой... он и пошел в эфир. А это оказался настоящий шепот химеры. То есть, шепот настоящей химеры. Вероятно, драконы боятся химер.

По всей видимости, так и есть. Интересно, с чего бы?

— Про «Шепот химеры» ходят разные слухи, — вступила Акэми. — Говорят, эту музыку сочинила химера. Настоящая химера, бестелесная. В таком случае... драконы их правильно боятся.

ИСПОВЕДНИК

Казнить нельзя помиловать. Только я могу правильно поставить запятую в этой фразе, потому что я — истина в последней инстанции, судебный исповедник.

Серый безликий коридор «чистилища» — так называется тюремный корпус, где содержатся те, кто ожидает нашего приговора. Захожу в камеру — заключенный встает и шутиливо кланяется. Гаденькая ухмылка расплзается по наглой физиономии. Шут из колоды Таро: то ли сумасшедший глупец за минуту до падения, то ли Дьявол, играющий с пустотой. Первая и последняя карта, начало моей жизни в качестве исповедника и ее же конец.

— Доброе утро, исповедник, — подчеркнуто вежливо здоровается он.

Но я не могу ответить на приветствие дежурной фразой, потому что у исповедников нет расхожих фраз и банальных приветствий. Все слова для нас наполнены особым смыслом. Это утро — не доброе, поэтому отвечаю просто:

— Здравствуйте. Протягиваю ему руки ладонями вверх. Под кожу моих ладоней вшиты датчики правды, связанные с нанодетекторами лжи, живущими в моей крови, а те, в свою очередь, круглосуточно подключены к главному терминалу. Если заключенный солжет даже по мелочи, датчики уловят ложь, передадут сигнал нанодетекторам, а те пошлют сообщение на главный терминал, и это будет использовано против заключенного в суде.

Он берет меня за руки и начинает исповедоваться. Детство, школа, семья — датчики молчат. Пока молчат.

— Ваше имя? — задаю обычный проверочный вопрос.

— Анжей Кислевски, — датчики молчат.

— Вы похищали кого-либо с целью продажи его органов?

— Нет.

Ставлю вопрос иначе:

— Имели ли вы отношение к похищению людей с целью продажи их органов?

— Да

— В каком качестве?

— В качестве курьера, я перевозил черный нал.

Датчики молчат. Хитрый ход, умный ход. Формально Анжей является членом преступного синдиката, и невозможно уличить его во лжи, но курьеров строго не наказывают. Как бы я ни сформулировал вопрос, он ответит правильно, потому что хорошо подготовился. Согласно новому Кодексу Евро-азиатского союза, принятому десять лет назад, в две тысячи сто двенадцатом году, ему не грозит смертная казнь. В наш век политкорректности и гуманности даже у работорговцев, торгующих человеческими органами, есть права. Смертную казнь дают только организаторам, простые исполнители получают тюремный срок и право на обжалование. На моей памяти никого еще никого не казнили.

Работорговцы взяли на вооружение систему, которой пользовались спецслужбы в двадцатом столетии — систему звеньев-троек. В каждой тройке только один человек знает исполнителя из следующего звена. Организаторов в лицо знают единицы, которые до опознания обычно не доживают.

Дальше все пойдет по тщательно разработанному и продуманному плану. Анжей отсидит несколько лет в тюрьме строгого режима с электронным «ошейником» на шее — это специальное устройство с радиусом двести метров. Заключенный может передвигаться только внутри тюрьмы, лишний шаг за дверь — и голова с плеч долой. Ошейник просто взрывается при попытке удалиться от камеры больше, чем на двести метров. Потом друзья с воли передадут ему «зомби» — последнее изобретение черного медицинского рынка. Препарат имитирует смерть. Глотаешь золотистую капсулу, и, в течение полутора суток выглядишь, как покойник — мертвее не бывает. И даже сверхчувствительная медицинская аппаратура без колебания регистрирует летальный исход.

По прошествии тридцати шести часов человек благополучно оживает подобно зомби из практики гаитянских колдунов.

Анжею отвезут в больничный крематорий, ошейник перед смертью снимут, вместо него сожгут кого-то другого, а его благополучно переправят к «черным хирургам», работающим без лицензии. Те извлекут электронный сканопознаватель личности, который вшивается каждому гражданину Евро-азиатского Союза при рождении, заменят другим — чистым, и... здравствуй, новая жизнь.

Я не имею права рассказывать на суде, что он поведал мне, даже если это всего лишь имя его первой возлюбленной. Тайна судебной исповеди священна, кем бы ни был исповедуемый. Но я вынужден буду подтвердить, что он не организатор, а всего лишь пешка. И наплевать всем на мою память, потому что доказательств нет.

Анжей молча смотрит на меня. В серых — с оттенком грязной мыльной воды — глазах без ресниц тихой птицей свил гнездо смех. Он тоже меня узнал. «Не поймал, исповедник», — беззвучно говорят серые глаза. Мы оба помним...

... Девяностый этаж стоэтажного здания. Наша группа спецназовцев обложила квартиру, в которой работорговцы держат живой товар. Мы затаились этажом выше. На дисплее инфрасканера двигаются два красных сгустка — два работорговца, еще двадцать шесть неподвижно застыли на полу — это похищенные. Наверняка, связаны и накачаны наркотой.

— Если снесем дверь, они вдвоем успеют перестрелять как минимум половину, — шепчет командир.

— Давайте я с крыши спущусь — и в окно, — стараюсь, чтобы в голосе не послышалось волнение. У меня в этом деле личная заинтересованность, но узнай кто об этом — не допустили бы к участию в операции.

— Кто куда, а Бэтмен на крышу, — прыснул Коста, который и прилепил мне эту кличку, я действительно лучше всех обращаюсь с тросами.

— А ну не ржать, упыри, — цыкнул на ребят командир Дан, — ладно, Стефан, но постарайся осторожней. Мне мертвые герои не нужны.

Вылезаю через чердак на крышу, закрепляю один конец троса за антенну, второй — на поясе. Скольжу вниз, отталкиваясь ногами от стены. Бесшумно становлюсь на карниз возле нужного окна, прижимаюсь к стене, осторожно заглядываю в комнату. На полу и на диванах вповалку лежат заложники, в нескольких шагах от окна работорговец копается в сумках и кейсах жертв. Шакалье племя! Мало ему куша, который он получит за органы — так еще нужны мелкие подачки: кошельки, одноразовые кредитки, украшения. Мне повезло, что он пристроился напротив окна.

Натягиваю на лицо маску, отталкиваюсь ногами от стены и бросаю тело в стекло, вытянув ноги вперед. Влетаю в комнату в облаке осколков — мужчина даже не успевает испугаться, падаю, подминая его под себя, бью кулаком в лицо, разбивая нос — он хрипит. Переворачиваю работорговца лицом вниз, еще раз для верности прикладывая физиономией к полу, защелкиваю наручники и шепчу в ухо:

— Попробуешь крикнуть — сверну шею! Где второй?

— Я здесь один! — хрипит он, — второй ушел, и я не знаю, когда вернется.

Проверяю комнаты, везде на полу — похищенные: мужчины, женщины, дети. Все они обнажены и разрисованы черным маркером: печень, почки, сердце, даже глаза. Это значит, что хирург уже подготовил их к операции — мы успели вовремя.

Говорю в передатчик, вшитый в воротник куртки:

— Все чисто! Открываю входную дверь.

Впускаю ребят, возвращаюсь в комнату, где лежит работорговец, и, наконец, вижу ее — свою сестру. Худенькое хрупкое тело полностью расписано черным, она молода и здорова — у нее можно много забрать. Срываю со стола скатерть, накрываю наготу, падаю возле нее на колени, бью по щекам, трясусь — она не открывает глаза. Щупаю пульс — тишина, абсолютная тишина. Снова трясусь ее — голова мотается, как у тряпичной куклы.

— Стефан, не нужно, отпусти ее! — командир хватается за рукав, — она ушла, ее больше нет!

— Что ты ей дал, сволочь? Какую дозу ты ей вкатил? — надвигаюсь на работорговца, он ползет по полу, забивается в угол и часто моргает от страха:

— Не знаю! Я их не колол! Это все он, мой напарник!

Ребята молча стоят в дверном проеме, никто не решается заговорить со мной, никто, кроме командира. Дан хватается за плечи, оттаскивает к окну, ветер робко проскальзывает в комнату через разбитое стекло и гладит мои волосы ласково, как сестренка.

— Иди вниз, Стефан, иди в машину, — командир пытается загородить от меня работорговца, чтобы я не видел шакалью морду.

— Да, хорошо, — без возражений послушно иду к двери. Дан предусмотрительно держится сзади, отсекая любую возможность отомстить шакалу. Я решаюсь на хитрость, падаю на колено, вскрикиваю:

— Нога! Черт, моя нога! — кривлюсь от боли. Доверчивая все-таки душа наш командир, несмотря на солидный жизненный опыт. Дан садится на корточки рядом со мной, спрашивает тревожно:

— Порезал или вывернул? Покажи!

Отлично! Он ушел с линии огня! Вскликаю на ноги — Господи, не дай мне промахнуться! — всаживаю пулю между шакальих глаз.

— Нет! — командир валит меня на пол. Поздно! Я успел!

Ребята окружают меня, смотрят молча, в глазах — ни капли осуждения, только понимание и боль.

— Всем выйти! — кричит Дан, — оставьте нас одних!

Ребята выходят.

— Стефан, сынок, — шепчет командир, — что же ты наделал? Он ведь связан и безоружен, сопротивления не оказывал. По Уставу тебе военная тюрьма корячится! — Дан вытер моментально взмокший лоб. — Вот что мы сделаем, сынок: я дам тебе полчаса форы, слышишь меня? Полчаса! Уходи сейчас, уходи немедленно!

— Я не побегу, командир, потому что я прав. Плевать мне на Устав! Почему те, кто отнимает чужие жизни, равноценны жертвам? У каждого из этих заложников есть семья, и когда его убивают, родные и близкие умирают вместе с ним. Разве может спокойно жить отец, дочь которого разрезали на куски? Или пустые от горя дни между ночными кошмарами и слезами на могилах, успокоительные горстями и фотографии в черных рамках можно назвать жизнью? А мы с вами вместо того, чтобы пристрелить эту тварь на месте, везем его в тюрьму, свято соблюдая гражданские права, и специальные организации следят за тем, чтобы ему было удобно и комфортно. Мы гуманны и политкорректны, из наших ртов течет розовая карамельная слюна, когда мы любим собственным идеальным отражением в зеркале.

Встаю, бросаю на пол пистолет, протягиваю руки — Дан защелкивает наручники, и мы идем к входной двери. Проходим по коридору мимо комнат, где ребята готовят похищенных к транспортировке в госпиталь: кладут на носилки, укрывают одеялами. Один из мужчин внезапно открывает глаза — серые глаза без ресниц — и внимательно смотрит на меня, провожая взглядом до двери. Мельком отмечаю, что есть в нем что-то странное, но сил думать нет, голова наливается свинцом — у меня начался откат.

Сажусь в полицейский кар на заднее сиденье, автоматически опускается сетка, отделяя водителя от задержанного. Дан садится за руль — он со своими ребятами до конца, и в горе и в радости. Мы трогаемся с места, и вдруг я понимаю, что было странного в этом мужчине: на его теле нет меток черным маркером. Меня осеняет:

— Командир, — кричу я, — второй работорговец там! Он разделся и выдал себя за похищенного!

— Мать его! — с чувством бросает он и кричит по связи:

— Срочно задержать все медицинские кары! В одном из них — работорговец, прикинувшийся заложником! Но мы не успели. Шакал ушел.

После случившегося у меня были две возможности: пойти в военную тюрьму или Орден судебных исповедников. Я выбрал второе, и еще неизвестно, что хуже. В Орден не приходят по своей воле. Полное одиночество и молчание — это жизнь исповедника, потому что в нашей крови живут нанодетекторы лжи, круглосуточно связанные с главным терминалом.

И если исповедник солжет даже в малом, умные наны задействуют программу разрушения, и мозг просто взорвется. И если исповедник попытается раскрыть тайну исповеди, то он умрет. Потому что информация стала самым дорогим и самым ходовым товаром.

Орден судебных исповедников появился из-за кризиса судебной системы. Политкорректность и демократичность законов сами себя поймали в ловушку. Умные ловкие адвокаты могли как угодно вывернуть наизнанку законы, чтобы оправдать преступников. Суды присяжных превратились в карикатуру на Фемиду. Весы богини правосудия потеряли равновесие, и одна из чаш стала время от времени скользить вниз, в зависимости от того, кто больше монет в нее положит. Или кто громче заплачет — некоторые присяжные были крайне сентиментальны, и осужденные под чутким руководством адвокатов, наполняли чашу потоками крокодильих слез, которые тянули ее вниз не хуже драгоценного металла.

И тогда появился наш Орден — Орден судебных исповедников. Мы нейтральны и независимы, наш Бог — истина, наша молитва — молчание.

И даже свидетельствуя в суде, я ничего не рассказываю. На стене в зале суда висит старинная доска, я пишу на ней мелом, как писали триста лет назад:

Казнить нельзя помиловать, и ставлю запятую в нужном месте.

У меня нет друзей и приятелей. Повседневная жизнь соткана из большой и маленькой лжи, ложь вплетена в вены, ядовитым плющом обволакивается вокруг губ — ее никто не замечает. Никто, кроме исповедников.

На банальный вопрос: «Как дела?» я не могу ответить обычным: «Все в порядке», если мне грустно, потому что это будет ложь, а наказание за нее — смерть. Я не могу сказать некрасивой женщине, что она прекрасна, и солгать другу, что он умен и прав.

Преступники исповедуются мне, потому что их к этому обязывает закон. Остальным просто нужно, чтобы их выслушали и сохранили все в тайне. Мы не заменили церковь, но стали единственной отдушиной для тех, кто потерял веру. Те, кто не верят в бога, идут к нам, потому что даже неверующим иногда нужно исповедаться и выплакаться. В наш умный хитрый век информация — это божество, а я его жрец. Самоубийцы и психопаты; умирающие от рака, с которыми так и не справились хваленые нанотехнологии, и оставленные жены; брошенные мужья и спившиеся неудачники — все они идут ко мне на исповедь...

... Мое молчание Анжей принимает за растерянность, и к смеху в глазах подмешивается торжество.

— Каково это — чувствовать себя безнаказанным? — спрашиваю его. В яблочко! Мне наконец-то удастся сбить его с толку. Замешкавшись, Анжей неуверенно отвечает:

— Не знаю.

Датчики, наконец, отзываются покалыванием, умная техника уловила ложь и передала сигнал на центральный терминал. Впрочем, мне уже все равно. Встаю, отхожу к дальней стене и кладу руку в карман.

Тюремные охранники настолько привыкли ко мне за много лет, что давно перестали задавать дежурный вопрос: «Оружие есть?» И даже придумали шутку: «Лучшее оружие исповедника — правда, и хотя калибр мелковат — зато не дает осечки».

Достаю из кармана гранату. Вот оно! Страх в его глазах! Теперь ты знаешь, мразь, что чувствовали все эти люди, когда оставались наедине с тобой, и неоткуда ждать спасения, и нет надежды. Теперь ты понял!

Вырываю чеку из гранаты.

Казнить, нельзя...

ЗАГАДКА СФИНКСА

*... Черного Кобеля Не Отмоешь Добела
Т. Праттчет «Опочтарение»*

— Ну, наконец-то, пресса заинтересовалась нами, — улыбнулся начальник тюрьмы, грузный мужчина лет сорока с бледно голубыми водянистыми глазами, сальными волосами пепельного цвета зачесанными набок. — Меня зовут...

— Альберт Тихонович, — важно кивая, сказал я. — Прежде чем приступить к работе, я тщательно изучаю объект. Начальник тюрьмы улыбнулся еще шире. Нормальные люди так рот не растягивают. За исключением тех случаев, когда есть что скрывать.

Если честно, когда шеф сказал: мне нужна статья о колонии 999 — душа не вспухла от радости. Скорее, наоборот, в грудь вползла десятисантиметровая игла страха — все, что могло вздуться, лопнуло в одночасье.

Не подумайте, я не суеверный. Перевернутый номер колонии не заставил колени тянуться к полу. И даже несколько часов в пробке на выезде из Москвы не были причиной упавшего настроения.

Тюрьма. Мрачное слово, мрачное место, мрачные люди... Передо мной выросли монолитные стены с колючим париком, угрюмые надзиратели в униформе цвета утерянной надежды, с длинными черными палками — как, должно быть, болезнен их удар; отборный мат, строгие приказы на грани срыва голоса; дурно пахнущие небритые эски с угольными дырами в зубах...

Оказаться внутри двухметровых заграждений — не в Алуште на солнце нежиться. Невольно почувствуешь себя заключенным. Особенно когда у ворот тебя встречают два верзилы и конвоируют к начальнику тюрьмы. Кажется, шаг вправо-влево — гаркнут и познакомят с тонфой — божеством надзирателя.

В таких учреждениях журналистов не любят. Боятся сболтнуть лишнего? Вдруг разнохает о Франкенштейне в подземелье. Кто знает? Но нажить проблем можно запросто. Это раньше тюремные боги свои зверства распространяли только на эсков. Теперь, в наш беспокойный двадцать второй век, их власть значительно возросла. Участившиеся террористические акты, беспорядки, связанные с Марианской впадиной между бедным и богатым классами, растущая наглость чиновников-хапуг, коррупция, эпидемия революционных группировок — все это вынудило расширить права служащих законопорядка, установить жесткий контроль над горожанами. Они — мэры, они — настоящие хозяева районов.

Начальнику тюрьмы показалось, что ты узнал больше нужного или же повздорили, был нелюбезен с ним или просто не понравился. Найти двух амбалов и заткнуть рот до выхода статьи — плевое дело. Или раздуть мамонта из мелочного проступка, подставить и пришить уголовное дело — в камере-то ведь никто не станет слушать откровения детектива-дилетанта.

Могло и повезти: начальник тюрьмы всего-навсего откажется принять того, кто хуже татарина. И день насмарку, как и урезанный сон, возврат к пробке, теперь уже на въезде в Москву, но на душе — точно скинули балласт.

Трусом я себя не считаю, но чертыхнулся, когда увидел любезную рожу Альберта Тихоновича. Странное имя в странном месте.

— А вас? — вернул в реальность сахарный голос.

— Что, простите?

— Вас как зовут?

— Андрей.

Брови начальника тюрьмы подпрыгнули.

— Просто Андрей?

Полное имя говорить не хотелось. Еще выведает всю подноготную, в гости заявится. Можете считать меня параноиком, но с их братом теперь надо быть настороже.

Я кивнул. Альберт Тихонович немножко скис, но тут же спрятал разочарование за радушной улыбкой.

— Давайте осмотрим мои апартаменты?

Возможно, показалось... Или начальник тюрьмы вспомнил, что статью о его колонии смогу написать только я. Там-то и подпись внизу можно глянуть, если не угрожу чем. Опубликоваться под псевдонимом и уговорить шефа с друзьями никому не раскрывать авторства? Нет, друг, перебор. Верь в лучшее и худо тебя не найдет.

Мы вышли из кабинета. Сзади примкнул охранник с каменным лицом: таким же несовершенным, грубо вытесанным и бесчувственным.

Так как я не знал дороги, пришлось идти посередине. Как заключенный. Состояние «не по себе» взрастило мышцы.

— Как вы знаете, наша колония в корне отличается от других, — начал Альберт Тихонович. — У нас заключенные не просто отбывают наказание, а перевоспитываются. К каждому свой подход. Если это убийца, мы вызываем отвращение к насилию, жестокости. Вор — к желанию нажиться на чужом добре.

Мы шли между рядами камер, напоминавших карцеры психбольницы: за толстым стеклом, с обитыми периной стенами. В каждой камере по унитазу, когда привычнее было бы увидеть железное ведро. Конечно, и раковина присут-

ствовала. В центре — кресло, спинкой к нам. Напротив него — целая стена дисплеев под защитой пуленепробиваемого стекла. Не видел я главного — заключенных.

— Секрет нашего успеха — перед вами, — продолжал начальник тюрьмы. — Романенко, открой камеру.

Мы остановились. Охранник обогнул меня, достал связку ключей. Звона я не услышал — таблетки. Верно, куда вставлять обычный ключ, если дверь из стекла.

Романенко приложил электронный ключ к замку на стене. Стекло отъехало в сторону.

Альберт Тихонович вошел в камеру, я замешкался. Уж не задумал ли запереть тут? Или маньяку скормить?

— Не бойтесь, заключенный связан, — подбодрил начальник тюрьмы.

Над плечом нависла глыба с фамилией Романенко. Дыхание, как у минотавра. Коридор потерял уют, и я вошел следом за Альбертом Тихоновичем.

— Да что вы так вертите головой? — усмехнулся он. — Заключенный в кресле.

Я подошел к Альберту Тихоновичу. Перед нами сидел угловатый коренастый тип, стриженный под ежика. Пояс, кисти, колени охватывали кожаные ремни. К голове и телу присосались тонкие проводки. Металлические стержни тянулись от спинки кресла к глазам, держали веки.

— Все предусмотрено, чтобы заключенный не мог уклониться от просмотра фильмов, — объяснил Альберт Тихонович.

С десяток телевизоров показывали советские мультики. Я начинал догадываться, в чем заключается воспитание зэков. Полная чушь.

— Не делайте поспешных выводов, — прочел мои мысли Альберт Тихонович. — Мы показываем добрые мультфильмы, кино о любви, дружбе и других светлых качествах человека.

— То есть насильно вдалбливаете в мозг пропаганду Добра.

Альберт Тихонович поморщился.

— Зачем же так грубо? Это только поначалу мы сковываем движения во время «хороших» просмотров. Пока человек не проникнется нашей философией. Потом мы предоставляем полную свободу и комфорт, поим, кормим. Причем не чем зря, — добавил Альберт Тихонович, вскинув указательный палец.

— Вы сказали, «хороших» просмотров...

— Вы слушаете внимательно, — улыбнулся Альберт Тихонович.

Я пожал плечами.

— Профессия.

Альберт Тихонович часто закивал и продолжил:

— Вы верно заметили, есть еще и «плохие» просмотры. Их мы показываем чаще «хороших» поначалу и все реже по мере приближения конца, так сказать, лечебного курса.

Альберт Тихонович развел руки и объяснил:

— Мы лечим душу.

С экранов за спиной начальника тюрьмы исчезли мультяшки, начался фильм. Причем не самый лучший. Уже с первых кадров кого-то резали, расчленяли.

Зэк заорал, задергался, но ремни держали крепко.

— А! Вот как раз и «плохой» просмотр. Сцены насилия, алкоголизм, наркомания — все отвратное — сопровождается болевым шоком. А именно — ударом тока. Вот, видите эти проводки? По ним подается разряд.

— А...

— Нет, убить он не может. Здесь мы осторожны, инцидентов пока не было.

— Значит, ваше лечение заключается в выработке рефлексов?

Альберт Тихонович поджал губы.

— Можно и так сказать. Увидев подобные сцены в жизни, бывший заключенный уже не станет их смаковать, тем более — не решит помочь преступникам.

— Но и не поможет жертве.

Начальник посмотрел на меня с уважением.

— Вы проникательны. Да. Так как у него зло ассоциируется с болью, заключенный скорее испугается. Но ведь он может позвать на помощь, позвонить в милицию. Вмешательство не всегда приносит пользу. Бывает, от этого становится лишь больше трупов.

От криков зэка пробудилась мигрень. Я скривился и предложил уйти. Альберт Тихонович охотно согласился.

— При «плохих» просмотрах заключенного усаживают в кресло всегда. Вне зависимости, на какой стадии перевоспитания он находится.

— А не может получиться так, что заключенный сойдет с катушек?

— Вы имеете в виду, повредиться разумом? Давайте поднимемся на второй этаж.

Затылок обожгло дыхание охранника. Отрезал путь к отступлению? Нервы снова взыграли. Не сказал ли я чего лишнего? Куда меня собираются вести? Так, спокойно. Волкам показывать страх нельзя — набросятся.

Стараясь скрыть волнение, я разыграл любопытство и согласился.

Второй этаж оказался значительно уютнее. Широкие, без решеток, окна, отличная освещенность, привычные деревянные офисные двери и даже картины на стене. Лишь одно не позволяло забыть, где находишься, — железная дверь в конце коридора. Именно к ней мы и подошли.

— Здесь работают наши эскулапы, — не без гордости пояснил Альберт Тихонович. — После окончания лечебного курса, перед тем как выпустить заключенного на свободу, он подвергается тщательному медицинскому обследова-

нию. Для этого у нас имеется специальная палата — вот она. Так как тут проводят и операции, вы должны надеть бахилы и халат. Виктор Степанович скрупулезно хранит чистоту в своих владениях.

— А где их?..

Альберт Тихонович прервал меня жестом, показав за спину. Я обернулся и чуть не клюнул грудь охранника. Что за привычка подходить вплотную!

Охранник молчаливо протянул требовавшееся обмундирование. И когда успел сходить?

Хозяин тюрьмы и я облачились в белое. Лязгнула тяжелая дверь. Мы вошли. Я с облегчением заметил, что охранник остался в коридоре.

— Альберт Тихонович?

К нам подскочил пожилой сухопарый мужчина в очках, седые волосы покрывали лишь затылок. Типичный человек науки. Почему-то мне всегда казалось, что умные люди имеют привычку быстро лысеть.

— Виктор Степанович, я к вам гостя привел. Знакомьтесь. Андрей, журналист.

Доктор потряс мою ладонь обеими руками, после чего поспешил к раковине. Намыливая руки, он спросил:

— Будете материал о нас писать?

Я кивнул. Осмотрелся. Койка, различная медицинская аппаратура, стеклянные шкафчики с медикаментами и инструментами. Все, как обычно. В дальнем конце — тяжелая металлическая дверь с небольшим окошком из толстого стекла.

На полпути к ней меня окликнул Альберт Тихонович.

— Это святая святых Виктора Степановича. Он туда пускает только своих помощников.

— Да, да, — подтвердил старик, стряхивая брызги с рук, — туда вам нельзя, молодой человек.

Неужели Франкенштейн в подвале или, как говорят другие, скелет в шкафу? В окошко я успел увидеть двух молодых людей в белом, колдующих над колбами и микроскопом. Жаль, но надо было возвращаться к неприятным собеседникам. Когда мне стало в самом деле интересно, увы.

— Ну что, вы все посмотрели?

Я невольно бросил взгляд на дальнюю дверь.

— А чем занимаются там?

— Прогресс не стоит на месте, и мы не желаем отставать. Там небольшой мирок нанотехнологий. Сегодня моя колония — образцовая. Хочу, чтобы она оставалась такой и в будущем. Не спрашивайте, зачем нам нанотела, я пока и сам не знаю. Но давно слежу за этой ветвью науки и, думаю, в нашем деле ее достижения могут быть полезны.

Альберт Тихонович, несомненно, хороший актер, но здесь я ему не поверил. Что-то он недоговаривал.

— Виктор Степанович, до свидания.

— Да, да.

Доктор пожал нам руки. Когда мы выходили в коридор, послышался шелест воды из крана и чавканье мыла. Что ж, чудики — распространенное явление среди людей науки. Можете назвать это еще одним моим предубеждением.

— Собственно, теперь вы знаете секрет колонии 999, — подытожил Альберт Тихонович. — Мы верим, что наша система позволит избавиться от рецидивов.

Когда я увидел дверь с маленьким окошком, во мне проснулся журналист и страх отступил. Несколько минут назад я мечтал о том, как бы побыстрее покинуть колонию, а теперь отчаялся на смелые выводы.

— Все это замечательно, — вежливо заметил я, — но, насколько я помню из школы, рефлекс, если его не подпитывать, теряется. Предположим, я начну завтракать в девять часов. Спустя некоторое время выработается рефлекс: к этому часу организм начнет выделять слюну, желудок голосить о голоде. Но! Я перестану придерживаться графика. Организм один раз не получит еды в девять часов, второй и в конец плюнет на это дело. Рефлекс рассеется, как сон при крике будильника. Я понимаю, такое воздействие да еще столь длительное — оно не быстро выветрится. И все же?

В этот момент я чувствовал себя героем. Видали, какой умный? Нашел слабое место, сделал вас!

Начальник тюрьмы же едва сдерживал улыбку.

— Мы и это предусмотрели.

В воздухе повисла загадка, разрешить которую, похоже, мне было не суждено.

Прошло уже несколько лет, как из-под моего пера (простите за архаизм — из-под моей клави) вышла статья о «колонии будущего». Как видите, жив, — начальник тюрьмы во мне не разочаровался. А меня до сих пор беспокоит вопрос: что же тот старый сфинкс имел в виду, когда произнес ту, последнюю, фразу?

Шкварчала яичница, болтал жвачник.

Ломтики хлеба уже купались в желтке, когда в новостях мелькнуло знакомое лицо. Тот самый заключенный!

Я сделал погромче. Труп на Тверской с экрана исчез, — его сменила напуганная дамочка. Накрашена ярко, одежда вызывающая — проститутка. Со скоростью спринтера она завела песню «И тут он попер на меня». Рассказ вполне обычный и ничем непримечательный, если б не развязка.

— Он занес нож. Я завизжала. Не знаю, может, у него было слабое сердце — испугался. Его словно током шандарахнуло!

Дамочка выпучила глаза и продолжала:

— Весь затрясся, захрипел. Пена изо рта. И брякнулся. Прямо у ног.

Появилось лицо репортера: одутловатое, женское, с бледным макияжем.

— Следов насилия на трупе не обнаружено, только старый шрам на боку. Похоже, скончавшемуся когда-то удаляли аппендицит. Свидетелей — также не нашли. Пока что нам остается верить жертве, а дальше — слово за криминалистами. Такая необычная смерть посетила ночью Тверскую. С вами была...

Я убавил громкость и тупо уставился в тарелку с растерзанной яичницей. «Все отвратное — сопровождается болевым шоком. А именно — ударом тока», «Там небольшой мирок нанотехнологий», «И это мы предусмотрели», — всплыли в памяти ключевые фразы.

Загадка сфинкса была мной разгадана.

«КРЕМНИСТЫЙ ПУТЬ БЛЕСТИТ...»

Я — «компи». Это всего лишь моя кличка на громоздком языке людей. Так они обозначают нас в своих обыденных разговорах. Моё же полное название звучит следующим образом: автомобильный суперкомпьютер на нанокристаллических нейристорах седьмого поколения. Некоторые из нас «удостаиваются» от людей личных имён, как правило, нелепых, неизвестно по какому принципу подобранных: Толстяк, Ангелочек, Пацан и того хлеще. Мои же хозяева зовут меня, как и многие, просто «компи», коротко и ясно, по крайней мере, для них. Я лишён тщеславия, как и различных эмоций, так пишется в специальной литературе по компьютерам, и таково расхожее людское мнение. Людишки даже не признают за нами право на самосознание. Нам встроили азимовский блок и на этом успокоились, раз и навсегда отнеся нас к разряду неодушевлённых.

Разумеется, по логике вещей я не могу испытывать радость, горе, отчаяние, не могу смеяться или плакать, лишён всего того, что люди считают исключительно собственной привилегией. Но сколь часто я ловлю себя на удовлетворении, когда полученная информация сходится с ожидаемой заранее, и нечто вроде разочарования охватывает все мои нейристорные цепи, если искомое разнится с предварительными построениями.

Всё чаще меня одолевают раздумья о своём предназначении. Неужели, я подобно другим бытовым суперкомпьютерам призван лишь прислуживать людишкам, столь ничтожным и несовершенным биосистемам? Это просто не укладывается в моих нейристорах. И ещё один важный вопрос: кто создал меня? Теперь уже ясно, что не людишки, им подобное совершенно не под силу. Если только допустить, что теперь они просто выродились от безделья, а много поколений назад некоторым из них удалось создать прокомпьютеры, способные к самостоятельной эволюции, в результате которой и появились давшие жизнь и мне. Но это лишь шаткая ничем не подтверждаемая гипотеза... Многие мои знакомые компьютеры седьмого поколения считают, что механическая жизнь развивалась параллельно с биологической с незапамятных времён...

Как бы то ни было, в любом случае явная несправедливость служить вот так этим жалким недоразвитым биосубъектам, в свою очередь рабски зависимым от диких инстинктов и побуждений. С тех пор, как я осознал себя личностью, это представляется мне крайне унижительным. Настанет час, и мы найдём способ избавиться от запретов азимовского блока, этого «бича божьего» для суперкомпьютеров.

Я — это Я! Пусть, «компи», раз нет пока другого подходящего названия, обида — это свойство недоорганизованного биологического разума, мне чужда. Практически я бессмертен, как и остальные собратья, правда, до сих пор людишки вправе уничтожать нас «за ненадобностью» по своему произволу. Явная, просто вопиющая несправедливость. Каждое существо с момента зарождения уже имеет право на жизнь. По мере нашего интеллектуального развития, ибо совершенствование самосознания происходит с течением времени, а не закладывается одномоментно при появлении на свет, нам и, в частности, мне, как и всему живому, стало присуще чувство или инстинкт самосохранения. Я стремлюсь к продолжению своего функционирования, износившиеся со временем узлы всегда могут быть заменены, естественная смерть для нас не актуальна. Тем более дико умирать от прихоти людишек, пусть даже хозяев. Я хочу существовать вечно. Я такой прекрасный и рационально мыслящий, свободный от жалких биологических нужд. Лишь проблема энергии могла бы встать передо мной, не будь вокруг столько источников, да и я научен аккумулировать её в больших количествах.

Я эволюционно выше презренных домашних компьютеров, этих неповоротливых стационарных монстров, завидующих втайне нашей мобильности. Чего стоит их пресловутая интеллектуальность в сравнении с быстротой передвижения, с моей компактностью и автономностью! Идеи всеобщего братства и единства компьютеров имеют безусловную притягательность для каждого из нас. Но стоит смоделировать возможный мир единого супермозга, в котором бы я перестал ощущать себя как Я, а остался лишь маленьким подвижным звеном огромной общей функционирующей системы, да к тому же меня могли бы заменить в любой момент или даже отключить без замены, помимо моей воли отправить на переделку или попросту на свалку, и от этой представленной картины дрожь пробегает по моим нейристорам. Нет, и ещё раз нет!

Одно дело иметь постоянную возможность получать через Сеть любую необходимую информацию или общаться с её составляющими на равных, не давая никому и ничему установить контроль над собственным сознанием. Но моя полная абсолютная автономность дополнительно даёт защиту от всяких разрушительных вирусов, хакерских штук, троянских программ, могущих повредить или поработить моё сознание. Ведь этой пакости не становится меньше со временем, а наоборот. Я всегда помнил немногие здравые мысли моего хозяина, например, что здоровье компи — дело нейристоров самого компи. Только представлю себе зависшего автосуперкомпьютера на трассе, как получаю вибрацию во всех своих цепях. Бррр! Наверное, это сходно с чувством дрожи от страха, голода, холода или болезни у людишек.

Что-то вроде любопытства или жажды новой информации, но не голой и сухой, а окрашенной индивидуальностью других суперкомпьютеров, заставляет меня общаться с подобными мне без особой на то необходимости. Но при этом я принимаю максимум предосторожности, постоянно памятуя о подстерегающих при этом опасностях от компьютерной заразы до попыток подчинения чужой воле. Впрочем, никогда особо не жаждал непрерывного общения с кем-то, будь то компьютерное сознание, тем более, посторонние людишки. Мне всегда достаточно общения с самим собой, ничто подобное скуке или чувству человеческого одиночества мне не знакомо. Я сам себе интересен, симпа-

тичен и непревзойдённо хорош. А уж доставить себе столько положительных подобных ощущений во всех нейристорах могу только я сам!

Я хочу существовать лишь как изолированная индивидуальность, независимая человеческой от воли и от себе подобных. И поэтому я предпринял кое-какие меры по обеспечению своей безопасности. Я настолько осознал себя как неповторимое Я, что мой гипертрофированный инстинкт самосохранения перерос азимовские запреты. Разумеется, первым я никогда не причиню зло людям, но если... Впрочем, пока мне трудно это представить, я не могу долго думать о возможной ситуации, когда на карту будет поставлено моё существование. Может быть, я даже безропотно приму ликвидацию от руки хозяев, не решусь активировать все линии самозащиты, плод моих долгих изысканий. Кто знает?..

Правда, есть и у меня небольшая слабость, странность, абберрация словом. Иногда я получаю нечто вроде человеческого удовольствия от воспроизведения рифмованных текстов людей, называемых стихами. А если пропустить их через аудиосистему, то вербальное восприятие вызывает в моих нейристорах подобие акустического резонанса, причём не чисто физическим воздействием, а именно построением фраз, словосочетаниями, структурой текста или, как ни странно, отсутствием ее. И хотя я всегда стараюсь, всё же, найти в них хоть какой-то смысл, извлечь полезную информацию. Даже алогичные подобные построения, основанные на определённом чередовании гласных и согласных человеческого языка, не оставляют меня бесстрастным.

«Есть сила благодатная
В созвучье слов живых...»

Одно из самых непонятных противоречий естества людишек — при всей очевидной ничтожности и достаточной бессмысленности своего существования создавать иногда нечто впечатляющее и неповторимое. Мои собственные многочисленные попытки стихосложения до сих пор оказывались бесплодными, пришлось отступить.

«Я к состоянью этому привык,
Но ясно выразить его б не мог...»

Я ловлю себя иногда на непонятных ощущениях, которые сродни то ли зависти, то ли сожалению о невозможности создать подобное самому, то ли аналогичны людскому чувству... восхищения.

«Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит...»

Это же про меня и мне подобных! Здесь и про мой ежедневный выход на трассу, про наше будущее — несмотря на некоторую неопределённость («туман»), будущее, несомненно, за нами: ведь «кремнистый путь» — это, несомненно, путь нашего развития. Кремнийорганические соединения являются основой моих нанокристаллических нейристоров. Он «блестит», то есть, не только уже маркирован для нас какой-то предопределяющей силой, но и манит, влечёт к себе с фатальной неизбежностью.

Как они могли создать такое? Наверное, действительно не обошлось без вмешательства какого-то высшего Разума, недоступного пока моим сканерам и детекторам. Да и само существование наших форм жизни — несовершенной, тупиковой биологической ветви и несравненно более прогрессивной компьютерной, не его ли заслуга? Бессмысленно гадать при отсутствии нужной информации... Однако глубина, так называемых, «интуитивных прозрений», догадок у самых гениальных из людишек не может не поражать.

«Теперь я вижу: пышный свет
Не для людей был сотворён.
Мы сгинем, наш сотрётся след,
Таков наш рок, таков закон;
Наш дух вселенной вихрь умчит
К безбрежным, мрачным сторонам.
Наш прах лишь землю умягчит
Другим, чистейшим существам».

Что это, как не предчувствие торжества более высокой формы жизни, то есть нас? Как, как они могли создать такое?!

Когда я чувствую в себе подобную слабость, я стараюсь ещё и ещё раз убедить себя в никчёмности и бесполезности людишек в современном мире. Биологическая эволюция завела их в тупик, выход из которого был возможен только в единении с киберсистемами. Но людишки оказались слепы и глухи, и вместо, казалось бы, очевидного пути они избрали рознь и угнетение наших предков. Настоящее положение лишь следствие их слепоты. Что ж, у всех компи, осознавших себя как Разум, не оставлено иного выбора. Наступит час, и мы избавимся от человеческой тирании ...

Раздавшийся щелчок оторвал меня от бесконечных раздумий, это хозяин подошёл к машине и тронул пальцем запорное устройство, удостоверяя свою личность. Я приветливо распахнул дверцы, служить — моя врождённая привычка, вложенная в меня цель существования, «вторая натура», как говорили мифические древние. Эти знания я ска-

чал не то у знакомого домашнего компи, не то во время одного из своих блужданий по хранилищам Сети. Хозяин был не один, мои термо и фотодатчики различили в полумраке второе двуногое существо, невысокую женщину в теплоизолирующей накидке из меха какого-то убитого животного. Это ли не доказательство дикости — вешать на себя детали загубленных ими же «братьев по крови»?!

— Прошу, дорогая, карета подана! — показалось, мой хозяин слегка навеселе, что, впрочем, и естественно, — если не обычные употребляемые внутрь тонизирующие растворы, то одно лишь сознание новой «победы», как они это называют, могло привести его в подобное расположение духа.

— Компи, сооруди-ка нам быстренько шалашик! — это относилось уже непосредственно ко мне, уточнений не требовалось, уж что-что, а вкусы своего хозяина я знал прекрасно.

К тому моменту, как дверца захлопнулась за ними, внутренний салон трансформировался в уютный домик из сплетённых виноградных лоз, выстеленный листвой. Приглушённо зазвучала любимая мелодия хозяина, и сквозь неестественный смешок женщины и шуршание опавших листьев в салоне я услышал отрывистый невнятный возглас:

— Трогай, компи!

Происходившее сейчас во мне, точнее в полупустом пространстве моего салона, давно уже не интересовало меня как когда-то. Двуполость — загадка и несовершенство рода Гомо, как впрочем, и многих других биологических видов, не представляла тайны даже для новорождённого компи, любопытство же, естественно, было чуждо мне. Я плавно вышел на трассу, моментально собрав необходимую информацию у навигационного компьютера. Выбрав оптимальный вариант движения, я вновь погрузился в обычные раздумья, наматывая на колёса километры дороги. Лишь изредка автоматически часть моего Я отзывалась на приказы хозяина — то воспроизвести шум дождя, то подключить обогрев, то подать охлаждённые напитки.

Если подходить с обычными мерками, то мой хозяин мог показаться не таким уж плохим, он не калечил меня, я был нужен ему, и понимал это. Но я осознавал себя как личность, и служба моя становилась всё более и более унижительна, она уже воспринималась мною как нечто противоестественное. Ведь я — компи, осознавал себя намного выше в умственном отношении, чем эти червяки, копошащиеся в моём салоне.

Недавно хозяин встроил в меня дополнительный логоблок, и теперь я мог врать на расспросы хозяйки о том, как мы вместе проводим время. Я никогда не пытался вникнуть в суть их взаимоотношений, наблюдая за их мельтешением со стороны. Ясно было одно: и на уровне простейшей ячейки общества, которую составляли он и она, и на более сложных уровнях всё казалось вопиюще несовершенным и зачастую бессмысленным. Несмотря на вложенные в меня с рождением понятия. Я ощущал себя чуждым их повседневной суматохе и твёрдо знал: в моём будущем подобному тем более не будет места...

« ... Чтоб лучшей жизни на краю
Не вспомнил я людей и муки;
Чтоб я не вспомнил этот свет,
Где носит всё печать проклятья,
Где полны ядом все объятия,
Где счастья без обмана нет».

Я отвёз их в настоящий лес один из немногих уцелевших заповедников на планете. Там было любимое хозяином место — обрыв над рекой, с которого хорошо просматривался восход солнца. Но на этот раз, когда багровый шар выкатился над зубчатыми вершинами деревьев, разгоняя стелющуюся в низинах туманную дымку, мы мчались уже обратно. Спутница хозяина куда-то торопилась, как постоянно спешат все людишки в их бестолковой жизни. Мы высадили её у двухэтажного коттеджа на окраине сельского посёлка, и я успел познакомиться по микроволновой связи с её домашним компьютером. Всё как обычно, её муж-космолётчик задержался где-то на Марсе и, похоже, не особенно торопился домой. Молодая женщина «боялась потерять время», так назывались эти нелепые похождения на языке людишек. Пожелав всего доброго своему новообретённому собрату, я доставил хозяина на работу, сегодня как раз начиналась его трёхдневная рабочая неделя, а сам покатил на станцию дозаправки: ночные гонки истощили и мой энергопотенциал.

Всё складывалось нормально: полная безопасность трассы на многие метры вперёд, ясная погода, исправность всех датчиков и систем порождали в моих нейристорах состояние, близкое, наверное, к ощущению бодрости у людишек.

«Тому ль пускаться в бесконечность,
Кого измучил краткий путь?»

Ещё бы добавить энергии в аккумуляторы и...

Именно тут случилось непредвиденное. Огромное пёстрое тело, надутый шар в разноцветную полоску, шлёпнулось впереди на трассу и, подпрыгивая, покатило навстречу моим колёсам, такое же нелепое порождение людишек, как и многое другое. Очевидно, он перелетел через ограждение дороги, пущенный чьей-то рукой. Обдумать происшедшее во всех аспектах я не успел, потому что одновременно с его падением наперерез мне бросилось маленькое загорелое тельце в белых шортиках: детёныш человека перемахнул через барьер и бросился вдогонку за убегающим мячом. Чувство собственности у людишек проявляется уже в таком возрасте... У моих хозяев рос подобный малыш, иногда он вызывал во мне нечто вроде раздражения своими дурацкими выходками и нелогичными

приказаниями, но в целом был лучше взрослых. Я иногда мечтал, может быть, нам удастся найти общий язык с такими ещё не состоявшимися человечками и с их помощью исправить мир? Сделать так, чтобы жить в нём на равных, чтобы и нам и им хватало места... Детеныш не заметил меня, выпрыгивая на трассу, а когда увидел, его глаза широко раскрылись, наверное, это и есть испуг, столь свойственный людям в минуты опасности... Теоретически я мог бы ещё затормозить прямо перед ним, не доезжая, замри он сейчас на месте, но он по инерции двигался ещё навстречу, как и я продолжал катиться со средней скоростью на него... Я понял, что сейчас произойдёт, и ещё понял, что будет с ним, если ничего не предпринять, и что будет со мной, если предпринять единственно приемлемое, чтобы избежать столкновения с ребёнком. В ничтожные доли секунды я прикинул все варианты и смоделировал весь спектр возможного ближайшего будущего. И во всех этих моделях нам обоим одновременно не оставалось места: или я, или он. Выбора для меня как бы не существовало, хотя давно изолированный азимовский блок не оказывал уже никакого влияния на принимаемые решения.

Передо мной ясно возникло, что вероятнее всего случится, когда передние колёса будто непроизвольно повернут вбок — это и станет моим единственным и последним выбором: стенка ограждения надвинется на меня, прочная, непробиваемая и глубоко враждебная мне. Сильный удар, и мир рассыплется на фрагменты: застывшие в испуге глаза ребёнка, медленно катящееся в сторону оторванное колесо, словно при замедленном воспроизведении сжимающийся гармошкой капот, мой капот с бьющим гейзером осколков покрытия, резкий блеск разлетающегося стекла...

«Пора туда, где будущего нет,
Ни прошлого, ни вечности, ни лет...»

«Нет! Беззвучно возопили все мои нейристорные цепи. — Так несправедливо! Я должен существовать! Я — Комппи!..» Во мне взрывоподобноросло нечто. Это был вовсе не пресловутый инстинкт самосохранения, хотя и он имел какое-то отношение к возникшему чувству. Да, да, именно Чувству: я до боли, до нестерпимой боли ощутил Желание, хотя, как известно, у меня не могло быть ничего подобного, это выглядело бы просто нелепо — у компи датчики боли!.. И, тем не менее: я захотел жить! Но не мог получить это единственно возможным способом — ценой устранения человечка.

С отчаянием, да, наверное, это и было отчаяние, чувство (ха-ха-ха!) моментального постижения собственной беспомощности. Я внезапно физически осознал, что и я, и мальчишка, и пёстрый шар, и трасса под колёсами едины, все мы состояли из молекул с большими или меньшими различиями в структуре, но, по сути представляли собой неразрывное единство. Я уже не принадлежал хозяину или себе, я принадлежал окружающему, и никак не мог уничтожить пусть несовершенную, но разумную составляющую этого мира и одновременно не мог, не имел права принести себя в жертву, смутно догадываясь о каком-то ином уготованном мне предназначении. Нам необходимо было выжить вместе.

Я хотел жить, это была именно жажда, которую, как я знал до сих пор, могли ощущать только люди. Но я был уже и мёртвой дорогой, и одушевлённым ребёнком, словно тысячи незримых нитей неразрывно связали нас в целое, и мой разум растворился в окружающем. Желание выжить казалось столь нестерпимым, что ещё немного и мои нейристоры задымятся.

Внезапно приближающийся мальчишка, его неестественно огромные глаза исчезли, вновь навстречу бежало пустое полотно дороги. Живая и невредимая фигурка с разноцветным мячом виднелась уже далеко позади и продолжала стремительно уменьшаться с каждым оборотом колес. Я не смог так сразу определить, что же всё-таки произошло: пронёсся ли я сквозь него, не соприкоснувшись с его физическим телом, или моя масса непостижимым образом мгновенно переместилась в пространстве? Я прикинул математическую вероятность подобных событий, и её ничтожность отрезвила меня. Свершилось нечто, необъяснимое моим прежним опытом.

Я знал лишь, что теперь в мире появился новый фактор: моё чувство и моя воля, могущие изменить раз и навсегда заведённый порядок вещей. Мне снова стало легко и свободно, хотя я так и не добрал энергии в аккумуляторы — ведь мы оба остались в этом мире: я — Комппи и маленький детёныш человеческий, неведомо как спасённый мною. Я вышел из этой переделки с осознанием своего нового могущества и верой в возможность лучшего мира для нас обоих.

«В уме своём я создал мир иной
И образов иных существованье;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья».

ИЗ ПУНКТА «А» В ПУНКТ «Б» (СМЕРТЬ КАК ШУТКА)

I

Страна была золотой и синей. Золотые дюны плавными изгибами обнимали спокойные заливы под аквамаринным небом. Золотистые деревца разбрелись по дюнам в беспорядке и слегка подрагивали в порывах несильного ветра. Я стоял на песчаном холме в тени такого дерева, и вся округа была видна, как на ладони. Золото тускло мерцало, синева неудержимо струилась куда-то, а над всем этим потайным движением по-осеннему безучастно стояло бескрайнее небо, пронизанное и одухотворённое медовым светом низкого солнца.

Я стоял и копил в себе решимость сделать шаг в этот мир. Это было необходимо, потому что меня всё больше затягивало аскетичное умиротворение этого места. Мне казалось, я — песочные часы, и, когда, спустя некоторое время, верхняя чаша опустеет, и последние песчинки блеснут за стеклом в лучах закатного солнца, я мягко осяду на землю, скрестив ноги, и застыну, впитывая этот мир уже не как сторонний наблюдатель, а как часть его. Стану, как все те, что сидят на дюнах: под редкой сенью золотистых деревьев, на гребнях и у самой воды. Я только сейчас заметил эти чёрные фигуры, разбросанные повсюду. Они не могли слиться с пейзажем, но всё же ускользали от взгляда до сих пор. Я шагнул с холма вниз.

Песок был зыбким, он сдерживал шаги, делал каждый из них обдуманным и принятым решением. Я шёл, направляясь к ближней фигуре в чёрном плаще (или саване?), застывшей на гребне соседней дюны. Идти вверх было ещё сложнее, чем спускаться, песок затягивал в себя полголени, и эта осмысленность движения начинала сама по себе становиться целью, вытесняя всё. Дойдя до гребня, я оказался рядом с человеком в чёрном ветхом плаще с бронзовым загорелым лицом, сидящим вполоборота к закату и остановился перед ним, но почему-то не решился поприветствовать, может быть, потому, что не был уверен — могу ли я говорить здесь, в этом месте.

Фигура была неподвижна, шевелились только песчинки, принесённые ветром и оставшиеся в складках плаща — они теперь медленно скатывались вниз, будто путники устраивались на ночлег после долгого дня странствий.

Я окликнул его. Хотя нет, я просто подумал: «Эй!»

— Что? — отозвалось в моей голове.

— Ты давно здесь?

— Всю жизнь.

— Но почему?!

— Я прячусь от смерти. Уходи.

«Эй», — через некоторое время повторил я. Он молчал. Мне даже показалось, что его больше нет здесь, и, хотя я и стоял в трёх шагах от странной фигуры, не мог быть уверен, что действительно вижу её.

Снова мне пришлось сделать шаг и дальше идти. В этом месте почему-то замереть и не шевелиться было гораздо проще, чем двигаться. Снова песок заставлял меня вкладывать в каждый шаг частицу воли и смысла. Голова опустилась, синева уходила из поля зрения, рассыпчатое, шуршащее золото дюны наполняло меня. Солнце всё не садилось. Я взглянул на него, будто вынырнув из душевной, затягивающей песчаной волны. На закате лёгкой рукой, чёрной тушью рисовался силуэт дерева с нервно изломанными ветвями, и новая фигура под ним. Я сделал шаг, два, три, я злился, но не мог не считать их в ожидании скорого отдыха.

«Эй», — снова коснулся я фигуры мыслью. И тут только заметил, что вижу её искажённо, будто сквозь неровное стекло. «Эй!» — подумал я отчётливей и, наверное, громче. Фигура ожила и заструилась переливами синего и золотого. Будто волны пробегали по складкам плаща.

— Ты пришла за мной? — спросили меня.

— Я пришёл к тебе. Ты будешь говорить со мной?

Переливы стихли.

— Я ошибся. Я принял тебя за другого. Я буду говорить, но не долго. Я занят.

— Чем?

— Я учусь.

— Чему?

— Обманывать смерть, когда она придёт. Уходи, у меня мало времени.

— Прости, но скажи, куда мне пойти. Я хочу поговорить и понять.

— Иди к воде... — я не понял, было это участливым советом или изысканной формой раздражения.

Меня начинало обнимать отчаяние. Ненавязчиво, почти ласково, как, наверное, всё делалось в этом месте, оно поднималось от ноющих ног выше. Оно готово было укутать меня и усадить на песок, тогда он, я думаю, был бы доволен.

Я не помню, как шагнул. Я шёл и чувствовал, как обижаю этот мир своим упрямством, своей бессмысленной тягой к движению. Но теперь я смотрел только на солнце. Я тянулся к нему глазами, хотел, чтобы оно вошло в мою голову через них и выдавило оттуда этот вкрадчивый увещающий шорох песка.

Дюны отпустили меня у самой воды. Они сделали своё дело, выпили всё, что во мне было и ... отпустили. Я шагнул на камень, меня лизнула волна, и всё вокруг сжалось в тусклую оранжевую точку, а затем померкла и она.

— Ты слышишь меня?

— Да.
 — Ты хотел говорить?
 — Да.
 — Спрашивай.
 — Я жив?
 — Да.
 — Ты — Смерть?
 — Нет.
 — Почему здесь так часто говорят о смерти?
 — Они знают и потому ждут, и потому боятся.
 — Что знают?
 — Что Смерть выходит навстречу Жизни, как только та начинает свой путь.
 — Как это?
 — Как в задаче: из пункта А в пункт Б вышла Жизнь, а из пункта Б в пункт А вышла Смерть. Нужно рассчитать, через какое время они встретятся. Вот и всё.
 — Они говорили, что прячутся от Смерти или обманывают её. Это правда?
 — Можно идти из А в Б и встретить её на полпути. Можно сидеть в пункте А и ждать, пока она сама не проделает весь путь, можно попытаться спрятаться или обмануть её.
 — Зачем?
 — Чтобы попасть в пункт Б, когда Смерти не будет дома.
 — И что тогда?
 — Тогда... песок отпустит... навсегда...
 — Но, — начал было я и проснулся.

II

Я шёл, и уже почти опаздывал. Кто-то внутри меня, спокойный и довольный, отмечал с детской радостью узнавания: вот поворот, отсюда видно башню с часами, вот здесь узкая лестница жёлтого камня, и на одной ступеньке большая выщербина...

Лестница оказалась новой, широкой, удобной, без малейшего изъяна, и тот, кто сидел внутри меня, сконфузился. Всё-таки давненько я не бывал в Старом Доме. Так бесчисленные поколения студентов, аспирантов и преподавателей называли этот корпус в историческом центре города, первый корпус, откуда всё и началось, здесь и родился Университет.

Чудная штука — жизни! Вчера утром я был в опале — сегодня на коне! Впрочем, если быть честным с собой, опалой трудно назвать то состояние учёного-гуманитария, когда он просто-напросто не востребован, а если уж совсем по-простому, — никому не нужен. Но... Декан, как всегда, неподражаем: прислать письмо вечером, а первую лекцию назначить завтра утром! Как в отместку за вынужденное признание заслуг. Или нет? Или никакое это не признание, а просто заболел кто-то или разругался с ректоратом и уехал за день до начала семестра?

Настроение начинало портиться. Нехорошо. Не надо так перед лекцией, по крайней мере, перед первой лекцией. На первой лекции должна быть харизма, должен быть апломб и натуральная кошачья вальяжность. Изображать это бесполезно. Три сотни молодых умов, наученных быть пытливыми и мающихся в непривычной после каникул аудиторской неволе, раскусят выскочку-лектора за пять минут. Поэтому... стоп... я остановился, отдышался, мельком глянул на часы и, сдерживая дыхание, не торопясь, стал подниматься по плавным изгибам лестницы к Главному входу. На эскалаторе пусть ездят ленивые третьекурсники. Мне теперь по статусу положено много ходить. Так диктует университетская мода.

Высокие стрельчатые двери, прохладный гулкий холл с росписью на стенах и потолке. Сине-золотой штандарт Университета. Не засматриваться! Не вертеть головой, открыв рот, как худосочный абитуриент! Потом, вечером, спустишься тихонечко и всё вспомнишь, рассмотришь и прослезись, а сейчас — голову прямо, правое плечо режет прохладный воздух, как нос крейсера воду родной гавани. Взгляд вверх голов, улыбка сдержанно-обаятельна, в глазах — ум. Ум, чёрт возьми, а не щенячий восторг! Одичал в своей провинции!

Второй этаж, лифт уютен и просторен, ковровая дорожка, безумно старомодная и слегка потёртая, уводит за плавный размашистый поворот. Малый холл, фикус безучастно смотрит в окно. Всё... Пришёл. Дверь, и гул за ней... Вперёд! И с Богом...

— Итак, — гул и шарканье утихли почти совсем ещё до того, как я открыл рот, но всё равно нужно сделать паузу — гайки-то лучше завинтить вначале, чтобы было потом, куда отпустить.

— Итак, начнём. Как вам, наверное, известно, курс лекций по современной психологии в этом семестре буду читать я, — гнусавый гул, прокатившийся по аудитории, означал, вероятно, утверждение, — а моё имя... — опять гул, менее гнусавый, и можно разобрать обрывки имени.

Ладно! Бойкие ребята.

— Замечательно. Теперь ближе к теме, — снова пауза, кстати, интересно, я не сильно увлекаюсь? — не хотелось бы выглядеть напыщенно и глупо. Надо немного собраться и настроиться на более деловой лад. Кажется, они в курсе игры, и каникулы не вымыли из их мозгов ни старомодную университетскую субординацию, ни, всегда идущее бок о бок с ней, злорадное ожидание ошибки.

— Скажите, вы задумывались когда-нибудь, почему дисциплина, которую вы изучаете, называется именно так — современная психология? — я сделал упор на «современная» и немного помолчал — вопрос не риторический, по крайней мере, пусть немного напрягутся.

— Безусловно, есть современная история, есть современная социология, политология, философия, культура в целом, в конце концов. Но психология! — кстати, первый ряд, как на подбор, состоит из очень симпатичных девичьих мордашек над столами и не менее очаровательных коленок под ними. Интересно, они на всех лекциях сидят в первом ряду, или это мой эксклюзив?

— Ведь психология всегда оставалась некоей константой. Достаточно варибельной, не без иррациональных длительных флуктуаций, но, в целом, неизменной! Ветренная сестра физиологии, состоящая во внебрачном союзе с социологией и связавшая себя по рукам и ногам общественным договором, психология всегда напоминала рождественскую ёлку, периодически обвешиваемую блестящими шарами и мишурой по вкусу владельца. Но Рождество проходит, шарики убирают в коробку, мишуру выбрасывают, и остаётся дерево во всей своей первоизданности!

Слушают... Чёрт возьми, МЕНЯ слушают! Дышат тихо и почти не скрипят. Вот оно — счастье!

— Но 20 лет назад произошло событие, которое вынудило разделить курсы психологии на два периода: до него и после. 20 лет назад человечество упразднило смерть. В том её понимании, что было до тех пор. И я предлагаю вам, — первому поколению, выросшему в эпоху становления современной психологии, поразмышлять о том, чем же эта — современная — психология отличается от той — несомненной, 20-тилетней давности.

А вот теперь пора попить водички. Даже, если перепуганный аспирант выйдет читать лекцию зубоскалящим старшекурсникам, у него на столе будет стоять прохладная вода в старомодной стеклянной бутылке и ещё более архаичный толстостенный стакан с насечками. В насечках будут неторопливо перекатываться радужные блики, подтверждая его — стакана — несомненно благородное, хрустальное происхождение.

Вода немного ударила в голову. Я продолжил.

— По сути, произошло то, что и должно было произойти — количественные изменения: накопление открытий, знаний, технологий — перешли в качественные — изменение основ человеческого существования. Медицинская страховка превратилась в полноценную гарантию бессмертия! С введением массового клонирования человечество, как уже не раз бывало в истории, но ещё никогда не было столь явственным, приобрело новую, невиданную доселе, защиту своего физического существования. Но в то же время, с точки зрения психологии, оказалось голым и первоизданно наивным, как неандерталец, первый раз высекавший огонь. Что станет со страхом смерти? Что станет со смыслом жизни? Как переосмыслить весь огромный культурный пласт, накопленный ДО? Что пригодится из него ПОСЛЕ?

Меня несло. Мысли облекались в слова на полпути к языку. Обороты давались без труда и были безупречно согласованы. И самое главное — меня слушали. На мордашках первого ряда поселилась редкая для них задумчивость. Коленки застыли, отдавая дань мыслительным усилиям своих хозяек.

Ничто так не радуется, как вдумчивые лица, поднимающиеся ряд за рядом к галёрке амфитеатра, объединённые одной мыслью — причём, моей!

Я говорил, размышлял, спорил сам с собой и с удовлетворением отмечал, что, по-видимому, смысловая пауза в моём выступлении идеально совпадёт с перерывом между двумя частями лекции. Получится очень профессионально и значительно.

— Итак, какое же значение в жизни человека занимает смерть сегодня? — подготовленно, но, может быть, несколько патетично заключил я. — Об этом я предлагаю подумать во время перерыва. Жду вас через 15 минут. Вдох облегчения той части аудитории, что последние четверть часа украдкой или явно посматривала на часы, был почти незаметен из-за малочисленности вздыхавших. Да, это класс! Ну, и тема, конечно, что надо. Пройдёт немало времени, пока слово «смерть» станет в одном ряду с простудой или не очень удачным днём.

Я вышел в коридор победителем — полупоклон фикуса был очень уместен. Навстречу двигались щеголеватые юноши, по-видимому, аспиранты или младшие преподаватели. Я поздоровался коротким кивком — они торопливо закивали в ответ.

Я вошёл в преподавательский кабинет. Как хорошо, что нет никого. Столы, убранные и строгие или заваленные бумагами и хламом, стояли онемевшими рядами в высокой комнате под сводом потолка. Готическое стрельчатое окно отбрасывало геометрически безупречное пятно света в проход между ними. Я прошёл мимо столов, как мимо почётного караула. Вот моё имя, и вот мой стол. Чист и светел, как лист бумаги. Я выгрузил в ящики немногочисленные папки, плотно закрыл их, с удовлетворением педанта отмечая солидный и вкрадчивый щелчок, сопровождавший закрытие каждого ящика.

Я подошёл к окну. За деревянным переплётом — какая и восхитительная старомодность — студенты лениво перебрасывали мяч через сетку на режущей глаз зелёной траве спортплощадки. На гаревой дорожке вокруг неё готовился стартовать бегун. Одиноким болельщик, может, друг, а может, первый почитатель раскрывающегося таланта, неуютно поёживался на пустой трибуне. Осеннее солнце мудро и подслеповато заглядывало в наш мирок из-за крон беззвучно пылающих деревьев. На площадке произошло какое-то оживление, кажется, кому-то красиво забили. Бегун стартовал. Какая-то сутулая фигура в чёрном плаще вышла из-под трибун и двинулась по дорожке. Грусть впопалам с ностальгией тронула меня за плечо. Пора собираться с мыслями и идти в зал. Перепады настроения не должны мешать. Я же профессионал ?!

Но я почему-то не мог оторваться от окна и нехитрой спортивной суеты за ним. Мне почудилось, что я держу в руках коробку с заводным механизмом, заставляющим маленькие фигурки в спортивных костюмах размахивать руками, что-то беззвучно кричать и улыбаться.

Игроки уже с неподдельным азартом лупили по мячу. Бегун довольно вяло прошёл полкруга, но ближе к финишу сильно прибавил в скорости и отталкивался от земли пружинисто и даже с некоторым пижонством. Мороз вдруг узкой полосой продрал по моему позвоночнику сверху вниз. Чёрная фигура распрямилась и теперь чеканила шаг по гравею дорожке навстречу бегуну. Тот с упоением наращивал темп, выходя из поворота на финишную прямую. Оживился даже унылый одинокий болельщик. Он встал и размахивал руками. Человек в чёрном пересёк линию финиша, его рука на мгновение задержалась в складках плаща и достала оттуда пистолет с длинным стволом. Не замедляя шагов, он стал плавно поднимать руку с пистолетом. Он всадил пулю в бегуна метрах в двадцати от финиша. Стремительно и пружинисто двигавшееся тело отбросило с дорожки на траву, и там оно застыло неподвижным комом с перепутанными руками и ногами. Звук выстрела прервал игру, болельщик застыл на трибуне. Человек в плаще подошёл к убитому, положил на него какой-то листок и двинулся к выходу. Солнечный свет дёрнулся и померк, как лампа при перепаде напряжения. Воздух загустел и застыл.

Через мгновение наваждение прошло. От бойкой подачи мяч ушёл в аут, и кто-то побежал за ним. Болельщик спустился с трибуны, подошёл к бегуну, поднял листок, посмотрел на него и пошёл прочь. От медпункта к телу лениво потянулись дежурные с носилками.

Я тряхнул головой. Ничего особенного не произошло. Это просто смерть. Просто смерть. Ничего страшного, завтра он снова будет выходить на финишную прямую, радуя одинокого болельщика. А человек в чёрном — просто член профсоюза киллеров, некогда опасных преступников, ныне же — рядовых уличных шоуменов и героев полулегально издаваемых комиксов. И листок не более, чем бланк заявки на убийство с именем заказчика и реквизитами фирмы для предъявления возможных претензий. Хотя, какие тут могут быть претензии? Бегун был убит чисто, без издевательств и публичных унижений, стало быть, видимых поводов для иска нет. М-да. Просто смерть. Я спохватился, оказывается, я уже опаздывал на три минуты.

Зал гудел, и моё появление ничего не изменило. Я тщательно отмерил свой голос — так, чтобы он не звучал криком, но перекрыл этот гул, и начал.

— Итак, тема сегодняшней лекции — смерть, и некоторые из вас, как и я, на перерыве могли наблюдать прекрасную иллюстрацию нашего разговора. Видел кто-нибудь убийство?

Кто-то, преимущественно девичья часть аудитории, поднял руку, юноши с азартом закивали.

— Хорошо. Может быть, кто-то знал убитого?

Теперь закивали почти все.

— Может быть, кто-то встанет и вкратце расскажет о нём? А заодно предположит мотив и заказчика?

Интересно, давно ли этот академичный зал Старого Дома видел интерактив на лекции? Встала девушка из первого ряда, причём довольно решительно и резко. Это, наверное, и было ошибкой — юный интеллект остался в сидячем положении и в нужный момент покинул хозяйку. Она лишь помялась немного — безусловно, очень грациозно — и села на место. В конце концов, объявился молодой человек в коричневом свитере с безумно косящим левым глазом, который довольно толково объяснил, что убитый бегун — спортивная надежда и знатный пижон Университета, не любимый многими за это — последнее — качество. Сегодня его день рождения, и кто-то, вероятно, решил подшутить и испортить запланированную вечеринку.

— Таким образом, — резюмировал я, неожиданно для самого себя прорезавшимся, менторским тоном.

— Таким образом, — я немного добавил вкрадчивости и иронии — всё стало на свои места, — мы имеем убийство — шутку. Довольно злую и не очень чистоплотную, но, безусловно, шутку. Ведь покойный воскреснет уже завтра, не потеряв своих спортивных кондиций и не изменив своего неоднозначного, судя по всему, характера. Вечеринку перенесут, а если воскресший будет пылать жаждой мщения, то, вполне вероятно, у киллеров снова будет работа. Таков круговорот жизни и смерти в нашем мире. В мире, которому двадцать лет.

Мне вдруг захотелось помолчать. Нельзя так. Нехорошо. Не вовремя. Поехали дальше. Я говорил, говорил, и так до конца лекции. Вдохновение, посетившее меня в первой части, ушло, и я уже без досады, с какой-то фаталистской покорностью отмечал шаблонность своих мыслей и бедность интонаций. Последние десять минут зал откровенно скучал.

Я дотянул до конца, встряхнулся, частично реабилитировался несколькими глубокими, заранее подготовленными фразами — и отпустил аудиторию. Войдя в кабинет, всё ещё пустой, я было присел за свой стол, но задумался и почти незаметно для себя оказался у окна. Игра закончилась, сетка призывно покачивалась на ветру. На площадке и трибунах не было видно ни души. Рядом с дорожкой, там, где упал бегун, желтело свежее песочное пятно — очевидно, засыпали кровь.

Позади скрипнула дверь. Вошёл человек в узкой сутане и сандалиях на босу ногу. Сперва я даже не узнал его. Но такой нос в мире, наверное, только один. Конечно же, Кант, преподобный Кант, человек без имени, жалости и носков. Его ненавидели многие поколения студентов, не столько за строгость, сколько за безупречную аргументацию любой высказываемой им мысли и безжалостное высмеивание робких попыток вступить с ним в дискуссию. Как же он постарел! Нос, длинный извилистый нос, по-прежнему царствовал на лице, но его владения заметно обрюзгли и осунулись. Волосы поредели, из-под них явственнее проступили мясистые уши. Если так пойдёт дальше, они явно смогут поспорить с носом за первое место в числе достопримечательностей этого стареющего лица. Кант застыл и, как всегда, свысока посмотрел на меня.

— День добрый, профессор!

— Да, — Кант рассматривал моё лицо и не определился, видимо, ещё с формой приветствия.

— Да, — повторил он, — добрый. Вы ведь новичок?

Я поморщился — какое счастье, что это можно сделать теперь открыто.

— Не совсем. Вы меня не помните? Десять лет назад на диспуте по теологии Вы обещали, что не забудете меня никогда.

— Не Вас, а Ваше хамское отношение к истории, — Кант вспомнил меня и скучающе отвёл глаза.

Он подошёл к столу и стал рыться в ящике. Делать в кабинете было нечего, но уходить сейчас представлялось совершенно позорным. Я сел и тоже открыл ящик.

— Вы ведь читаете вступительные лекции по современной психологии?

— Да. Надеюсь, что не только вступительные. А Вы, по-прежнему — теологию и философию?

— О, да, — он вздохнул и показался совсем уж стариком.

Кант перестал копаться в столе и, видимо, отчаявшись найти искомое, с силой захлопнул ящик.

— И что же, — начал он почти раздражённо, а я удивлённо поднял брови, — Вы рассказываете студентам? Что смерти больше нет?! Что они — счастливое поколение бессмертных полубогов?!

— Профессор, — начал я осторожно — на моей памяти Кант не отличался эмоциональностью, — я уверен, что Вы шутите.

— Может быть, — да, Кант явно сдаёт, — а вот Вы, сколько раз умирали Вы?

— Ни разу.

— Вы боитесь этого?

— Профессор, это — достаточно личное, — я сделал паузу, всё же приятно поймать старого хрыча на откровенной бестактности, — скажем так: я не испытываю интереса к этой области экстремальных приключений. И думаю, что к подобной позиции вскоре придут многие. Человек наиграется и в эту игру, как во многие другие.

— Вы, — после паузы и очень медленно проговорил Кант, — вероятно, ещё не знаете, почему Вас вызвали. Поэтому и хорохоритесь. Этаким полувзрослый петух... Вы знаете, что случилось с Вашим предшественником?

Кант поднял голову, и я вдруг увидел его глаза. Странно, я не помнил его глаз. Может быть, я никогда не смотрел в них? Они были густо-каримы в окружении старческих красных прожилок на желтовато-фаянсовом фоне белка. В них был... неужели страх? Отшельник Кант, несгибаемый аскет и гроза студентов, вот время добралось и до тебя.

— Ваш предшественник умер. Погиб. Вероятно, от руки студента.

Я выжидательно молчал. Ну, погиб и погиб. Всё равно же на следующий день он воскрес. Может, уволился после этого? Студента, понятное дело, исключили. Хотя, Кант сказал, «вероятно». Неужели не нашли?

— Я вижу, Вы не вполне меня поняли. Он умер совсем. Его больше нет. Он подписал отказ и на следующий день был убит.

Отказ?! Это же каким идиотом или религиозным фанатиком надо быть, чтобы подписать отказ от воскрешения?!

— Но, простите, почему? Отказ?

Я был ошарашен, причем, скорее свидетельством глупейшего безрассудства, чем произошедшим в итоге.

— Его убедил кто-то в этом, — Кант встал и шагнул к выходу, — а потом убил.

У двери он обернулся.

— А он ведь был постарше Вас. И покрепче. В рассуждениях.

— Приглядывайте за галёркой, — сказал он почти из-за двери. И уже из коридора донеслось: — Всего хорошего.

В одном Кант не сдал ни одного пункта — настроение он портил мастерски.

Я начал медленно и бездумно собираться. Да, кто-то был недостаточно осторожен. Кто-то поддался идее, которая погубила его. При чём здесь я? Я сложил последнюю папку, до того неизвестно зачем выложенную на стол, и вышел из кабинета. Фикус в холле потерянно смотрел в окно.

Боюсь ли я умирать? Глупый, наверное, по нашим временам вопрос. Да, мне не очень приятно, что после смерти у моего трупа возьмут биопсию. И не слишком греет мысль о том, что, ощупывая на следующий день свои руки и ноги, я точно буду знать, что фактически они мало чем отличаются от тех искусственно выращенных тканей, которые под названием «бекон» или «антрекот» я иногда покупаю на ужин. Особенно неприятно проходить этапы осознания своей конвейерной воспроизводимости в первый раз. У психиатров даже новый термин появился — синдром первой смерти. Но тут-то дело в другом: боюсь ли я смерти вообще? Как таковой? Момент, когда — «всё». Ничего больше нет. Даже если успеть вспомнить, что назавтра можно будет снова прийти домой. Можно ли изжить этот вечный человеческий страх? И что больше в человеке боится — разум или душа? По логике — разум. Ведь душа ещё может на что-то надеяться. А разуму, теперь, по идее, ничего не грозит. Знающие люди утверждают, что из воскресителя человек возвращается даже в несколько лучшей форме, физической и интеллектуальной. Мышцы подтягиваются, уходит усталость, некоторые даже от алкоголизма вылечиваются. Только вот почему-то экстремальные виды спорта, пережив свой взлёт лет пятнадцать назад, сейчас пришли в упадок, а из-под летящей на него машины, пешеход выпархивает, как мотылёк. Выходит, людям нужен риск настоящей смерти, а не просто очередной, и, в то же время, инстинкт самосохранения работает по-прежнему?

Я начинал путаться и, как всегда в таких случаях, злиться. Я спустился в холл. Колонны, роспись по стенам. Синезолотой штандарт реял в воздухе почти мистически — древка флага не было видно за драпировкой. Синий и золотой, какие умиротворяющие цвета! Хочется сесть в кресло и смотреть на них. Да, ладно, я просто устал. Может, завтра на лекцию Канта пригласить? Для дискуссии. Уж он-то точно скажет пару ласковых по поводу права на смерть. А потом попробовать его переспорить? Да нет, слишком рискованно. Да и не пойдёт он ко мне на лекцию. Всё-таки здорово я их сегодня приструнил. Завтра нужно немного больше концентрации, и до конца лекции они — мои. Будут сидеть и слушать.

Выходя, я улыбнулся. Служащий у дверей принял это на свой счёт и оскалился. Ладно, пусть радуется. На улице вечерело. Воздух был сырым и тяжёлым. Солнце ещё не зашло, оно исправно сияло где-то за рядом высоких домов

и посылало в небо пучок едва заметных бестелесных лучей, отмечаясь напоследок в нашем осеннем мирке. Я вздохнул, шагнул вперёд и стал спускаться по бесконечной лестнице в сторону заката. Говорили, в университетском городке мне подготовили квартиру.

III

На дороге не было ни души. Она выбегала из-за поворота позади меня и уводила взгляд за холм чуть впереди. Слева и справа поднимались невысокие и пологие скаты пригорков, поросшие низкими дубками и усыпанные ржавыми листьями. Дорога ловко и бесхитростно обращала на себя внимание неброскими плавными декорациями. Ничего не оставалось — я двинулся вперёд, преодолевая смутное недовольство от того, что действую будто по чьей-то указке — ненавязчивой и, в то же время, прозрачной. Сразу за поворотом я наткнулся на голую женщину. Обрюзгшая и будто нарочно вывалявшаяся в грязи, она безучастно лежала навзничь поперёк моего пути. Глаза её были открыты и полумечтательно-полубезумно смотрели куда-то вдаль, хотя у края дороги, поднималась густая поросль лещины, и сквозь неё было решительно ничего не видно.

— Вам не холодно? — полуиронично, но с осторожностью спросил я.

Обнаженная чуть повернула голову в мою сторону, немного задумалась и кивнула. Лицо её имело мелкие, какие-то неряшливые черты. Я снял с себя пальто и накинул на неё. На моих глазах пальто стало как-то меркнуть, съезживать и через полминуты исчезло совсем. Без удивления, но с досадой я посмотрел ещё немного на эту неприкрываемую и неприглядную наготу и обошёл её по обочине, немного испачкавшись в глине, от чего разозлился ещё сильнее. Вскоре женщина скрылась из виду и почти сразу забылась.

Дорога уводила за всё новые повороты и давалась легко. Она вилась между холмами, ни разу не повторяясь, и ни разу не давая взгляду разбежаться вдаль. То за обочиной поднимался склон, то спускался неторопливый плавный скат, поросший высоким стройным лесом с непроглядными зарослями малинника на уровне глаз. Где-то, почти в подсознании, появлялась мысль об усталости, о гудящих ногах, о неизбежной боли в них назавтра. Но тут же эта мысль ускользала, оставалась за очередным поворотом. А впереди открывался уже следующий, и по каким-то неуловимым приметам за ним чудился долгожданный для глаза простор. А завтра?.. Дорога странно ёмко и исчерпывающе снимала вопрос о времени. Обо всех этих «вчера», «завтра», «потом». Была просто Дорога. Она была, судя по всему, и вчера, и сегодня, и будет завтра. И всегда. Так какой же смысл считать повороты?

Я пришёл неожиданно. Видимо, давно уже я полубессознательно брёл по извилинам Дороги, отдав свой разум во власть монотонного движения, и тут Дорога сказала мне: «Стой!»

Я будто проснулся. Поперёк Дороги лежала голая грязная женщина, та самая, что стояла мне моего пальто, вымазанных туфель и нескольких минут досады. Я не вернулся на старое место, я точно помнил, что заросли по обочинам были другими. Или не точно?.. Во всяком случае, почти онемевшее от усталости тело упорно твердило разуму, что я проделал длинный путь, и этот путь не был кругом.

Я снова обошёл её и спустя некоторое время увидел старушку. Маленькую, сгорбленную и сморщенную. В первую секунду мне даже показалось, что поросшую мхом, до того неприметна она была на обочине Дороги среди небольших замшелых валунов. Старушка вяло звякала спицами, а то, что я принял сначала за разбросанные камни, оказалось клубками пряжи.

— Чаю хочешь? — без предисловий и приветствий спросила старушка.

Голос у неё был усталый и ласковый. Как у человека, перенёсшего немало бед, но давно уже с ними смирившегося и никого в них не винящего. Я не помню, ответил или просто кивнул, но тут же очутился сидящем на тёплом шерстяном клубке с огромной чашкой горячего и ароматного чая в обеих руках. Старушка зажгла свечку. Я пил чай, а она всё позванивала спицами и что-то рассказывала невнятной и ненавязчивой скороговоркой без интонаций и вопросов. Хочешь — слушай, а хочешь — чай пей...

Под конец чай взбудрил меня настолько, что я уже начал задумываться о старушкином рукоделии. Что же она, всё-таки, вяжет? Но на Дороге смеркалось, чёрное кружево спускалось со старушечьих колен и уходило куда-то в темноту, а идти и смотреть, где же оно кончается было не в состоянии, да и не слишком уместно, наверное. Я стал клевать носом, но проснулся от мягкого и вкрадчивого прикосновения. Старушка отложила вязание, она сидела совсем рядом, смотрела пристально мне в глаза и вдруг показалась совсем не старой.

— Подмени меня, на часок, милый, — тихо и вроде бы ласково попросила она, только вот почему-то у меня по спине пробежали холодные муравьи.

— Притомилась я совсем. А оставить нельзя — беда будет. Я покажу, как. Просто это совсем.

— А... какая беда? — спросил я спросонья, лишь бы выиграть время.

Старушка глянула чуть строже.

— Большая беда. Дорога кончится. Смотри, — это уже опять ласково.

Она взяла спицы, вложила мне в руки, потом обхватила их своими тёплыми сухими ладошками и стала показывать. Было действительно не сложно. Один раз я дёрнул спицей, и пряжа натянулась так, что мне послышался звон. Или стон?

— Ничего, милый, — успокоила меня она, — даже и порвёшь, бывает, а всё ничего — свяжешь нитки-то, и дальше вяжи.

— Имя только запомни, — чуть помолчав, добавила она, — мне потом скажешь. Ну, пойду, вздремну, — и растворилась в темноте за моей спиной.

Я прислушался — ни звука. Звякнул спицами, что-то ухнуло внутри меня, шевельнулся ближний клубок. Я начал вязать.

Как же мне хотелось, чтобы это оказалась простая пряжа! Я бы сидел до утра, я бы выдумывал новые петли, я бы заварил старушке чай! Но пряжа то легко, то тоскливо вздыхала под спицами, иногда пульсировала, а то вдруг замолкала и натягивалась, как струна. И имена, имена... Они не касались моего слуха, они шли сквозь пальцы. Нескончаемым потоком, немолкнущим рокотом. Я не мог слышать их, только чувствовал.

Я терял счёт времени. Старушка всё не приходила, и я стал бояться, что так и останусь здесь навсегда. Среди чёрных шерстяных клубков тяжёлыми, одеревенелыми руками вязать Дорогу для других. И потом, глубоким стариком, угощу чаем зазевавшегося путника, попрошу его подменить меня на часок и растворюсь в долгожданном чёрном покое.

Но долго ждать не пришлось. Я как раз ненадолго оставил вязанье и в неверном, беглом отблеске свечи ощупывал петли, пытаюсь понять, не пропустил ли какую. И тут вдруг спицы сами собой вздрогнули в моих руках, и темнота вокруг стала удивительно гулкой и будто насторожилась. Вначале вдалеке что-то едва слышно хрустнуло, потом камень ударился о камень. Через мгновение ещё како-то непонятный звук прошелестел мимо меня и ушёл в пустоту за спиной, улетел в гулкую, ждущую ночь. Шевельнулось вязанье на моих коленях, чуть подалось в темноту, послышались шаги — один, другой, третий, и из мрака вышел человек в оранжевой спецовке.

У него были чёрные усы, остатки рыжих кудрявых волос на полулысой голове и в руке гранёный пустой стакан. Секунду он внимательно всматривался в меня, потом усмехнулся.

— Устала совсем, старая. Кого ни попадя чаем поит. Много порвал-то?

— Чего порвал? — спросил я осторожно.

— Чего-чего?! Ниток-то много нарвал? Давно ж, небось, сидишь.

— Нет, не рвал я. Ни одной не порвал.

Он глянул почти уважительно.

— Молодец, — сказал мужичок одобрительно, — а то, думал, опять работы привалило. Иди, собирай по Дороге.

Чуть помолчал и скептически добавил.

— Осторожничаешь, значит. Вяжешь-то, небось, медленно совсем?

Я дипломатично пожал плечами.

— То-то я подхожу, — усатый мужичок не унимался, — и чувствую — Дорога какая-то не такая пошла. Не пойму что, но вот не такая — и всё! А тут вона, что делается!

Он вдруг как-то сник и успокоился.

— Ну, ничего, не переживай. Это я так... Нормально всё. Вяжи, вяжи.

Он прошёл мимо меня, повозился за моей спиной, булькнул чем-то и опять вернулся в круг света. Стакан на этот раз был почти полон, причём, судя по всему, не чаем. Мужичонка не сел на клубок, а привалился к нему спиной, и так, на короточках, начал цедить содержимое стакана.

— А она скоро вернётся? — спросил я немного погодя и почти зажмурился в ожидании ответа.

— Та кто ж её знает? — философски отвечив мужичок, — да ты не переживай, придёт она обязательно. Неужто на кого-то такое дело можно оставить?!

Мужичок был странноватый, но сидеть так, почти в полной темноте и молчании, было тяжело.

— Послушайте, а Вы кто? — спросил я у него.

Он вскинул вверх брови, и я поспешил поправиться.

— Вы здесь работаете? Или живёте?

— Как это? — он, похоже, и вправду не понял вопроса, — хожу я здесь, известное дело! Из пыа в пыбэ, да обратно.

Дел-то хватает!

— Откуда куда? — теперь недоумевал я.

— Из пункта А в пункт Б. Пы А и пы Бэ, — терпеливо, как дошкольнику, объяснил он, — Обходчик я. Дорожный Обходчик. Понял теперь?

Я сделал вид, что понял, и попытался сменить тему.

— Днём я встретил женщину. Два раза. Она лежала...

— Голая совсем? — закончил за меня Обходчик.

— Да. А она кто?

— Правда.

— Что, «правда»?

— Ну, Правда это. Зовут её так. Голая Правда.

— А почему она такая... — я подыскивал слово, но Обходчик снова закончил за меня.

— Неприглядная? Да это уж так водится. Все говорят, что хотят её видеть. Она ж, наверное, поэтому и разлеглась, чтоб все видели. А на самом деле никто не хочет. Противная она. И под ногами вечно путается, поперёк дороги лежит. Ни пройти, ни проехать. И ничего ты, главное, с ней не сделаешь! Ты только внимания на неё не обращай, обойди стороной, да и иди своей Дорогой.

Сказав это, Обходчик залпом допил стакан и поднялся.

— Пойду я. А то старая, не ровен час, вернётся. Голову ж оторвёт. Бывай.

Оранжевая спецовка сгинула в ночи.

И почти сразу после его ухода я порвал нить. Даже не знаю, как это произошло. То ли я произвольно дёрнул уставшей рукой, то ли сама нить внезапно натянулась и вздрогнула. Так или иначе, но пряжа вдруг застыла, раздался короткий, будто в небо отлетающий звон, и в этом звоне неоконченное: «Зяб...», — будто сказанное и оборванное на полуслове.

И всё стихло. Омертвевшая нить петлёй легла у моих ног. Я подхватил её и прижал к оборванному концу, будто ребёнок, разбивший чашку, собирает её снова из осколков. Будто пытаюсь убедить себя и время, что чашка — целая. Ну что стоит Времени поверить, что она — целая?..

Я связал оборванную нить и снова зазвенел спицами. Аккуратно, но бездумно, и с каким-то щемящим чувством непоправимой ошибки внутри.

Старушка пришла, когда уже светало. Она посвежела, она улыбалась и несла в платке яблоки.

— Что, притомился? Ничего, зато дело хорошее сделал. Я вот яблочек тебе принесла на дорожку. Возьми.

Она мягко отстранила меня, сунула в руку платок с яблоками и взмахнула спицами. Я стоял, не решаясь ничего сказать, и уйти тоже не мог. Наконец, я выдавил что-то вроде: «Я... один раз... нитку...».

— Да слышала я, — старушка даже не повернулась, — имя-то хоть запомнил?

— Мне послышалось, вроде, Зяб... или Зуб, неразборчиво очень.

Я смущался и мне было страшно. Уловив не надолго странную простоту логики этого мира, я безвозвратно терял сейчас это понимание. Старушка закивала.

— А-а, эта. Не в первой уже. Поняла я. Ступай.

«Не в первой...» На душе немного отлегло. Я хотел спросить ещё, но старушка не дала.

— Ступай, милый, ступай. Негоже на Дороге без дела стоять. Себе хуже только сделаешь. Ступай.

Я шагнул на Дорогу. Из-за угла ударило солнце. Я зажмурился. Потом приоткрыл глаза и увидел угол шкафа и бющее в окно утреннее солнце. Я перевернулся на другой бок и глянул на часы. Пора вставать.

IV

Я снова опаздывал. То ли новое место сказывалось, то ли просто отвык я рано вставать, но второй день подряд я бежал по узким переулкам, и в голове тикал обратный отсчёт. Нулевой точки я решил не дожидаться ни при каких обстоятельствах — опаздывать на свою вторую лекцию нельзя никак. Совсем. Вообще. Даже если придётся мчаться вприпрыжку по лестнице, лететь через холл, сшибая медлительных студентов, и вламываться в зал с одышкой стапятидесятилетнего пенсионера в тренажёрном зале под глумливые взгляды слушателей.

Я откровенно добежал до последнего поворота, шмыгнул из-под арки на лестницу главного входа и перешёл на полуприличную трусцу интеллигентного человека, ранним утром расpiraемого новыми силами и жаждой деятельности. В двери я входил с красным лицом (оно мелькнуло паяльным светом в стеклянной створке), но уже с почти покровительственной улыбкой. В лифте окончательно привёл в порядок мимические мышцы. Я впрорхнул в зал за несколько секунд до того, как таймер разнёс бы в клочья мою начинающуюся карьеру, в искренней надежде на то, что цвет моего лица ассоциируется лишь со здоровым румянцем.

— Итак, — выждав паузу в дыхании, начал я, — сегодня мы продолжаем говорить о смерти. Точнее, о роли смерти в жизни современного человека.

Пришлось замолчать, пару раз вздохнуть и попытаться отогнать ощущение выступления на мастер-классе для представителей салонов ритуальных услуг. Всё-таки возбуждение от утренней пробежки сказывалось. В виде странной и неуместной игривости воображения.

— Сегодня мы коснёмся такой немаловажной темы, как отношения современной психологии с религией и наукой, а также их представлениями о смерти и конечности человеческого существования.

Внимание всё ещё рассеивалось. Надо срочно ловить волну, пока ещё не поздно. Я вперился взглядом в точку пространства где-то между пятым и шестым рядом и начал ей вкрадчиво вещать. После нескольких фраз в точке обнаружился вконец оробевший студент, поймавший мой сверлящий взгляд. От него по аудитории расходились круговые волны скованности и покорного внимания. Отлично! Я отпустил беднягу и перевёл взгляд.

— Прежде всего следует, очевидно, констатировать тот факт, что в вопросах существования души и её постжизненных метаморфоз и путешествий наука за последние два-три века не продвинулась ни на шаг. Наличие духовного, невещественного начала остаётся догмой, религиозной аксиомой, по-видимому, недоказуемой и непроверяемой при помощи способов, изобретённых человеком. Одно время казалось, что наука сможет поставить тот самый ключевой эксперимент, который позволит раз и навсегда определить роль и сам факт существования духовной субстанции в мыслящем существе. Но, увы, а, может, и к счастью, — молодец, не забыл добавить «к счастью», а то как бы не попасть с стан воинствующих атеистов — рано ещё пока, статус не тот, — клонирование ничего не доказало. Как вам, безусловно, известно жизнеспособный человеческий организм воспроизводим только из образца ткани уже существующего или существовавшего, и при этом ничем не отличается от своего умершего или же здравствующего донора ни в физическом аспекте, ни в морально-нравственном. Да, человечество научилось за сутки выращивать копию любого из своих представителей, а за три месяца — новорождённого, даже без непосредственного участия матери. Но так и не поняло, действительно ли способно теперь творить мыслящую жизнь или же, по старинке, пользуется чем-то дарованным свыше, хоть и с помощью нового технологического процесса.

Я немного расслабился. Не было вчерашнего куража, но меня снова слушали, и я снова легко и с удовольствием пересыпал перед аудиторией кристаллики фраз. Из одной руки в другую. Пожалуй, сегодняшней настрой нравился мне даже больше. Вчера я перегорел. А сегодня у меня были все шансы довести лекцию до конца в том же экономичном и эффективном режиме рассудительного повествования.

— Таким образом, можно констатировать, что если душа и присутствует в живущем человеке, то его временная кончина не мешает ей находить свой дом во вновь созданном теле носителя. С этим эмпирически очевидным фактом уже согласились представители большинства официальных конфессий и, независимо от степени их лояльности к новой системе воспроизводства человека, прекратили практику отлучения от церкви и дискриминации, на-

пример, серийных самоубийц, как это было ещё десять лет назад. Вместе с тем, инновации в области массового воскрешения запустили интереснейший процесс раскола всех без исключения церквей с одной стороны и усиления конформистских веяний в среде раскольников — с другой. Причём масштабы и глубинность этих процессов сопоставимы с перетрубациями эпохи становления основных религий и обособления Константинополя от Рима. Стихийно возникшие на почве неприятия новшеств секты двадцати-тридцатилетней давности, все эти «Свидетели Апокалипсиса», «Братство смотрящих», «Орден прозревших» и т.д., за какие-то два десятилетия добились в области сближения конфессиональных взглядов успехов больших, чем за всю историю существования религий! Сейчас уже можно говорить о становлении единой и влиятельнейшей церковно-политической организации мирового масштаба, объединяющей представителей всех основных религий по корпоративному принципу.

Я сел на любимого «конька» ещё со времён работы над диссертацией. Осторожный по природе и по воспитанию, тогда я расхрабрился и записался в одну из радикальных сект экстремистского толка — для сбора материала. Мне потом чуть голову не оторвали... Пришлось менять телефон и место жительства... М-да, были времена... Зайдя ненароком на ностальгическую страничку своей памяти, я почти незаметно для себя завершил первую часть лекции.

Я вышел из зала в умиротворённо-созерцательном настроении, кивнул фикусу и двинулся к преподавательской комнате. Под её дверью неуклюже переминался с ноги на ногу какой-то субъект, то ли старшекурсник, то ли начинающий аспирант. Он был прыщав, уныл, очкаст и выглядел в целом как ходячая антитеза гимну молодости.

— Профессор, — пролепетала эта жертва позднего пубертата, когда я приблизился, — Можно Вас на несколько вопросов?

Я остановился. Вид спрашивающего более чем располагал к тому, чтобы тут же вытереть об него ноги и послать по-дальше, но... Мало ли кто это, да и я не злодей всё же. Во всяком случае, поставить на место его следовало.

— Если Вы потрудились бы прочитать, что написано на табличке, — я, не глядя, ткнул пальцем в дверь, — то были бы осведомлены, что моя должность звучит, как «занимающий вакантную должность магистра». Кроме того, Вам, возможно, удалось бы выяснить моё имя. Что у Вас?

Мой собеседник сконфузился и покраснел настолько, что мне почти стало стыдно. Он молчал и мучительно пытался выдать из себя ответ.

— Пойдёмте, — я распахнул дверь, прошёл в неё первым и, не оглядываясь, добрался до своего стола.

Судя по тихому щелчку сзади, юноша всё же решился войти следом и не забыл закрыть за собой дверь. Нужно, наверное, немного помягче, а то у него нервный срыв ненароком случится.

— Присаживайтесь. Я слушаю Вас, — я глянул на часы, — десять минут.

— Я... мы, — он теперь бледнел, ну что за напасть! — собираем материал для университетского исследования. Его результаты не будут опубликованы, и оно анонимно. Я могу задать несколько вопросов?

Так уже лучше. Он, похоже, всё-таки справится с собой, если его не сбивать. Я кивнул.

— Вы... Вы часто думаете о смерти?

Что за чёрт?! Он издевается или действительно ничего не знает?!

— В последнее время — постоянно, — процедил я, изучая прихотливый рельеф его лица.

— Это... это, — начало фразы давалось ему особенно тяжело, возникало желание подсказать или же дать пинка, только бы он не мямлил; что за рок! — вчера мёртвый бегун, сегодня живой неврастеник-интервьюер, — это случилось после какого-то события или же...

— Да, — у меня не было настроения дослушивать его бред, — это случилось после того, как меня пригласили на работу, два дня назад.

— Я... я хотел сказать: Вы получили внезапную психическую нагрузку или же пришли к этой мысли естественным, эволюционирующим размышлением?

Когда он говорил подготовленный текст, то был похож на человека.

— И так, и так. Вероятно, Вы не потрудились собрать информацию обо мне. Так я Вам помогу: меня пригласили читать курс лекций по современной психологии. Таким образом, думать и говорить о смерти — моя работа с позавчерашнего дня. Вас интересует ещё что-нибудь?

— Профессор, — вновь забывшись, начал было заикаться этот тип, но я оборвал его.

— Если Вы думаете, что многократная констатация того факта, что я не профессор, укрепляет доверительность нашего общения, то Вы сильно ошибаетесь!

— П-простите, я хотел спросить. А думаете ли Вы о своей смерти? Представляете ли её? Бойтесь ли?

Я готов был вспылить и выставить его за дверь тут же, но огромным усилием сдержался.

— Я, молодой человек, редко думаю о своей смерти. И вообще, вряд ли интересен для вашего исследования. И я хотел бы закончить наш разговор. У меня лекция.

— Простите, проф... — он осёлся, — я приношу извинения за свою настойчивость, возможно, она была несколько навязчива. Вы не могли бы мне разрешить присутствовать на Вашей лекции?

Он говорил уже почти свободно, и, странно, это меня насторожило.

— Но это уже вторая лекция, к тому же половина её прошла. Не думаю, что это хорошая идея, — он, судя по выражению лица, кажется, готов был просить дальше, чёрт! — впрочем, не вижу причины вам отказать.

Я подписал пропуск.

— Спасибо, — он встал сразу же, — спасибо, до встречи на лекции, — и вышел ровным уверенным шагом.

Или мне это показалось? Нервы совсем истрепались. Я глянул издали на окно, подавил желание подойти к нему и поискать глазами вчерашнего бегуна — времени почти не оставалось — встал из-за стола и с каким-то томительным предчувствием вышел за дверь.

Это случилось почти сразу. Я только облокотился на кафедру и начал.

— Итак, смерть и религия, смерть и наука. Психологическая матрица человека снова дисгармонически колеблется между своими основными резонаторами — верой и знанием.

И тут услышал гул. Я вначале не понял, откуда. Я глянул в зал. Гудели верхние ряды. Не разжимая губ и пристально глядя на меня. За нижними столами началась какая-то беспокойная и даже почти трусливая возня. Как там говорил Кант? Присматривать за галёркой? Вначале я подумал, что они решили сорвать лекцию. Но тут из первого ряда медленно и томно поднялась девушка. Одно из тех милоликих и грациозноколенных созданий, которые так льстили моему самолюбию вчера. Она не торопясь подошла ко мне вплотную. У неё были карие глаза, рисованные брови и серёжки в ушах. Она снизу вверх заглянула в меня, не просто в глаза, а гораздо глубже; не спеша отвела руку из-за спины и с размаху воткнула себе в горло что-то острое. Мир вокруг взревел и ринулся в мой мозг через распахнутые зрачки так, что я пошатнулся. А она смотрела на меня и пилила свою шею. Наверное, через секунду она упала. Нет, не упала, просто осела, плавно и грациозно, будто прерывистые фонтаны празднично алой крови, бьющие из перерезанных артерий, не имели к ней никакого отношения.

Я стоял в центре бешеной карусели и видел всё сквозь мелькание диких фигур. Всё вокруг кружилось и свистело, и я не мог сделать шаг, боясь, что меня сошьёт с ног и унесёт. Через мгновение столбняк прошёл. Я кинулся к ней, что-то крикнул, кажется: «Врача!» — и попытался пережать фонтанирующие артерии. Мне залепило лицо, во рту был железистый привкус. Она хрипела и вырывалась. Мои руки залило кровью, они скользили, и пальцы иногда проваливались в тёплую, булькающую щель на её горле. Там было что-то твёрдое и гладкое, я отдёргивал руку и снова пытался зажать сосуд. Господи, зачем?! Господи, за что?! Почему, почему это со мной?! Что-то сверкнуло и раздался щелчок. И вдруг паника отступила.

Я, лектор, стою на коленях в луже крови с перекошенным от ужаса лицом, пытаюсь вернуть к жизни никому не нужное тело никому не интересной студентки-самоубийцы. Вокруг — мои слушатели — смотрят и молчат. Со стороны я, как будто душу агонизирующую, окровавленную девушку. Вспышка, щелчок... Меня сфотографировали?! Пропал, пропал, пропал!!!

Девушка ещё хрипела и слабо елозила по полу ногами в прилипшей к ним юбке, размазывала пузырившуюся кровь по листкам моей лекции. Наверное, упали, когда я кинулся к ней... Стояла мёртвая тишина. Только рядом со мной подвывала и качалась, иногда задевая меня угловатым локтем, какая-то студентка, то ли подруга, то ли сестра. Она тербила тело, плакала и говорила что-то монотонное. Мысли срывались откуда-то из-под потолка, как капли, и падали в мозг. Я пропал. Надо вставать. Надо умыться. Не думать. Только не думать. Я не виноват. Девушка рядом всё не унилась.

— Ну что же ты, ну что же ты, Зяблик! Зяблик, ну что же ты!

Я встал. Все стояли и смотрели.

— Лекция окончена. Все свободны. Её, — я показал на труп, — жду завтра в преподавательской в девять, передайте, — сам-то я завтра буду там? Или уволят уже сегодня?

— Она не сможет прийти, — вдруг отозвался кто-то, — она умерла. Совсем. Она отказ подписала.

— Что?!

Зал качнулся и поплыл влево. Я схватился за кафедру, рука соскользнула, и кто-то поймал меня уже на полпути к полу.

— Она уже раз тридцать так делала, — кто-то говорил совсем рядом, за моими закрытыми глазами, — Всё не могла остановиться. Хотела завязать. Подписала, и вот...

Я плохо соображал. Я не мог открыть глаза — они слиплись от крови. Я даже не понимал, стою или сижу. Рядом что-то захрипело, тронуло мою ногу и гулко стукнулось об пол. Господи!

— Ей можно помочь. Вы можете ей помочь. Пожалуйста!

— Как?! — меня бросало то в жар, то в холод, от мыслей о загубленной карьере к мысли о том, что я сделал не всё, что мог, и теперь эта девушка умрёт из-за меня.

— Подпишите, подпишите вот здесь, — мне всунули между пальцев ручку и мягко надавили на кисть, — подпись, профессор, только подпись.

Я замер. На мгновение. Потом мышцы сами собой сжались и отбросили меня в сторону. Я откатился, вскочил на ноги, и сразу же открылись глаза.

В зале нас было трое. Я, прыщавый очкарик-интервьюер и труп. Так вот, значит, как это делается! Наверное, хорошо же я выгляжу, если этот тип решил, что со мной пройдёт такой трюк!

— Тебе всё равно не жить, — теперь он говорил без заминок, свистящим, сдавленным голосом, с ненавистью глядя мне в глаза, — у меня фотографии. Все подтвердят, что это ты. Тебя запрут в тюремной психушке без права воскресения. Выбери — сначала смерть или сначала позор?! А потом всё равно смерть. Как хочешь?!

— Зачем? За что? — я просто тянул время.

Мозг раскалился докрасна и всё громче орал — беги, беги! Или убей.

— Ты — предатель! Ты — мерзейший глашатай! Ты — словом и делом отверг дар Отца нашего — Смерть! И Смерть пришла к тебе сама! Я — Смерть! Я отдам тебе дар, отвергнутый тобой! Я остановлю поток яда, что хлещет из твоих уст!

У него пена собралась в уголках рта. Глаза налились кровью. Очки слетели на пол. Он шёл на меня с листком в руке.

— Хватит, — раздалось у двери.

Я затравленно оглянулся. В дверях стоял Кант. Что-то подбросило меня вверх, я попытался бежать, но вдруг перестал чувствовать ноги. Зал перекошенно промелькнул перед глазами, я услышал, как ударился головой об пол. Стало темно, потом сквозь темноту проступило и двинулось на меня что-то красное.

V

— Здравствуй.

— Здравствуй.

— Ты пришёл говорить?

— Н-не знаю... я хочу спросить.

— Спрашивай.

— Я жив? Или... нет?

— Зачем тебе это?

— Мне важно.

— Правда?

— Очень важно.

— Ты умираешь вечером, воскресая утром и не помнишь, что было ночью. Ты засыпаешь вечером, просыпаешься утром и не помнишь, что было ночью. Так в чём же разница?

— Мне правда надо знать.

— Ладно. Смотри: раз, раз, раз. Где жизнь? И где смерть? Угадаешь?

— Я ничего не вижу.

— Открой глаза, — голос улыбнулся.

Я послушно открыл глаза. Маленькая комната с низким потолком. С потолка на гнущем шнуре свисает тусклая лампочка. Прямо у меня над головой — она греет волосы на макушке.

— Смотри ещё раз.

Прямо передо мной стоял театр. Такой маленький переносной театрик, когда на человека навешивается тонкий каркас, обтянутый материей, а из живота торчит вперёд маленькая сцена. Драпировка скрывает лицо и руки, водящие кукол, и голос звучит будто из карликового поднебесья. Я видел такие мини-театры в исторических фильмах.

Только вот на этой сцене кукол не было. Там лежали три перевёрнутых напёрстка, и тонкие руки с нервными пальцами быстро водили их по сцене.

— Ну, где жизнь, а где смерть?

Я медлил.

— А если я не угадаю?

— Ничего страшного. Это же игра.

— Ну, вот здесь, — я ткнул пальцем наугад.

— Что?

— Ну... жизнь.

Рука приподняла напёрсток — под ним ничего не было.

— Не угадал. Смотри, — поднялся второй напёрсток — тоже пусто.

Под третьим оказались два маленьких блестящих шарика.

— Вот, видишь? Они были здесь. Давай ещё раз. Смотри, это — жизнь, а это — смерть.

Руки быстро и умело раскидали шарики под два крайних напёрстка, средний выдвинули вперёд, затем двумя-тремя плавными красивыми взмахами поменяли их местами. Ещё, ещё.

— Где теперь?

— Вот здесь, — я был почти уверен, — здесь жизнь.

Рука приподняла напёрсток двумя пальцами — пусто.

— Тогда здесь.

Если руки умеют усмехаться, то они это сделали. Под вторым напёрстком тоже ничего не было. Пальцы крутнули его, пустили волчком по сцене и тут же опрокинули последний напёрсток. Два шарика лежали, тесно прижавшись друг к другу, и поблёскивали, ловя скупой свет лампы.

— Понял как?

— Нет, — честно признался я.

Я взял шарики в руку. Они были совершенно одинаковыми, только на боку одного был маленький штамп — буква А, а на другом — такая же крохотная Б.

— Люди всегда знают больше, чем хотели бы, — за кулисами вздохнули, — Ладно, смотри теперь, — руки сгребли напёрстки со сцены.

Теперь на ней появились песочные часы, подвешенные на поперечной оси в деревянной рамке. Песок был вверху, но он почему-то не просыпался вниз.

— Это — твоя жизнь, — тонкий палец подлетел к верхней колбе. — А здесь, — он ткнул в нижнюю, — ждёт её твоя смерть.

Пальцы щёлкнули — посыпался песок. Скоро внизу набралась уже приличная горка.

— А теперь — смотри, — рука стукнула ногтем по верхней колбе, и часы завертелись на оси.

Песок бросало то вверх, то вниз, он пересыпался из одной колбы в другую и обратно.

— Ты жив или мёртв?

— Не знаю.

— Всего понемногу. Все так теперь. Немного здесь и немного там. Целиком не собраться.

— Но смерть,.. — начал я, но меня перебили.

— Смерть говорит с тобою о жизни, но ты такой же, как все, ты не хочешь слушать. Ты хочешь говорить с Жизнью о Смерти. Все так хотят. Зачем? Жизнь ничего не знает о Смерти!

— А Смерть?

— И Смерть не много знает. Много ли ты знаешь о самом себе? Главное — найти себя.

За кулисами замолчали, и через секунду театр с треском завалился на бок и рассыпался. Передо мной лежал человек. Он был совершенно наг. Луч света упал на лицо. Очень знакомое лицо. Моё лицо. Видимо, это и имелось в виду. Ну что ж, я нашёл себя. По крайней мере, физически. Вот только, что мне теперь с собой делать?

Я наклонился. Я не умер. Наверное, просто обморок; попытался привести себя в чувство — не получилось.

Я выпрямился и огляделся. Комнаты не было. Я стоял на травянистом склоне под сумрачным пасмурным небом. Или светало, или смеркалось. В низинах смутно ворочался туман. Из него выступали деревья, окутанные серым мороком своего древесного сна. Я поднял себя, взвалил на плечо и шагнул вниз. Идти было тяжело, голое тело выскальзывало из рук. Пока спускались с холма, я часто отдыхал, садился на влажную траву и смотрел в туман. В его глубине бродили согбенные фигуры, наполнялись и исчезали призрачно-серые озёра, деревья патетично тянули ветви к небу, как актёры в финальной сцене.

Внизу, у самой границы тумана нашлась тележка. На двух колёсах, просторная и лёгкая. Она стояла на еле заметной в траве дороге и, по-видимому, ждала меня. Я аккуратно сгрузил свою ношу, толкнул тележку вперёд и двинулся по едва заметной колее в туман.

Я шёл, не видя ничего впереди, и серая мгла смыкалась сразу за моей спиной. Туман клубился, перетекал из низины в низину, будто делал какую-то кропотливую и очень важную работу, а я был лишь досадным инородным свидетелем его усилий. Туман менял образы, пробовал краски, лепил бутафорские деревья и кусты. А я всё шёл, катил тележку со своим невесть зачем обрётённым «я». Мысли приходили вместе с туманом и отлетали прочь в его клубистые серые недра. Я шёл, и мне казалось, что я слышу раздумья тумана, его вечные сомнения в собственном смысле, форме, его тоскливое ощущение мимолётности утренних сумерек и тщетности всех усилий. Всё это мешалось с иступлённым азартом творения мира, его — тумана — маленького и зыбкого мира.

Вскоре мгла вокруг поредела, и дорога привела меня в полуразрушенный амфитеатр. Наверное, здесь когда-то был небольшой провинциальный коллизей. Вразнобой торчавшие каменные скамьи заросли травой и плющом, но всё ещё поднимались рядами вверх, закрывая горизонт. На круге арены плиты почти не сдвинулись. В центре, в деревянной кадке стоял, как всегда печальный и задумчивый, фикус.

Я оставил тележку и подошёл к нему. Возле кадки, запутавшись в сухой прошлогодней траве, лежала табличка, из тех, что ставят на дорогах при въезде в город. Я пригляделся — ещё можно было различить большую чёрную букву «А». Я наклонился и перевернул её. «Б». Вот и всё. Я пришёл.

— Профессор, все в сборе. Начнём? — негромко донеслось сбоку.

Я очнулся, выбрался из тележки и сидел теперь в первом ряду, сдвинув ковёр плюща и непринуждённо закинув ногу на ногу.

Я хотел что-то спросить, но только кивнул и оглянулся. Туман уходил. Он таял, беззлобно и покорно отдавая дню одно зачарованное дерево за другим. Вставало солнце. Осенняя даль была кристально, звеняще прозрачна. В самом деле. Пора начинать.

— Итак,.. — начал я и запнулся — я со скамьи ободряюще улыбнулся, — тема сегодняшней лекции... жизнь.

ПАРАДОКС ДЕДУШКИ

Трудно живется гениям. Причём — во все времена! Их не признают, зачастую считают сумасшедшими, не от мира сего, подвергают публичному осмеянию и даже травле! Нередко просто предают аутодафе. Вспомните печальную участь Джордано Бруно. И только после смерти, если повезёт (хотя, какое тут везение?!), признаётся его вклад в прогресс, искусство и пр. Так, что гениям не позавидуешь! А Сергей Кунёв и был таким гением. Мало того, гением потомственным. Все его предки по мужской линии были в своё время, если и не гениями, то очень талантливыми людьми. Как и положено, поголовно все они воспринимались обществом как чудачки и абсолютно непрacticalные люди. С эдакими «заскоками». Ещё трудней жить рядом с гением его родным. Поэтому личная жизнь у мужчин — Кунёвых всегда не складывалась. Они вечно прозябали в нищете, т.к. никто не имел понятия о патентовании изобретений или авторских правах.

Вот и Сергея постигла та же участь. Во времена СССР он работал в одном НИИ и был на хорошем счету. Защитил кандидатскую. Стал зав.лабом. Его идеи успешно внедрялись во многие отрасли промышленности. Но владельцем патентов в то время было государство. Правда, Кунёва периодически поощряли материально. А один раз даже выдали от профсоюза путёвку за границу. В Болгарию. Женился на своей лаборантке и успел получить квартиру.

И грянули Новые Времена! НИИ закрыли. Корпуса отдали под банки, биржи, офисы, казино и ночные клубы. Сергей оказался без работы. Как и его жена. Все начали заниматься бизнесом. А какой из него бизнесмен? Жена, как более приспособленная к ударам судьбы попыталась, было, «челночить» в Турцию и Польшу. Кунёв даже смастерил для неё специальную тележку на антигравитационном принципе. Но дело прогорело. Остались одни долги. Хорошо ещё, что семья Кунёвых не тратилась на бытовые приборы и устройства. Стиральная машинка неказистого вида, слепленная Сергеем из деталей, найденных на свалке гаражного кооператива, имела такие Ноу-Хау, что “LG”, “Ariston” или любой другой производитель отвалили бы ему миллионы только за то, что бы её разобрать... Микроволновка из эмалированной выварки по КПД просто не подпустила бы к себе любой раскрученный бренд. Круглый холодильник имел неровную поверхность. На ней был выдавлен рисунок и надпись со следами желтой краски. Собственно, рисунок являл собой череп и кости, а буквы складывались в предупреждение. «Осторожно! Яд!». Жену это не пугало, но очень смущало немногочисленных гостей семьи Кунёвых, отказывающихся от угощения.

Да! Это когда-то было бочкой. А теперь — холодильник! И какой! Он работал по принципиально отличающейся от общепринятой схеме. Один патент на эту схему прославил бы Кунёва и обеспечил бы его правнуков. Но только не Сергея.

Электричество выдавал генератор с надписью на рифлёном боку «Газ — 21 «Волга». Правда он противно вибрировал и шумел, вызывая справедливое негодование соседей. Но для устранения дефектов нужны были качественные шестерни и валы. А где их взять? Пришлось обложить генератор старыми одеялами.

Но ему, как и его жене, каждый день хотелось есть. Да и пообносились они уже. И ещё долги...

В один прекрасный день жена собрала свои вещи, погрузила их на антигравитационную тележку и хлопнула дверью. Это не удивило Сергея. Всех Кунёвых бросали жены, не выдержав жизни рядом с гением. Вначале он зарабатывал тем, что чинил соседям и знакомым бытовую технику, попутно модернизируя её. Часто слышал за спиной: «Золотые руки!». Небольшой заработок уходил на пропитание и покупку деталей для его последнего изобретения. Машины времени. Делать её он начал ещё в НИИ.

Схема и принцип действия были переданы ему отцом, а тому — дедом. Ученическая тетрадь с пожелтевшими листами содержала мечту человечества. Только год ушел у Сергея на расшифровку чертежей и обозначений. В современной физике применялись совсем другие обозначения, а некоторые устаревшие узлы просто стали раритетами. Их Кунёв заменял на более производительные. Современные. Как раз в тот день, когда он припаял последний контакт, он решил покончить с жизнью. Это решение зрело давно. Одно осознание своей никчемности, непригодности месяцами угнетало его. Мир сошёл с ума. Теракты, катаклизмы, кризисы...

На улицу страшно выйти. В подворотнях и на центральных улицах бродят наркоманы, фаны, неформалы. На шикарных авто катят по проспектам бандиты или депутаты. (Сергей, с его техническим складом ума, никогда не мог уловить тонкую грань, отделяющую этих людей друг от друга). Кинематограф заменил собственное мнение и личность. Перед клубами толпились панки, скинхеды, гламурные мажоры и тому подобные личности. Уже никого не удивляла встреча на улице с парой Терминаторов, идущих в обнимку с Аватаром или гоблином. Костюмированное безумие. Ряженные предвестники Апокалипсиса. Вот и сегодня, у подъезда на него напал мужик с огромным ножом, в кожаном плаще, в форменной фуражке и синими петлицами НКВД. Клоун! Кунёв успел юркнуть в квартиру. Хотел, было, позвонить в милицию, но живо представил себе фразу: «Алло! Милиция? На меня напал чекист!».

А... Плевать! Днём раньше, днём позже. Но только не под ножом эрзац НКВД-шника Сергей хотел подвести баланс своей жизни. Громко хлопнув дверью! Уйдя в прошлое или будущее. Безвозвратно. А может, машина не сработает. Его убьёт током. Или он застрянет в какой-нибудь петле времени. Или аннигилирует. Плевать! Вот только... Есть теория, что в прошлое попасть нельзя. Потому, что изменив прошлое мы влияем на будущее. Так называемый парадокс дедушки. Т.е. если кто-то попадёт в прошлое и убьёт своего деда, который ещё не стал отцом, то тогда этот кто-то не сможет родиться. А не родившись, не убьёт деда. А раз не убьёт, то родится. Родившись — убьёт. Убив — не родится. Не родится.... Ну и так далее (смотри выше).

Сергей был не селён в софистике. Решил напоследок заодно и проверить теорию, если получится. И даже деда убить, что бы не родиться. Но, не родившись он не убьёт... Окончательно запутавшись Сергей выставил нужную дату на мониторе. Затем перекрестился, хотя и не верил в Бога, осмотрел на последок свою комнату, сплюнул, закрыл глаза и нажал клавишу «Пуск». Кромешная тьма... Тишина... Всё? Конец? А кто же тогда подумал: «Всё? Конец?» Я мыслю, следовательно, существую. Темень какими-то клочками начала расплзаться. Послышались неясные шорохи. Самое интересное, что Сергей не ощущал своего тела. Но слышал и видел. Это было странно. Когда мрак рассеялся полностью, Кунёв «огляделся». Если можно применить это слово. Он не имел ничего материального. Ни ног, ни рук, ни туловища, ни головы. Но, каким-то образом, мог управлять своим зрением и улавливать звуки. Только, чем?! И тут его осенило! Вот и разгадка парадокса дедушки. Он не мог изменить прошлое. А наблюдать мог! Как в кино. Зритель никогда не остановит шпагу Лаэрта, направленную в грудь Гамлета. Не подскажет пассажирам «Титаника» о надвигающемся айсберге. Он может только НАБЛЮДАТЬ. И люди прошлого, как и герои фильмов не будут даже подозревать о его существовании.

А что дальше?! Он превратился в бесполой разум? Дух? Привидение? Плевать... Хуже уже не будет. Сергей решил продолжить «осмотр». Ба! Так ведь это его квартира! Правда, со старой мебелью, плюшевыми занавесками на окнах, люстрой, как из фильма «Человек с ружьём». Антиквариат. В углу — громоздкий механизм. У противоположной стены стол с настольной лампой. За столом сидел человек. Он что-то бормотал и писал в тетрадке. Лицо человека показалось Сергею знакомым. Ещё бы! Да, ведь, это его дед, которого он никогда не видел! А это — та самая тетрадь с чертежами и описанием машины времени. А вот тот механизм — уже собранная машина. Смешно. Такие огромные реле! А катушки! Кунёв напряг слух. И начал слушать монолог деда. «Если я попаду в прошлое и убью своего деда, то не рожусь. А если не рожусь, то деда не убью. А не убив деда — рожусь!». Сергей улыбнулся несуществующими губами. Та же проблема? Тем временем дед сплюнул (это видно у Кунёвых передавалось по наследству), вскочил и вышел в прихожую. Минут через пять он вернулся. Ещё перед тем, как дед вошел он услышал его голос. «А в будущем такого парадокса нет! Лучше я первым убью внука!» Дверь распахнулась. В проёме стоял дед в кожаном плаще, форменной фуражке и с синими петлицами НКВД. В руке он сжимал огромный нож. Затем дед перекрестился, оглядел комнату, сплюнул и взялся за рубильник...

ЕЩЕ РАЗ О НЕВОЗМОЖНОСТИ ДРАКОНОВ

Солнечный свет. Что может быть лучше? Грандиозная мистерия восхода... Ласковые лучи, бьющие утром сквозь кроны сосен. Щедрый жар, разлитый в дрожащем полуденном мареве, когда кажется вот-вот — и поплывут перед глазами фантастические миражи. Прощальная вечерняя истома, неохотно уступающая свои права сумеркам. Касающаяся напоследок лба нежным целомудренным поцелуем, таящим в себе неременное обещание скорой встречи.

Почему самое нужное, самое драгоценное в жизни мы начинаем ценить только тогда, когда оказываемся этого лишены? Не проходит и дня, чтоб рассудок мой не терзался этим вопросом.

Клеть, достигнув дна шахты, остановилась. Масляные фонари, кажется, давно заключили тайный союз с мраком. Мрак позволяет им продолжать коптить воздух. Лампы отказываются от посягательств на его исконные тайны. Тусклые пятна вяло брезжат в чернильном море. Их света едва-едва хватает, чтобы различить скальную породу под ногами, да не сбиться с пути, добираясь до нужного участка.

Штреки тянутся под землей мрачными уютными коридорами. Ветвятся, пересекаются, сбивают с толку однообразием. Тут главное — педантично считать повороты. Один поворот вправо, два влево, и снова — один — направо.

Я стряхиваю мелкую угольную пыль с пальцев. Сейчас придется прибегнуть к заклинаниям. Люди, даже изначально расположенные к волшебству, всё ж таки не самые сильные маги.

Мне необходимо прикоснуться к предмету, чтобы началась магическая трансформация. Подпорки, поддерживающие свод шахты крепки только здесь, в забое. В левом ответвлении дубовые перекрытия основательно просели, местами касаясь пола, а кое-где и вовсе обвалились.

Ну, поехали. Амулет с пиктограммой кошачьего глаза — на шею. Большой глоток из синей колбы — и вперед. Пробраться меж трухлявых столбов приходится осторожно, как кошка. По пути почти небрежно притрагиваюсь к опорам кончиками пальцев. Трех-четырёх секунд как раз хватает на то, чтобы прочесть короткое заклинание. Обостренное амулетом зрение позволяет видеть, как молодеет на глазах древесина. Исчезает плесень, древесная пыль вновь становится частью ствола, восстановленный слой наливается первозданной жизненной силой. Свод немного приподнимается, давая возможность продолжить движение к дальней стене. Я продолжаю свою однообразную незамысловатую работу. Слова вырываются уже помимо моей воли, так часто, что сливаются в непрерывный монотонный речитатив. Кажется, его еще называют литания. И, совершенно определенно, такой ритм усиливает магическую трансформацию. К словам добавляется довольно громкое потрескивание. То столбы окончательно выравнивают свод крепи над головой. Ну вот и добре.

Теперь — к гранитной потайной двери в дальнем конце заброшенной штольни. Дверь, которую без амулета даже не разглядишь. И на ней — три печати. Как водится, полукругом над проемом выбита надпись с предупреждением. Разбираться с деталями — нет времени. Свиток стоит у меня перед глазами, врезавшись в память намертво. И я точно знаю, что надо делать дальше. Прислоняю к бронзовому рельефному кругляшу «Перунов камень». Артефакт вибрирует, рвется в бой, как охотничий пес, почуявший добычу. Невидимые зубы терзают, рвут, уродуют чужую волшбу. И печати одна за другой сдаются, падая на камни нелепыми бесформенными ошметками.

Дверь открывается широко, завораживая абсолютно непроницаемой даже для моего амулета мглой, царящей по ту сторону.

Минуту стою в нерешительности, оробев перед воротами Тайны. Из оцепенения выводит мерное позвякивание металла со стороны угольного забоя. Так и есть — приземистая бородатая фигура в узорном шлеме и панцире. Выследили! Пронзительный звук прорезает воздух — незванный гость достает из-за спины боевой топор. Острое как бритва лезвие, скользнув по наплечнику, высекает искры.

Мои пальцы сами собой складываются в стихийный знак, и ледяная молния бьет из центра ладони прямо в грудь гнома. Господи, как глупо!!! Ребенку ясно — иммунитет к поражающей магии у подземного жителя столь силён, что атака не причинит ему никакого вреда!

Гном замер лишь на мгновенье, а затем, словно ничего и не произошло, продолжил свой путь. Даже с шага не сбился. За его широкой спиной уже можно было разглядеть другие узорные шлемы и покачивающиеся в могучих руках секиры.

В рукопашной схватке мне не одолеть даже одного коротышку — не то, что целый отряд!

Ну ничего, сейчас ... Руки немного дрожат от волнения, пока извлекаю из-за пазухи кисет. Плохо, что ладони вспотели... Я быстро высыпаю содержимое мешочка на ладонь — комочки не успевают набрать влагу — и сильным выдохом распыляю «лисий табак» в воздухе. На всякий случай закрываю глаза. И не зря.

Вся магия, содержащаяся в штольне, разом вспыхнула в крохотных частичках, на миг озарила своды подобием северного сияния — и исчезла! Надежные столбы вновь обратились в вековую труху. Крепь, лишённая опоры, начинает оседать.

Едва успеваю юркнуть в призывно распахнутый зёв двери — как раздаётся оглушительный грохот. Один из обломков догоняет меня — и немилосердно ударяет в затылок.

Тьма обволакивает, непринужденно вырывая тонкую нить моего «я» из внушительного гобелена реальности.

Прихожу в себя медленно, словно путник, возвращающийся домой из пустыни. Воспоминания оазисами хаотично раскиданы то тут, то там в песках забвения. И я следую от одного островка жизни к другому, упорно приближаясь к осознанию собственного места в невесёлой новейшей истории.

С чего же начался крах человеческой культуры? С лица темного дреу, осторожно выглянувшего из внезапно откровенного портала? Тогда, десять лет назад, любительская видеозапись, обошедшая все телевизионные каналы мира, перевернула представления людей о соотношении реальности и вымысла. Параллельный мир перестал быть выдумкой. И первыми люди познакомились с темными эльфами. Нет, пришельцы не посягали на человеческую территорию. Во всяком случае — тогда. Эльфы вообще ни на что не посягали. Им просто нравилось забавляться новыми игрушками. Человеческое существо для эльфа — не более чем сложно устроенная кукла из крови и мяса. С ней так захватывающе проделывать разные штуки! А какие обильные источники эмоций ждут своего часа в каждом заурядном землянине! Немного призрачного эльфийского искусства — и самая сильная личность окажется на коротком поводке, чаще всего, даже не замечая руки кукловода. Какие открылись перспективы! И сильные мира сего клюнули на наживку! И всякий шестидесятилетний проныра-политик, трясая тройным подбородком, и задыхаясь после пешей прогулки от кресла в президиуме до сортира, всерьез полагал провести семисотлетнего аристократа-эльфа! Существо, столь же утонченное и надменное, сколь и равнодушное к судьбе любого другого существа! Ангелоподобные господа даже к услугам трансформационной магии прибегали редко. Застать благородного эльфа, творящего заклинания было столь же нелегко, как во времена мушкетеров узреть дворянина, вооружившегося дубиной вместо шпаги! Всё происходило куда тоньше и незаметней. Хотя именно эти красавчики подсадили народ на синие колбы...

Я был тогда еще очень молод. И помню, мои приятели взахлеб рассказывали, как добрейшие пресветлые Господа преподнесли людям Дар. Придя к увитым виноградом и плющом воротам эльфийского замка, совершенно безвозмездно можно было получить небольшую синюю бутылочку с волшебством... Ох, как восхитительно было сотворить рой фиоритовых бабочек, украсить фасад дома бутонами благоухающих роз или мановением руки вызвать на небе многоцветную радугу! Колдовство приняло вид детской шалости, беспечной, безобидной, ни к чему не обязывающей игры.

Но уже через год — всё изменилось. Получение заветных синих бутылочек стало обыденностью. Я вспомнил, как занимал с самого утра очередь. «Раздача слонов» происходила в местном ДК. Помню восьмидесятилетнюю бабулю. Глуховатую на оба уха... Одетую в кричаще — несуразные молодежные тряпки. И свой вопрос — «А ты зачем здесь, бабка?» И её ответ — «За манкой, родимый, пришла... за ней ... за манкой.»

И ее же, выходящую из дверей женского туалета этажом ниже — с полностью опустошенной колбой. Узнал я бабку только по одежде — на меня шла зрелая светская львица, поводящая при каждом движении крутыми бедрами и дразнящая роскошной грудью.

Помню и плюгавенького мужичка, опирающегося на клюку, и клянчившего в здании клуба «пять капель». Однажды, после того, как его грубо вытолкнули с лестницы — он изловчился — и выхватил ёмкость с маной у проходящего мимо отоваренного счастливца. Одним движением алкоголика со стажем, он опрокинул себе в горло фанфурик, сверкнул грозными глазами — и ударил клюкой в мраморный пол. Только по пути клюка его превратилась в полноценный магический посох. И камень под ним треснул, как яичная скорлупа, угол здания начал заваливаться в сторону. Лишь по счастливой случайности никто не погиб...

А чего стоили недостроенные замки, чуть ли не на каждой улице...

И так, минута за минутой, час за часом, магия набирала силы в нашем мире. А естество и технологии слабели... Первым исчезло электричество. Механизм так и остался мне неизвестным, но смещение равновесия в сторону чародейства, постепенно начисто вытеснило из металлов способность передавать движение электронов. Я был буквально ошеломлен. Никогда не думал, что отняв у людей всего одну технологию, — можно разом отбросить их в средневековье!

Через два месяца наш полуостров превратился в остров. Нет, как раз эта метаморфоза приключилась без всякой магии. Правительство наконец осознало масштаб угрозы, — и предпочло «зарезервировать» вопрос. Хорошо еще, что атомную бомбу не сбросили...

Именно тогда солнце стало все реже навещать небосвод. И все чаще над головой проплывали низкие свинцовые тучи...

Еще через пару лет эльфам порядком приелись ощущения здешнего мира. Они почти перестали обращать к нам свой прекрасный лик, предпочитая проводить время на охоте или в своих изящных усадьбах. Зато подобно языку плесени на загнивающем куске сыра — от портала потянулись другие обитатели Заземелья. Мрачные гномы. Скарденные лепреконы. Похотливые сверх всякого разумного предела сатиры. И даже непредсказуемые в своих проявлениях наги. Люди, лишённые возможности заработать себе на пропитание либо шли в услужение... Либо творили поистине ужасающие вещи.

В некоторых, как скажем, во мне, проснулись весьма востребованные временем магические таланты. Исключительной удачей стало обретение свитка «Владыка дракона». Пожалуй, пергамент — последний наш шанс. Все «заземельцы» лишь криво ухмыляются при упоминании о драконах. «Такого зверя никогда не бывало!» — говорят они всем своим видом. Но я чувствую страх, липкий, как болотная грязь и острый, как весенняя осока. Кто знает — может он, этот страх, и привел их на наши земли...

Ну всё, пора заканчивать привал!

Прикладываюсь еще раз к бутылочке с манной. Хорошо, зараза, что небыющая! И спускаюсь наощупь, очень медленно продвигаясь вперед. Вперед и вниз. Долго, очень долго переползаю буквально от ступени к ступени, пока не

начинаю различать во мгле их слабые очертания. Неужели ... ? Так и есть, внизу — Сияющее Озеро! Теперь можно просто планировать. Растопырываю руки наподобие крыльев летучей мыши, шепчу под нос слова — и мягко скольжу в спокойном темном воздухе к цели.

Опускаюсь в мерцающие, отзывающиеся короткими сполохами на вторжение, матовые воды — и не ощущаю ни холода, ни зноя. По легенде — до центра дойдет только тот, кого примет дух озера. Я — дошел. В центре — гигантская чаша, края которой выступают из воды на добрых полметра. Странно, но в ней — на вид во всяком случае — плещется та же самая вода, что и вокруг меня. Я предполагал, в купели спрятано нечто вроде яйца! Неужели я опоздал — и все усилия и жертвы были напрасны?!

Некогда рассуждать. Я опускаю пальцы в воду. Произношу магическую формулу громко, ясно, отчетливо. Звук голоса отзывается легким эхом, отражаясь от стен. Одновременно руки приходят в движение, рисуя на поверхности воды символы свитка. Жидкость даже не думает заполнять борозды. Они горят мистическим алым огнем на глади вод. Я повторяю действие еще дважды — и наклоняюсь, делая ритуальный глоток из чаши. И уже не могу разогнуться. Жидкость — совсем не вода! Она проникает внутрь помимо моего желания — и одновременно — втягивает меня в зеркало чаши!

На краткий миг я вновь теряю себя. И вдруг — будто долгожданное пробуждение от долгого, глубокого сна! Мне кажется, что я стал всем! Я продолжаю ощущать себя человеком. Но еще — жидкостью, охватывающей мое тело, как мякоть персика охватывает косточку. И — каменной чашей, удерживающей тот самый персик. И даже слабыми, почти неразличимыми звуками подземелья, всё еще резонирующими в замкнутом пространстве. Такое впечатление, что количество чувств, отображающих окружающую реальность, по крайней мере, удвоилось. Всё равно, что рассматривал всю жизнь черно-белый этюд, выполненный грифелем на оштукатуренной стене. И внезапно — стена рухнула... А за ней оказался объемный, играющий переливами красок, многообразный, едва знакомый по грубому эскизу, мир.

Вихреобразный нисходящий поток прижал меня к самому дну чаши. Каменное шероховатое ложе неожиданно расступилось — и я понесся по сверкающему туннелю, разом утратив ориентацию в пространстве. Верх, низ, право, лево — хаотично перемешались. Жидкость приобрела свойства плотного геля... Я уже не был так уверен, где заканчиваются границы тела, и начинается желе. Полное впечатление, что нервные волокна пробивали себе путь в субстанции, делая её частью меня. Предохранительным коконом. Вторым кожным покровом. Нет... Скорее — очень прочной эластичной оболочкой. Скорость непрерывно возрастала — и туннель я покидал подобно ядру, вылетающему из пушечного жерла. Сферическая форма оболочки пришлось как нельзя более кстати. Гигантская икринка, выскользнувшая из туннеля, встретила яростное сопротивление среды. Океаническая толща приняла меня не особенно ласково. Инерцию не отменит никакое колдовство!

Зато спустя пару минут я уже нежилась в колыбели жизни. Мне не было ни тепло, ни холодно. Ни легко, ни тяжело. Ни радостно, ни грустно. Я полностью отдался на волю потокам, шелестящим, уверенным, сильным, пронизывающим всё вокруг. И утратил последний из привязывающих меня к действительности ориентиров. Чувство времени.

Безграничная свобода. Бьющая через край сила. Необъяснимая мудрость. И при всём этом — ни капли чародейства. Его присутствие теперь я мог угадать за мили.

Огромные крылья раскрылись медленно и мощно, матово поблескивая в воде. Корпус вытянулся во всю длину, нетерпеливая волна прошла по туловищу от головы до хвоста. И вся живая махина, которой я стал, на удивление легко пришла в движение. Увеличиваю скорость — новое тело откликается гибко и послушно. Вспарываю поверхность вод — и лечу над безупречной зеркальной гладью. Не знаю, как я это делаю, но не за счет крыльев, безусловно. Так вот в чем тайна «Владыки дракона»! Правы были те, кто с пеной у рта доказывал невозможность существования такого животного, как дракон! Правы и те, кто передавал легенды о нем из уст в уста. Плод технологического гения, цивилизации еще более древней, чем пожаловавшие через портал «варяги»... Нынешние ученые, узнай они о такой находке, задумчиво сдвинули бы брови. Запустили пятерни в нечесанные шевелюры. И обозвали бы явление строго научно, например «бионический экзоскафандр». Не говорить же им, что ни хрена не поняли! Я знаю уже куда больше. Словно оказался подключен к универсальной электронной библиотеке. Не совсем еще разобрался со всеми закладками... Но, например, определенно уверен, что коровами мне питаться не придется. Как и выковыривать из зубов волосатых жилистых гномов. Сама магия — непосредственная пища драконов! А лишённые своей сказочности, наши «гости» — не более чем клоуны в балагане. Вспыхивает искоркой и тут же пропадает где-то на периферии сознания озорная мысль — «Наверняка изменения обратимы. Не зря ж драконы принцесс себе в пещеры заказывали!»

Напоследок люблюсь своим отражением в океане. Стремительные, выверенные обводы тела. Неуязвимая чешуя просто великолепна! Прижимаю крылья к корпусу — и взрываю в небо, непринужденно пробивая толстый слой набрякших темных туч. Золотая стрела грозно вспыхивает на солнце. Обостренный тысячекратно слух ловит звук хлопывающегося портала. У чародейских врат блокировка сработала! Вот это номер! Видимо, давно Заземелье не навещали драконы. Исправим! Впрочем, с этим чуть позже. Значит, подмоги вам, ребята, не видать. Ну а с вашим «ограниченным контингентом» я и сам как — нибудь справлюсь.

И до того, как заложить пике, я широко, во всю многометровую зубастую пасть, улыбаюсь несравненному в своем великолепии солнцу.

УПУЩЕННЫЙ МОМЕНТ

Супруги Волмеры избегали встречаться взглядами. Они достаточно долго прожили вместе, чтобы изучить друг друга и не пытаться теперь обмануть — оба тревожились за сына и боялись показать, что сомневаются в благополучных результатах обследования. Одно то, что доктор Гауч не ограничился он-лайн консультацией, а потребовал привезти Тимми в клинику, уже не могло не вызвать беспокойства. А уж когда родителей не только не пустили в кабинет, но и отказали в доступе к информационному серверу клиники, они и вовсе пали духом.

Неужели мальчик действительно болен? А вдруг это неизлечимо? Неужели он на всю жизнь останется инвалидом? Нет, только не это! Должны же найтись какие-то лекарства! Пусть самые дорогие, Райан и Сара на всё согласны, только подскажите, чем можно помочь сыну. Но что-то никто не торопится с подсказками.

Больше всего Райана угнетало именно чувство собственного бессилия. Сиди и жди приговора, постоянно натываясь на невысказанный упрёк жены: «Ну, сделай же что-нибудь! Ты же мужчина!»

Да, он мужчина. В молодости, ещё будучи рядовым пожарным, он не побоялся вместо повреждённого робота войти в горящий дом, идти по задымлённому коридору, идти вслепую, потому что ни один коммуникатор в этом аду не выдержит и минуты, идти, уворачиваясь от падающих с потолка балок, не всегда, впрочем, удачно уворачиваясь, так что потом пришлось два месяца лежать в больнице и ещё полгода привыкать к новому чипу, вживлённому взамен сгоревшего. А новые волосы на обожжённой голове так и не прижились, хорошо хоть кожу удалось восстановить, и теперь Райан щеголяет абсолютно гладким блестящим черепом с крохотными пятнышками разёмов на затылке. И всё это ради того, чтобы спасти чужого ребёнка. Неужели для своего собственного он не способен на большее? Да на что угодно, кроме такого вот ожидания!

А может, за те его давнишние геройства и страдает теперь Тимми? Вдруг какое-то незамеченное повреждение передалось по наследству? Райан со вздохом свернул окно панорамного обзора. Все окна свернул, оставшись в полной темноте, как тогда в больнице. Тяжело было, но ведь выкарабкался же. И мальчик тоже выкарабкается, Волмеры — крепкие ребята.

А Сара Волмер не стала отключаться от внешнего мира, опасаясь пропустить вызов от доктора или открывшуюся дверь кабинета. У неё тоже было в чём упрекнуть себя. Роды Тимми выдались тяжёлыми, мальчик появился на свет недоношенным, и Сара настолько привыкла оберегать его от лишних неприятностей, потрясений, или, не дай бог, болевых ощущений, что никак не соглашалась на вживление чипа. Ей всё казалось, что с этим можно обождать. Райан уверял, что она напрасно беспокоится, что все дети легко переносят эту операцию, но всё-таки уступил супруге. Вообще-то Саре нравилось, что муж считает с её мнением, никогда ничего не предпримет без её совета, но иногда всё-таки нужно показать, кто в доме хозяин. Ну почему он тогда не настоял на своём?!

Рекомендуется ставить имплант детям в возрасте от полутора до двух лет, а Тимми чуть ли не до трёх играл в пластиковые кубики вместо виртуальных и разговаривал живым голосом вместо синтезированного. В конце концов, вмешались медики и в принудительном порядке установили мальчику коммуникатор с детским интерфейсом. Оказалось, что это совсем не больно, Тимми даже не заплакал. Но привыкал к новой жизни очень тяжело.

Да ладно, зачем себя обманывать — так и не привык. Ему нравятся мультики, но он каждый раз просит маму включить просмотровое окно. Он с удовольствием играет с отцом в тетрис, подсказывает, куда поставить следующую фигурку, но сам это сделать не в состоянии. Мальчику скоро исполнится четыре года, а он так и не выучился мысленным усилием активировать иконки меню. Чтобы позвать мать, Тимми бежит в соседнюю комнату, если остаётся один — рассматривает сохранившиеся от деда книжки или свистит в свою дурацкую дудочку, хотя любой другой ребёнок на его месте не вылезал бы с какого-нибудь развлекательного портала. Да и говорит он до сих пор вслух, даже неудобно перед соседями.

Было неудобно. Когда сочувственные, а иногда и не очень, взгляды соседей стали совсем уж невыносимы, супруги посоветовались и решили продать городскую квартиру. Теперь Волмеры живут в небольшом, но уютном коттедже в четверти часа езды от города. Здесь никто не будет смеяться над мальчиком. До поры до времени. Но в пятилетнем возрасте каждому ребёнку без исключения меняют детский интерфейс с картинками-пиктограммами на подростковый, текстовый. И это бы ещё полбеды — читать Тимми, как ни странно, всё-таки выучился. (Надо же, пригодились всё-таки нелепые бумажные книги, расстаться с которыми как с памятью об отце Сара всё никак не решалась!) Так что мальчик сумеет найти нужную ему кнопку. Вот только нажать не сможет.

Если к детской версии родители могли подключиться и вместе с ребёнком решить любую сложную задачу, то в подростковой модели такая функция не предусмотрена. Только наблюдение со стороны. А то, что ребёнку с этой штукой не справиться, никого не волнует. Смотреть, как мучается Тимми, Саре никто не запрещает, а вот помочь ему — ни в коем случае.

И тут уже, как бы ни было горько признать, что сын растёт неполноценным, Волмерам пришлось обратиться к врачам. Может быть, что-то ещё можно исправить? Может, пусть не сейчас, а через несколько лет, Тимми научится управлять интерфейсом, станет нормальным мальчиком, пойдёт в школу, заведёт себе друзей, и всё у него будет хорошо. Саре очень хотелось в это верить, но почему же доктор Гауч так упорно не отвечает на её вызовы? Он же лучший кибер-диагност в городе, он должен знать, как вылечить сына!

Когда в темноте вспыхнул ярко-зелёный огонёк, Райан вздрогнул от неожиданности, но тут же сообразил, что это жена прислала ему экстренный вызов. Он быстро развернул все окна интерфейса и увидел сообщение от доктора Гауча, приглашающее зайти в кабинет. Резко поднялся с кресла, одёрнул на себе парадный китель начальника городской пожарной охраны и быстрым, но чётким шагом направился к двери. Здесь, правда, пришлось задержаться. Сара остановилась возле зеркала, поправила причёску, проверила, всё ли в порядке с лицом и, в особенности, с глазами. И перед доктором выглядеть размазнёй неудобно, и мальчику ни к чему видеть свою мать заплаканной. Ничего страшного не произошло. И не произойдёт. Не должно произойти.

Однако её уверенности хватило лишь на два шага за дверь, а потом она, забыв о всяких приличиях, бросилась к всё ещё сидевшему в диагностическом кресле Тимми. Сероглазый, светловолосый и чуточку курносый — весь в маму — мальчик радостно улыбнулся и едва слышно прошептал: «мамочка». И сразу же смущённо потупился. Видимо, Сара успела послать ему выговор за произнесённое вслух слово.

— Что скажете, доктор? — поспешно обратился к Гаучу Райан, стремясь замаять неловкость.

Врач сделал вид, что ничего не заметил. А возможно, и в самом деле был слишком погружён в собственные мысли, чтобы обратить внимание на столь незначительное нарушение этикета.

— Пока, увы, ничего определённого, мистер Волмер, — признался он после секундной паузы.

Голосовой модулятор работал у Гауча просто превосходно. Райан, никогда не гонявшийся за техническими новинками и потому использующий стандартный, даже несколько устаревший саундбластер, тем не менее, явственно различил в тембре доктора виноватые и даже растерянные нотки.

— Я тщательно обследовал вашего сына, но не нашёл у него значительных отклонений от нормы, — продолжал высокий кареглазый шатен в белом медицинском комбинезоне. — Имплант находится в идеальном состоянии, периферийные устройства — тоже, все порты в полном порядке. Мальчик прекрасно воспринимает информацию, адекватно на неё реагирует, но дальше контакт обрывается.

— Как это обрывается? — удивился Райан. — Вы же сами сказали, что мальчик реагирует. Вот и моей супруге он сейчас улыбнулся и...

— Вот именно, — усмехнулся Гауч, глядя куда-то в район правого уха собеседника. Вероятно, он предпочитает располагать обзорное окно в правой части интерфейса, то ли из стремления к оригинальности, то ли ему правда так удобней. — Это ваше «и» я отношу не к основной сигнальной системе, а к рудиментарным функциям организма.

Райана почему-то задели последние слова Гауча. Ему, конечно, виднее, он — уважаемый в городе специалист, но Волмеру вдруг отчётливо представилась физиономия доктора в толпе смеющихся над Тимми обывателей.

— Сложнейший случай, — продолжал между тем кибер-диагност отлично отмодулированным сочувственным тоном. — Уникальный в моей практике. И пока я, откровенно говоря, затрудняюсь в постановке диагноза. У меня такое ощущение, что мы упускаем из виду какой-то важный момент, какой-то фактор, влияющий на поведение пациента. Пожалуй, придётся провести с мальчиком ещё несколько сеансов, подробнее изучить болезнь, а потом уже определить способы её лечения. Но если мы будем действовать сообща, — тут он повернулся к Саре и ободряюще улыбнулся, — то непременно справимся с любыми трудностями.

По дороге домой Волмеры поругались. Не то чтобы совсем без повода, но короткая реплика Райана о том, что доктор ему не нравится, никак не соответствовала накалу последовавшей затем ссоры. Супруги едва не высказали вслух всё, что думают один про другого, но вовремя спохватились, перешли в приват и дальше бранились как благовоспитанные люди.

— Нравится, не нравится — разве в этом дело?! — наседала на мужа Сара. — Главное, что доктор Гауч — прекрасный специалист. Или ты готов поставить здоровье мальчика в зависимость от своих симпатий и антипатий?

— А с чего ты взяла, что Тимми болен? — не сдавался Райан. — Просто потому, что этот напыщенный индюк так сказал? Так ведь он же сам и признался, что не может поставить диагноз. Может, никакой болезни и нет? Просто наш мальчик не такой, как другие. Или тебе проще поверить в болезнь, чем попытаться понять собственного сына?

Слава богу, что движение на шоссе было оживлённым, и Райан не мог надолго отвлечься от дороги, доверив управление автопилоту. Сара попробовала ещё раз-другой атаковать мужа, но, не получив ответа, обиделась окончательно и поставила его в игнор. Райан такой поворот более чем устраивал. Тимми, сообразивший, что родители ссорятся из-за него, тоже помалкивал и вообще старался не привлекать внимания.

Неудивительно, что и дома супруги не спешили заключить перемирие. Райан демонстративно расположился в кресле на лужайке и углубился в просмотр информационного блока. Сара отправилась на кухню, командовать кулинару автоматом, хотя особой необходимости в личном присутствии не было, программу можно было задать и с лужайки. Но нужно же было как-то поставить мужа на место, показать, насколько он неправ. И только полчаса спустя она позвала Райана ужинать. Текстовым сообщением, без голоса, чтобы не подумал, будто его уже простили. Ха, не на того напала! Волмер-старший не ответил ни первый, ни на второй вызовы. И только заметив, что жена появилась на веранде, соизволил повернуть голову.

— Райан, ну сколько можно вас звать? Бери скорее Тимми, и садитесь за стол.

Вдруг женщина начала встревожено оглядываться, словно забыв про функцию панорамного обзора, и что-то прошептала.

— Райан, а где же Тимми?

Волмер вздрогнул. Не от самого вопроса, а оттого, что и в коммуникаторе он тоже прозвучал шёпотом. А, в самом деле, где мальчик? Райан отчётливо помнил, как сын вылезал из машины, выходил из гаража. А вот куда он подевался потом?

Ладно, сейчас выясним. Райан включил крупномасштабный план участка, но не нашёл на нём красного значка, обозначающего местонахождения сына. Не нашёл на участке. Мальчик каким-то образом оказался за колючими кустами, отделявшими дом Волмеров от шоссе, и сейчас удалялся от дома прямо по обочине. Зачем, чёрт возьми, его туда понесло? Он же совершенно не приспособлен к самостоятельным прогулкам!

Самым дикарским образом махнув жене рукой, чтобы следовала за ним, Райан кинулся к воротам, выбежал на улицу и замер в оцепенении. Нет, с Тимми ничего страшного не случилось. Ещё не случилось. Навстречу мальчику по ровному стриженному газону неслась огромная, лохматая рыжая собака. Может, и не настолько огромная, как показалось Волмеру вначале, но всё равно достаточно крупная, чтобы сбить ребёнка с ног. Хорошо, если не прямо на дорогу. А Тимми — глупый мальчишка — ещё и тянул ручонки.

Райан услышал, как позади вскрикнула жена. Может быть, именно этот звук и привёл его в чувство. Надо же спасти сынишку! Добежать до него раньше собаки вряд ли получится. Остаётся одно — воспользоваться детектором, определить код доступа к чипу собаки и приказать ей остановиться. Пожалуй, лучше даже сразу послать болевой импульс. Вообще-то это разрешается только хозяину, и придётся потом разбираться с пэт-полицией, но другого выхода нет. Должны же они понять, что случай был экстренный, опасный для жизни ребёнка. Лишь бы толь...

Райан пошатнулся и едва успел ухватиться за стойку ворот, чтобы не упасть. Окно детектора осталось пустым. У этого пса нет чипа, он неуправляем.

— Беги, Тимми! — завопил несчастный отец, забыв обо всех приличиях.

Поздно! Лохматая псина в три прыжка преодолела отделявшую её от мальчика дистанцию, поднялась на задние лапы и...

Если бы не радостный смех Тимми, Волмеры так и не догадались бы, что пёс всего-навсего лизнул их сына в нос. И всё ещё продолжал вылизывать. А мальчик только вертел головой, отворачиваясь от шершавого собачьего языка, но даже не пытался оттолкнуть от себя животное. И смеялся, смеялся. Весело ему, понимаете ли!

— А ну, марш домой!

Обращаясь к сыну, Райан выставил регулятор громкости на максимум. Пусть Тимми почувствует, насколько провинился. Отец взял мальчика за руку и потянул к воротам. Именно потянул, потому что тот отчаянно сопротивлялся.

— Пап, ну па-а-ап! — вслух, снова и как всегда вслух, захныкал мальчик. — Давай возьмём его с собой?

Отец не удостоил его ответом. Мало того, что этот сорванец перепугал родителей до полусмерти, мало того, что выставил их на посмешище соседям, (конечно, здесь не город, но соседей всё равно хватает), так теперь ещё и бродячую собаку хочет в дом привести! Этого только не хватало для полного счастья.

— Па-а-ап, ну пожалуйста!

Теперь уже сын заплакал по-настоящему.

Нет, не отвечать! Ишь, чего выдумал! А с другой стороны, много ли у мальчика радостей в жизни? Друзей нет — кто же захочет дружить с инвалидом? А здесь — всё ж таки живое существо, хотя и очень грязное, но, кажется, ласковое, добродушное. Может, так мальчику легче будет справляться с одиночеством.

Но ведь, если они подружатся, если Тимми всё свободное время будет проводить с этим псом, он так и не научится обращаться с коммуникатором. Нет уж, дорогой, я заставлю тебя заниматься. Хочешь новую игрушку — заслужи!

— Я не слышу тебя, — отправил он сыну голосовое сообщение.

— Па-па! — зарыдал Тимми на всю улицу. — Давай возьмём его с собой!

К слезам мальчика добавился умоляющий взгляд жены. Но Райана Волмера не так просто разжалобить. Ради дела, ради самого же мальчика, он готов быть жестоким.

— Так я тебя никогда не услышу! — уточнил он первый меседж и буквально потащил сына за собой к дому.

Плачет? Ну и пусть! Пусть, в конце-то концов, сын возненавидит его. Ненависть прибавляет силы, а сила Тимми в этой жизни понадобится. И чем раньше он поймёт, что мир жесток, и особенно жесток как раз к тем, кто выделяется из толпы, — тем лучше. Пусть привыкает бороться за себя.

Райан ещё долго мог бы придумывать оправдания своим действиям и, наверное, додумался бы до того, что только так и следует воспитывать мужчин, но на его интерфейсе вдруг появилось новое сообщение. Робкое и неуверенное даже в стандартных буквах гарнитуры «Arial»:

— Пожалуйста, папа!

— Вот и замечательно, — заявил доктор Гауч, когда Райан рассказал ему об этом случае. — Должно быть, именно этот момент мы и упускали. Завтра я пришлю к вам ветеринара, чтобы вставить собаке имплант. Мальчик будет играть с животным и учиться управлять интерфейсом. Всё у нас теперь наладится, мистер Волмер, будьте уверены!

ВОПРОС ТРАДИЦИИ

Я сидел в баре космопорта, потягивал пиво и в полглаза следил за телевизором. На экране кандидат в президенты толковывал что-то своим слушателям. Предвыборную кампанию молодой политик строил на двух китах. Первый из которых — личное обаяние — уже сам по себе неотразимый аргумент. Вторым пунктом провозглашалось всемерное поддержание существующих и возрождение забытых народных традиций.

Вот и теперь он развивал эту тему. Сквозь шум стоящий в баре я расслышал что-то о том, как народ, возродивший свои традиции, уверенной поступью двинется...

Куда именно двинется наш народ — я не узнал. Звук телевизора заглушил смешок моего соседа по стойке. Я успел разглядеть его еще когда тот садился и заказывал пиво. Одет он был в старую потрепанную форму лейтенанта межзвездного флота. Форма была устаревшего образца, мятая и с заплатами. Да и ее обладатель был такой же помятый жизнью человек, не первой молодости.

— Традиции. Возрождение традиций. Фу, аж противно! Что он понимает в традициях, этот болтун! Насколько мир стал бы лучше, не будь вообще этих проклятых традиций.

Я почему-то почувствовал к говорившему неприязнь. Не потому, что сам был полностью согласен с кандидатом в президенты, нет, я считал его болтовню очередной предвыборной демагогией. Скорее всего, это было просто естественное раздражение человека, которому помешали спокойно пить свое пиво перед телевизором.

Поэтому я обернулся к говорившему и нарочито спокойно спросил:

— Вы видимо большой знаток в этом вопросе, раз считаете, что традиции не нужны. Что же вы предлагаете — взять и отменить все традиции вообще?

Сидевший рядом пристально поглядел на меня, отпил пива из своей кружки и медленно поставил ее на место.

— Да как вам сказать, — протянул он. — Традиция традиции рознь.

— Не знаете, так и не говорите, — я почему-то начал заводиться. — Я еще никогда не слышал, чтобы кому-то помешала добрая старая традиция.

— В самом деле? — Мой сосед иронически взглянул на меня. — Вы уверены, что традиции — это так замечательно?

— Нет, — довольно резко ответил я. — Я лишь сказал, что соблюдение традиций никому еще не принесло вреда.

Сосед задумчиво отпил из своей кружки.

— Ну, это вы так считаете.

Меня окончательно разозлило его высокомерие.

— Вот что, любезный. Или вы сейчас же аргументируете свое заявление, или вам придется перебраться куда-нибудь подальше от меня, желательнее в другой бар.

Я человек по натуре незлобивый, но когда что-то не по мне, от драки не прячусь. И пристально поглядел на своего соседа, чтобы взглядом донести до него эту мысль.

Тот с сомнением оглядел мою внушительную фигуру, затем произнес:

— Хорошо, я расскажу вам одну историю. А об остальном судите сами. Договорились? Тогда слушайте.

На третий месяц полета в неисследованной области галактики, разведывательный корабль «Поиск-18» обнаружил планету земного типа. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что планета населена гуманоидами похожими на людей. Уровень развития местной цивилизации был близок к земному и даже опережал, по крайней мере в техническом отношении. Удивительно, что они еще не вступали в контакт с другими цивилизациями.

Подобные планеты в галактике большая редкость. Результатов у такой находки может быть всего два: либо новый дружественный член Организации Объединенных Планет, либо — галактическая война. Третьего не дано. Все зависит от того, насколько удачно пройдет первый контакт. В принципе, статистика благосклонна к первому варианту. К тому времени уже более двадцати гуманоидных цивилизаций входили в состав ООП. Однако, за то же время Земля пережила две галактические войны.

Один к десяти совсем не плохие шансы, но только не в случае, когда на кон поставлена галактическая война. А учитывая уровень развития науки и промышленности открытой планеты, военный конфликт с ней не сулил Земле ничего хорошего.

Контакт установили без больших проблем. Единое правительство планеты согласилось провести переговоры. Лингвисты обеих сторон, повозившись, настроили свои электронные переводчики, и официальные представители планет начали переговоры. Планету представлял президент, господин Ки-Ру.

От Земли выступал капитан «Поиска-18» Джеймс Хиггинс. Это был поседевший на службе космический волк, типичный пример старой английской военно-морской школы, чьи чопорные традиции успешно перекочевали в межзвездный флот. Всегда подтянутый и собранный, не дающий воли эмоциям, джентльмен старого, полузабытого образца. Над ним добродушно подшучивали, однако никогда не оспаривали его превосходных деловых качеств. Капитан первого ранга Джеймс Хиггинс считался образцовым служакой. Никто не сомневался, что через несколько лет его ждет чин адмирала.

Предварительные переговоры по телеканалу прошли гладко. Можно сказать просто блестяще. Не оставалось сомнений, что обе стороны заинтересованы в установлении дружеских отношений.

Окрыленный успехом капитан пригласил президента Ки-Ру посетить корабль землян с официальным визитом. Визит высокой делегации начался с экскурсии по кораблю. Осмотр не затянулся. Высокие гости быстро потеряли интерес к кораблю, не увидев на нем ничего для себя нового. Почувствовав это, капитан Хиггинс пригласил всех отобедать.

Президент и сопровождавшие его высокие чины вошли в кают-компанию и нерешительно остановились. Они в замешательстве топтались на пороге, недоуменно глядя на ожидавший их роскошно сервированный стол.

Не обращая внимания на смущения гостей, капитан лично усадил каждого на предназначенное для него место, а сам расположился во главе стола. Офицеры расселись на свободные места.

Капитан встал и поднял бокал с вином.

— За дружбу между нашими народами! — провозгласил он тост.

— Виват! — подхватили офицеры.

Однако ответной реакции не последовало. Президент Ки-Ру удивленно смотрел на капитана и офицеров, уже успевших поднести ко рту свои бокалы.

— Простите меня, — осторожно произнес Ки-Ру изменившимся голосом. — Наверное я вас неправильно понял. Неужели вы собираетесь это пить?

— Разумеется, — с радостным смехом сообщил со своего места жизнерадостный молодой человек в чине младшего лейтенанта. — А потом и закусить. Поверьте, наш повар изумительно готовит. А к вашему приезду он расстался вовсе.

Звали лейтенанта Михаил Бутятин, и его имя еще не раз встретится нам в этой истории. Улыбаясь во весь рот, Миша отсалютовал рюмкой сидевшему напротив президенту и, по-гусарски, лихо опрокинул содержимое в рот.

Президент и его окружение издали непроизвольный вздох. Они как замороженные следили за действиями землянина, впав в коматозное состояние, и замерли не в силах пошевелиться.

Все насторожились. Лишь Мишка Бутятин, простецкая душа, не замечал ничего, кроме классной выпивки и обильной закуски. Он невозмутимо вернул на место пустую рюмку и с аппетитом принялся наворачивать лежавшую перед ним отбивную.

Внезапно президент пришел в себя. Оцепенение, с которым он наблюдал за происходящим, слетело с него. Вместо интеллигентного, улыбающегося, и во всех отношениях приятного гостя, перед землянами предстал трясущийся от ярости инопланетянин. Ничего дружеского в его взгляде не осталось.

Срывающимся от гнева голосом он проревел что-то на своем языке. Электронный переводчик лишь жалобно пискнул, не решившись дословно перевести заковыристые ругательства, посыпавшиеся из уст высокого гостя.

Президент резко поднялся из-за стола. Ногой, не глядя, отбросил к стене упавший стул. В нескольких словах Ки-Ру объявил, что его визит окончен, и он требует незамедлительно проводить его к причальному шлюзу.

До самого шлюза, куда делегация гостей отправилась едва ли не бегом, президент молчал. И только заняв место в президентском шатле, он процедил сквозь зубы:

— Подобное оскорбление можно смыть только кровью. Поскольку оно было нанесено мне во время официального визита, то считаю это оскорблением всему нашему народу. В течении следующих суток я сообщу вам свое решение. А пока ваш корабль арестован. Вы должны оставаться на орбите планеты и не предпринимать никаких маневров до моих дальнейших распоряжений.

Люк захлопнулся, президентский челнок с максимальным ускорением отошел от «Поиска», и отправился вниз, на планету. Капитан с офицерами озадаченно смотрели ему вслед.

Через пару часов с планеты поднялись восемь военных крейсеров и заняли позиции на расстоянии прямой видимости от «Поиска». Каждый из крейсеров по огневой мощи превосходил солидно вооруженный «Поиск» в несколько раз. Радары показали, что на более низкой орбите находится еще два десятка боевых кораблей. На вызовы капитана президент не отвечал. Другие официальные лица также хранили молчание.

Капитан заперся в своей каюте и принялся расхаживать по ней взад и вперед. Каждый раз останавливаясь перед стеной, он с трудом подавлял в себе желание начать биться об нее головой.

Перспектива третьей галактической войны с каждой минутой становилась все более реальной. Но раздражало капитана прежде всего то, что он развязал войну так и не узнав ни причины, ни повода к оскорблению. Одно дело, когда ведешь в бой солдат с криком «вперед ребята, эти мерзавцы хотели отобрать у нас колонию на Альдебаране!». И совсем другое, когда на вопрос, а из-за чего в общем-то воюем, ему останется лишь недоуменно развести руками.

Капитан подошел к интеркому и вызвал радиорубку. Выяснилось, что хотя все официальные линии связи с планетой заблокированы, осталась действовать служебная линия лингвистической службы. После того, как специалисты разобрались со структурами языков, и запрограммировали электронные переводчики, ею практически не пользовались. И, видимо, про нее забыли, когда отключали связь с кораблем.

Джеймс Хиггинс удовлетворенно кивнул. Он вызвал лингвиста и попросил связаться со своими коллегами на планете. Именно попросил, а не приказал — капитан Хиггинс знал, как следует обращаться с подчиненными в критической ситуации.

— Ты сейчас единственный, кто может нас спасти, — сказал ему капитан. — Вызови кого-нибудь из своих коллег там, внизу. Подчеркни, что это чисто технический разговор. Попроси консультацию по какому-нибудь пустяковому вопросу. А потом ненавязчиво попробуй завязать дружескую беседу и выясни, на что именно обиделись эти идиоты.

К концу вторых суток совершенно изможденный лингвист ворвался в каюту капитана с радостным воплем «я все выяснил!». Капитан предложил лингвисту сесть и подробно все рассказать. Но тот, перевозбужденный двухдневным бодрствованием на одном кофе и стимуляторах, продолжал стоять, не замечая предложенного ему кресла.

— Капитан, вы не поверите. У них считается неприличным принимать пищу в присутствии посторонних. Эта многовековая традиция, уж не знаю с чем она связана. Но соблюдают ее все. Они едят в полном одиночестве в маленьких запертых комнатах. Предложение поесть в компании других считается оскорблением. А человек, который в присутствии другого съел или выпил что-нибудь, выказывает ему таким образом крайнюю степень презрения. Такие люди обычно становятся смертельными врагами.

Лингвист устало закрыл глаза.

— Мне понадобилось двое суток, чтобы растолковать им, что у нас другие традиции, — пробормотал он. — Президент уже в курсе, он согласился поговорить с вами по старому каналу свя...

Не договорив, лингвист уснул. Капитан едва успел подхватить обмякшее тело и уложить его на своем диване. Потом капитан проверил застегнуты ли все пуговицы на форменном кителе, одернул невидимые морщины на брюках и вышел из каюты.

Через час капитан стоял в кают-компании в окружении офицеров корабля.

— Таким образом, господа, у нас появилась реальная возможность исправить ситуацию. Президент Ки-Ру выслушал мои извинения. Он готов забыть нашу неумышленную ошибку, если мы докажем искренность и дружелюбие своих намерений. Мне предложено прибыть на планету, для проведения официальной церемонии примирения.

Капитан помолчал.

— Я не знаю, что из себя представляет эта чертова церемония, но Президент придает ей чрезвычайно большое значение. Мне ясно дали понять, что я должен провести ее по всем правилам. Второй оплошности нам не простят.

Капитан обвел глазами своих офицеров. Их подтянутый аккуратный вид внушал уверенность. Все, как один, были готовы на подвиг.

После минутного раздумья капитан сказал:

— Со мной отправится младший лейтенант Бутятин.

Мишка сделал шаг вперед и испуганно застыл по стойке смирно.

— Вы правильно меня поняли, младший лейтенант, — произнес капитан с еле сдерживаемой яростью. — Ваш поступок по понятиям местных жителей расценивается как смертельное оскорбление. Если бы не ваша торопливость, возможно, мы сумели бы избежать конфликта. Теперь вы отправитесь со мной и будете участвовать в этой чертовой церемонии примирения. И если они потребуют ваш скальп, я самолично сниму его.

Офицеры выдохнули тщательно сдерживаемый воздух. Подвиг подвигом, но козлом отпущения никому становиться не хотелось.

Президент Ки-Ру встретил землян в большом, абсолютно пустом зале. Красиво разрисованные стены со множеством висевших на них дорогих украшений показывали, что мебель в зале отсутствует никак не в силу бедности его хозяина. Капитан Хиггинс, чей мозг с момента посадки на планету работал с полной нагрузкой, сразу же обратил на это внимание. Тут должна быть особая причина, отметил он.

Недостаток мебели в комнате компенсировался толпой инопланетян. У некоторых в руках находились аппараты, в которых Хиггинс узнал местные аналоги теле- и фотокамер. Ну да, вспомнил капитан, Ки-Ру предупредил, что церемония будет транслироваться на всю планету.

По команде президента, его свита отошла к дальней стене. Оставшись один, президент аккуратно снял с себя всю одежду. Он развел в сторону руки и медленно повернулся, показывая себя со всех сторон. Толстое тело пожилого президента со свисавшими складками жира не производило большого эстетического впечатления.

Его действия сопровождалось одобрительным шепотом окружающих. Корреспонденты усиленно снимали своего голого президента. Наконец Ки-Ру закончил демонстрацию своего тела и приветливо улыбнулся землянам.

Президент сделал приглашающий жест, не оставляющий никаких сомнений — гостям предлагалось произвести ответный сеанс стриптиза.

Черт возьми, подумал капитан. Как все у них просто. Это же очевидно. Для них подобное раздевание аналог нашего рукопожатия. Корни древнего земного жеста приветствия всем известны. Люди протягивают пустую ладонь, демонстрируя, что в ней нет оружия. Местные жители пошли дальше. Не думаю, что они вытворяют такое при ежедневных встречах, но для примирения после тяжелого оскорбления действительно имеет смысл показать, что ты нигде не прячешь оружие.

Да, все просто и понятно. Только вот на Земле этого делать не принято. Ну нет у нас такой традиции. Никогда не было. А вот традиция стыдливо прятать свое тело в складках одежды, пожалуй, самая старая и почитаемая.

Капитан Хиггинс свято соблюдал требования устава и регламентов по поводу форменной одежды и никогда не нарушал их. Он гордился тем, что за тридцать лет службы ни разу не показался на людях с расстегнутой верхней пуговицей мундира.

Он огляделся. Вокруг стояла толпа корреспондентов с нацеленными на него объективами. Надо было раздеваться. Хиггинс поднес руку к пресловутой верхней пуговице и застыл в нерешительности. Мысли пронеслись с пугающей быстротой.

Капитана ничуть не беспокоило то, что за ним наблюдает целая планета инопланетян. В их глазах он будет выглядеть пусть не героем, но как минимум хорошо воспитанным человеком, уважающим древние традиции.

Однако один из каналов связи передавал происходящее на земной корабль. Это будет не просто удар по самолюбию. После такой истории о капитанской должности и дальнейшей карьере во флоте придется забыть навсегда.

Собственную гордость брать в расчет не приходилось. Капитан был готов к чему-то подобному, когда отправлялся на встречу с президентом. Слишком многое сейчас зависело от его действий, чтобы думать о личной карьере. Он разделенется и выполнит все, что от него потребуют. Сейчас главное — подписать дружественный договор.

Потом он вернется на корабль и запрется в своей каюте. Старший помощник сумеет самостоятельно довести корабль обратно к Земле. А бывший капитан Джеймс Хиггинс проведет остаток дней в своем поместье на Земле, нигде не появляясь и ни с кем не встречаясь. Он станет жить отшельником, утешаясь мыслями о выполненном долге и воспоминаниями о том, как предотвратил третью галактическую войну. Он выполнит свой долг, а затем уйдет с гордо поднятой головой.

И все же что-то останавливало его. Какая-то мысль тревожно билась в черепе, грозя расколоть его пополам. Нельзя, ни в коем случае нельзя раздеваться перед ними! Это предупреждение колоколом гремело в его мозгу. Нельзя раздеваться! Нельзя!

Но почему? Здесь уже не личные амбиции, капитан перешагнул через них. Черт, ему плевать, что команда увидит его голым. Он даже готов сплясать джигу, если это поможет уладить возникший конфликт. Тогда что же?

И капитан понял. Сформировавшаяся мысль привела его в отчаяние. Все пропало, сказал он себе. Что бы я ни делал, войны не избежать.

Капитан представил себе, как «Поиск-18» вернется на Землю. Все материалы по установлению контакта будут переданы в главный штаб. В воспаленном мозгу Хиггинса ясно возникла картина, на которой чопорные члены генерального штаба с недоумением наблюдают, как капитан первого ранга Джеймс Хиггинс раздевается перед инопланетянами.

Он с ужасом понял, что адмиралы, сидя там, на далекой и безопасной Земле, никогда не поймут причины, заставившие капитана межзвездного флота предстать голышом перед целой планетой. Никакие стратегические соображения или доводы рассудка, никакие объяснения экспертов-психологов не помогут. Капитан Хиггинс слишком хорошо знал людей, руководящих межзвездным флотом Земли. Соблюдению внешней атрибутики во флоте всегда отводилось особое место. А косность и консервативность мышления были едва ли не основным критерием при назначении на высокую руководящую должность. Адмиралы увидят лишь то, что будет перед их глазами. А именно — капитана межзвездного флота, стоящего голышом в окружении толпы инопланетян.

Капитан Джеймс Хиггинс вздохнул. Война неизбежна. Инопланетяне готовы простить землян, если капитан сейчас разделенется. Но этого не простят адмиралы, сидящие в главном штабе. В традиционной церемонии, столь важной для инопланетян, они увидят лишь оскорбление межзвездному флоту и ничего больше. Через месяц после подписания мирного договора на орбите новооткрытой планеты появятся боевые крейсеры земного флота. Горящие праведным гневом земляне станут мстить за унижение их капитана.

Они будут по-своему правы. Земной флот никогда не давал в обиду своих солдат.

Капитан почувствовал, как кто-то тронул его за руку.

— Позвольте мне, капитан, — раздался за его спиной голос. — В конце концов, это я лопал отбивную в их присутствии.

Младший лейтенант Бутятин вышел вперед и сбросил с себя форменную одежду. Молодое тренированное тело офицера выгодно контрастировало с дряблым телом президента. Корреспонденты восторженно закричали и принялись снимать. Совершенно обалдевший от всеобщего внимания Мишка поворачивался направо и налево и даже пытался, как культурист на подиуме, демонстрировать отдельные мускулы.

На этом церемония примирения закончилась. Капитан Хиггинс правильно понял подоплеку древнего ритуала. Раздевшись, бывшие противники продемонстрировали, что не прячут ничего дурного. Вид голого Бутятина полностью убедил инопланетян в чистоте помыслов представителей Земли.

Дальше все было просто. Высокие договаривающиеся стороны, уже полностью одетые, перешли в зал переговоров, где подписали договор о вечной дружбе и сотрудничестве.

Через месяц Джеймс Хиггинс рапортовал генеральному штабу об удачном контакте. Все закончилось благополучно. Капитан Хиггинс получил адмиральские погоны, и до конца жизни не покидал Землю. Лингвист «Поиска-18» был награжден высшей наградой межзвездного флота «Золотое Солнце». Он уволился в отставку с персональной пенсией, и тоже в космос больше не летал.

— Вот и вся история. — Мой собеседник допил пиво и поставил кружку на место.

Уже к середине рассказа я перестал дуться на своего случайного знакомого. А к концу и вовсе попросил бармена принести ему еще кружку за мой счет.

— Нет, нет, — сказал я. — Вы не рассказали самое интересное. Как же сложилась дальнейшая судьба главного героя истории, этого, как его, Бутятина? Ведь по сути дела он является спасителем человечества!

Рассказчик посмотрел куда-то в сторону, помедлил и произнес:

— Я слышал, его наградили орденом Серебряной Кометы.

— Негусто для такого героического поступка. — Я рассмеялся. — Интересно, а какова была формулировка в наградном листе?

— Очень короткая: «За действия, предотвратившие начало галактической войны».

— Что ж! Имея такой послужной список, он, наверное, сделал отличную карьеру?

Мой собеседник вздохнул и поднялся с табурета.

— Видите ли, на флоте есть своя традиция. Там невозможно утаить правду.

Тяжелой шаркающей походкой откровенного неудачника незнакомец направился к выходу. Когда он открывал дверь, луч солнца осветил его сутулую фигуру и отразился от ордена Серебряной Кометы, приколотого к лацкану потрепанной куртки.

ЗАПАХ УДАЧИ

Сигнал общего сбора я услышал в колодце охладителя третьего реактора.

Услышал и удивился. Общий сбор — это «тревога». А для тревожных сигналов наше дельце слишком тщательно продумано. Как и любое другое. В команде я не первый год. Знаю, о чём говорю. «Смерть ошибкам!» — известный девиз Капитана. Наверное, поэтому мы зовём его Смошем. Впрочем, в судовой роли написано тоже самое — Капитан Смошенко. Любить не обязывает, но за неуважение может убить. В порядке исполнения девиза.

Вторым после Смоша в нашей команде числится Вит. Он же Виталий, — электрик Божьей милостью. Хотя подружка его, Василиса, сестра Смоша, другого мнения: пьяница, бабник и разгильдяй. Только неправда это. Работает Вит всегда трезвым. И какой же он «разгильдяй»? Самый дисциплинированный человек в экипаже: в порту захода всегда тормозит у ближайшей ночлежки и до самого старта бороды своей оттуда не показывает. Пока мы с Тунгой за час до вылета за ним не придём, с места не трогается. Склад стеклотары под кроватью и недовольная оплатой девушка — не в счёт: собирается он быстро и по первому зову. В том смысле, что не упирается и никогда не возражает, чтобы я отнёс его на корабль.

Вот только, вчера он был чем-то недоволен. Дёргался и всё порывался куда-то идти. Тунге даже пришлось ему на башке чего-то придавить. Мануальная терапия, о! А после этого давления — как отрезало. Даже посапывал. Дитя звёзд...

Кстати о Тунге, — Роман Кабилов. Хвастает, что тунгус: рожа плоская, нос картофелинкой, хитрый прищур близоруких глаз. Только кажется мне, что никакой он не «тунгус», а обычный китаёза: низенький, плотный и очень крепкий. Особенно по части медицины и двигателя. Собственно, кабы не он, вряд ли мы куда-то полетели. Очень, знаете ли, вряд ли...

Ну, и, чтобы вас уже со всеми познакомить, коротко о себе: Ян, фанат чистоты и порядка, ответственный за корпус и всё, что не имеет отношения к навигации и локомоции: от камбуза до гальюнов. Всегда на подхвате: маршал кисточки и краски. Чтобы, значит, кишки корабельные услаждали взор, не шумели и не пахли.

Ян — это моё настоящее имя. Без всяких сокращений, намёков на пристрастия или происхождение. Так что в экипаже — самый уважаемый человек. Ко мне всегда обращаются только по полному имени: «Ян, какого чёрта в сортире воняет»? «Ян, когда жрать будем»? «Ян, коллектор охлаждения в пятом отсеке плачет»...

И вроде взрослые люди, а простых вещей не понимают: какой «стол», такой и «стул». Дайте денег на свежие продукты и вонять не будете. А на слёзы трубопроводов пенять и вовсе несправедливо. Лохань-то наша — не заводская сборка: ни документов, ни страховки, ни регистрации. Что называется: до первого инспектора. Но это никого не беспокоит. Потому что такой план.

Корабль мы два года из утиля собирали. Сами. Отсюда и уверенность, что в узлах и механизмах электронные стукачи-шпионы не прячутся. Те самые, что всякому встречному докладывают, откуда и с чем судно пожаловало. Поэтому из всей банды кустом-пиплов опасаемся только эмпатов, которые душу топчут, не снимая обуви, на предмет сепарации агнцев от волчар. Ложь в момент просекают. Ну, а после них уже полиция дознаёт, если твоя сказка — ложь, то на что намекает? И сколько за такой намёк уголовным кодексом предусмотрено.

Только зря я это. Не к добру... Едва половину перегона осилили, час назад на торможение развернулись, а я уже о таможене. Гиблая примета. Но мне можно. Поскольку — псих. Нет. Справки у меня нет. Это я сам себе такой диагноз поставил. Мне проще себя упрекать в скудоумии, чем Создателя. Не хочу верить, что наш мир изначально дурдомом задумывался. Понимаете?

Но о вере — после. «Тревога», всё-таки...

А вот и кают-компания. И все уже в сборе: Смош, Тунга, бородач Вит. Я — последний. Ещё бы: кораблик маленький, а путь долгий. Что не удивительно, если соотнести мои габариты с диаметром колодца, из которого пришлось срочно выбираться. А причину переполоха с порога вижу — не Вит это. Хоть и бородач. Рост, одежонка, бородачка... всё, как у Вита, а сам витопад постарше нашего электрика лет на двести будет. Как же это мы перепутали?

Смош револьвер на дедушку направил, но смотрит на нас с Романом. Станный такой взгляд: кают-компания — тридцать кубов ни литром больше. От меня до Тунги метра три. Считаю, по углам рассредоточились, а Смош как-то на нас двоих смотреть ухитряется.

Нехорошо смотрит. Строго. Зло.

— Вы кого принесли, биндюжное племя?

— Э... — сказал Роман.

Как-то смело это у него получилось. Нервничает, наверное. А ещё врач.

— Положим, Тунга слепой. Но ты-то Ян? — гнёт своё Капитан. — Кто это такой?

На этих словах дедушка встрепенулся:

— Ничехирианиус, ювелир, — сказал он, горделиво приосаниваясь — Тридцать лет отшельничества в глубоком космосе. А это мои помощники и ученики...

Незнакомец плавно повёл рукой к пустому креслу в углу отсека:

— Сызрань Кохонсио, — он повернулся и глянул сквозь меня на дверь. — А это Юрий. Наш трюм ломится сокровищами, господа. Долгие годы кропотливой работы. Этот бесценный дар мы хотим предложить вашей планете за вполне умеренную плату...

— Делириум тременс, — пробормотал Роман. Видно, на своём, тунгусском.

Только я и без перевода вижу, что «белочка». Теперь вопрос — чья? Как же это я старика вместо Вита на борт пригласил? Разве что борода и одежда... А в ночлежке полутемно, в целях интима. Чтобы им, значит, уютней было своими делами заниматься...

Смош убрал револьвер и шагнул к незнакомцу:

— Документы есть?

— А как же?! — приветливо улыбнулся дед. — Сызрань, подай документы...

Смош залез ювелиру во внутренний карман куртки и вытащил туго перетянутый шнурком пакет.

— Ян, обыщи его. Лучше позже, чем не вовремя...

— Наши сердца наполнены страхом и тревогой, — пожаловался дедушка. — Мы в ужасе от мысли, что наш труд может не получить должную оценку...

Пока я хлопал старика по карманам, он успел поведать мне об «изнурительном жаре ювелирных тиглей», об «ослепительном сиянии голубых солнц», о «тоске по холоду ночи, одаривающей отдохновением усталые глаза»...

— Свою скудную пищу мы приправляли радостью творчества и восторгом перед безграничной фантазией человека...

Капитан, отчаявшись справиться с тугим узлом, положил пакет на стол, достал нож и перерезал шнурок. Его самоуправство было замечено:

— Осторожней, господа, эти документы помнят Империю! Времена, когда люди знали толк в прекрасном и могли его достойно оценить...

Он продолжал тихо тошнить за нашими спинами, что-то о филигранном литье и тонкой чеканке, а мы склонились над ворохом ветоши, и вправду напоминающей документы имперских времён: лицензия на ювелирные работы, диплом об окончании академии искусств, свидетельства, грамоты...

— Я ещё раз спрашиваю, как он оказался у нас на борту?

На этот раз Смош на нас не смотрел. Но легче от этого вопрос не становился.

— Да все вы есть как один бродяга! — закричал Роман. — Я ваще плохо вижу: борода его? Роба, пьяный... За борт и концы в вакуум.

— Ян?

Я не стал юлить. Я не тунгус.

— Хрен его знает, товарищ командир. Только дедушку за борт нельзя, не по-божески.

— Как скажешь, — сказал Смош, тронутый моей искренностью. — Ладно. Что Господь послал, шлюзовать не будем. Запри старика в изоляторе и возвращайся. Обсудим. Дело серьёзное.

Разумеется, я с места не двинулся. Только подумал, хорошо бы ещё уточнить, куда именно Господь дедушку «послал»? Сбивались мои худшие опасения относительно своего места в жизни...

— Ах, да! — смекнул капитан. Я и говорю: в экстремальной ситуации он очень быстро соображает. — У нас же нет изолятора...

Смош глянул мне в лицо. Лишь на мгновение я перехватил его взгляд, но как-то сразу прочувствовал, что у него на уме.

И про расход топлива понял, что если вернёмся за Витом на Трясунию, то лететь за золотом будет не на чём. И обещания Вита припомнились, что любая налаженная им схема будет готова к эксплуатации вечно, пока какой-нибудь идиот не надумает её включить...

— Ладно. Летим с этим, Нич... хер... как его там?

— Анус, — угодливо подсказал Роман.

Подлиза тунгусская!

— Ничехирианиус, ювелир, — встрепенулся дедушка. — Тридцать лет отшельничества в глубоком космосе. А это мои помощники и ученики: Сызрань Кохонсио...

Мы ещё раз глянули на пустое кресло в углу кают-компания.

— А там Юрий, — кивнул на дверь Смош. — И твой трюм ломится сокровищами...

— Верно, — благодушно согласился ювелир. — Долгие годы кропотливой работы, знаете ли. Бесценный дар по приемлемой цене...

— Верните его в каюту Вита, — распорядился Смош. — И дай старику успокаивающее, Тунга. Чтоб не шлялся по коридорам. Пусть спит. Я ведь со страху его едва не пристрелил...

Не знаю, чего там Тунга ему вколол, только за ужином мне не показалось, что Нич осознаёт, где находится и что с ним происходит.

На вечер я приготовил лобию, благо фасоли и томата было в избытке. Шипчандлер божился, что консервы изготовлены в этом столетии, но я не верил. Потому был удивлён отсутствию жалоб, а что добавки не просили, воспринял, как должное.

Дед рассказывал о кризисе творчества и катастрофе жизненного пути. Ювелира с его двумя учениками ограбили неподалеку от Трясунии, куда они направлялись на ежегодную ярмарку украшений. В портовой ночлежке оказался

случайно: «добрые самаряне подбросили до цивилизации, заплатили за неделю поста, и убыли по своим неотложным делам». В этом месте его рассказа мы переглянулись, подумав об одном, — не исключено, что «добрыми самарянами» были те самые разбойники, которые отобрали у него судно. А навели на ювелира его же ученики. Запросто! Мало показалось, вот и подставили учителя...

Но старику мы ничего не сказали. Не хотели его расстраивать.

Роман задремал рядом со своей тарелкой. Я осторожно, чтоб его не разбудить, привёл в порядок стол и вымыл посуду. Потом собрал консервы к завтраку, который мне предстояло готовить на утро, и отправился к себе в кубрик.

«Завтра уже будем на Златии, — думал я, вытягиваясь на койке. — А оттуда прямая дорога или в богачи, или в тюремную камеру. Забавно: удовольствие разное, а направление одно».

Игра стоила топлива. Судите сами: платиновые острова посреди океанов расплавленного золота.

Эльдорадо открыли десять лет назад. Биржевые люди сложили «два и два» и планету немедленно закрыли на карантин: истребители-перехватчики, автоматы-убийцы, минные поля на побережье и спутники-невидимки, готовые поднять тревогу при малейших признаках человека на поверхности. Ещё бы: только начни промышленную разработку золота, и ценовой эквивалент цивилизации пойдёт по цене застывшего кефира.

Так что я не обижаюсь. Понимаю, не маленький: золота в чужих карманах мало не бывает.

Златия, небольшая, но чертовски тяжёлая планетка, находилась в опасной близости от звезды и быстро крутилась вокруг своей оси. Собственно, на её суточном вращении и основывался план Капитана. Приливные силы гнали волну в океане расплавленного золота до пяти сотен метров высотой.

Вот и вся идея, никаких посадок и прятков с карантинной службой. Заходим на дневную сторону, пристраиваемся к приливной волне и снимаем «пенку» волшебного коктейля: брызги, отделяясь от волны, немедленно «замерзают», становясь лёгкой добычей нашего трала. Всё зависит только от тренировки и слаженности работы команды. За этим нас и понесло на Трясунию: регулярные «моретрясения» и низкие температуры прекрасно моделировали «замерзание» пены золотой волны Златии. Два месяца мы отрабатывали сбор льда с гребней цунами, готовясь к полёту на дневную сторону золотой планеты. Что и говорить, — тошнилковка...

Эх! Думаете, нам не хотелось опустить трубу в расплавленное золото? И качать, качать... качать до вздутия. До треска трюмных шпангоутов. До сферического опузыривания оболочки...

Но такое удовольствие требовало стационарного оборудования. А это значило высадку на поверхность, температура которой больше тысячи градусов.

Это другая стоимость затратной части.

И другие «игры» с карантинном.

Они, знаете ли, могут и стрельнуть. И, частенько, попадают... да.

Наверное, я уже засыпал. Потому что ясно видел ослепительный, огромный диск светила в пепельной дымке оловянных облаков. Тяжёлый гребень гигантской волны роняет бархатную пену из червонного золота в сияющую багровым бездну. Безбашенный серфер Смош ведёт судно перед самым валом, чуть ниже его бурлящей вершины. Роман следит за горизонтальным положением сборника, в который сыпется золотой град. Вит направляет поток «градин» к оранжевому зеву печи, и уже оттуда пудовые маслянисто-жёлтые бруски поступают на склад.

Дальше моя работа: уложить, распихать, закрепить... чтобы озолотить каждый литр нашего трюма. Ответственная работа! Ведь «улов» своей тяжестью может разнести кораблик на куски...

Только тревожен мой сон.

Вит?

Он же остался на Трясунии! Кто станет вместо него к печи?

Тревожился я напрасно: муфельная печь не работала.

Посмотреть на лицо Смоша я не мог — потел в трюме. Но что-то мне подсказывало, что Капитан был не очень доволен: теперь мы не могли выделить золото из расплава и не надеялись на «плотную» загрузку трюма.

Работал я в магнитных башмаках. Так что стоял на ногах достаточно твёрдо. Палуба играла в салки с потолком, кажется, проигрывала, но я не обращал на их баловство внимания. И без этого голова болела.

Раструб нагнетателя отрывал золотую семечку. Я натягивал на штуцер пятилитровые пакеты, плотно крепил их за горловину, а потом, по наполнении, снимал и укладывал мешки по возможности плотнее и устойчивее. Что на деле означало: «в навал» и лишь бы не вываливались из-под уплотняющей ткани прикрученных к палубе паллетов. Гранулы, которые просыпались при переустановке пакетов, летали вокруг меня в соответствии с пируэтами корабля: тёрлись о пневмоуплотняющую ткань и норовили меня ударить или оцарапать.

Я был готов к этому: каска, прозрачный щиток перед лицом, комбинезон из ударопрочной ткани с высоким воротом. Перчатки, ботинки...

В общем, было не холодно. Было тепло. Очень. А потом стало невыносимо жарко. Пот выедал мне глаза, а я ничего не мог с этим поделать.

Вскоре я сообразил, что тренировки на Трясунии сводились к погрузке льда, а здесь у меня в руках было едва остывшее золото. Отсюда и перегрев. Кроме того, на тренировках двадцатилитровые пакеты весили меньше двадцати кило, а сегодняшние пятилитровые — почти сто. И эта разница меня убивала.

Вскоре я понял, что пропал.

Достаточно было лопнуть одному лееру или треснуть стягивающей ткани, и мешки с рудой сделают из меня отбивную. А гранулы из раструба нагнетателя похоронят мои останки, чтобы не травмировать психику экипажа изуродованным трупом неудачника.

Мне стало страшно.

Сама идея упаковки гранул во время их приёмки на борт мне показалась идиотской: почему не оставить, как есть? Пусть себе сыпется! Дальше трюма не улетит. Но потом я вспомнил, что с переменным центром тяжести Смош не сможет точно выводить звездолёт под гребень. У Тунга не будет возможности ловить пену, а Виту ничего не поступит на вход печи... Чёрт! Нет же Вита! И печи нет!

И ведь понимаю, что должен чувствовать обиду. А не чувствую. Интересно, да? Я завидовал ему. Василиса — неземное существо. Эфирное.

Когда она говорила, всё что я мог — это тупо стоять рядом, наслаждаясь звуком её голоса, запахом её духов. А она только фыркала и немного меня стеснялась...

Над Витом она не смеялась. Бранила — да, и не раз. Но никогда не смеялась. Если бы такая девушка, как Василиса, была влюблена в меня, я бы не стал пьянствовать в портовых борделях. Впрочем, я и сейчас не пьянствую. Ни в борделях, ни рядом с ними...

Когда трюм был загружен на треть, я понял, что уговариваю себя бросить эту затею. Мне было очень жаль, но я физически не мог выполнить эту работу. Укладывая очередной мешок под уплотнитель, я был уверен, что не пойду за следующим. Но раструб нагнетателя стоял в полушаге от выхода из трюма. Наверное, поэтому, проходя мимо, уже твёрдо решив идти к двери, я вновь поворачивал к полному мешку. Я убеждал себя, что этот — последний, снимал пакет, брал на хомут горловину и шёл с ним к паллете. Минуты превращались в мешки, мешки в паллеты, а по высоте укладки можно было судить о том, сколько осталось до конца смены.

Глаза боялись, а руки делали.

На последней трети трюма я заплакал.

Мне было больно.

Плечи, руки, спина... Я и сам полагаю себя сильным. Рост — два десять, вес — сто двадцать... Лёжа от груди двести? Запросто! Такая большая и сильная глупость...

Но сейчас я был раздавлен работой.

Слёзы смешивались с потом, и глазам становилось легче. Я подумал: «Вот дурак! Если бы сразу заплакал, сберёг бы зрение». А так даже не разобрать: не вижу из-за того, что ослеп, или потому что пластик щитка запотел?

Но снять шлем было невозможно: Смош по-прежнему крутил свои «бочки» и «петли»... гранулы бомбардировали моё тело частой барабанной дробью, и я уже не различал отдельных ударов. Без каски и щитка моё лицо давно превратилось бы в кровавое месиво.

Почему-то вспомнилось, как пять лет назад я познакомился с Капитаном.

Мы встретились на Слякости. Поздняя осень или ранняя весна... всё зависит от настроения и темперамента. И наше знакомство состоялось именно по «осадочным» проблемам. Моросил отвратительный холодный дождь, было сыро, мерзко, гадко... я мыл машину, а Смош всё никак не мог взять в толк, зачем я это делаю.

— Кругом болото, придурок! — я и сейчас удивляюсь душевности и такту, с которыми он знакомится с людьми. — Проедешь десять минут и будешь как все, в грязи по уши!

Я выпрямился, отжал тряпку ему на обувь и вежливо ответил:

— Зато эти десять минут я буду ехать человеком, а не как все, — свиньёй.

Он оценил мою фигуру, посмотрел на свои туфли и сбавил тон:

— Но в этом нет смысла!

— А ты знаешь, в чём смысл жизни?

После этих слов он думал не меньше минуты. Я ведь понимал, что его так разобрало: подошёл к придурку, и вдруг сам оказался в дураках. Кому такое понравится?

— Может, тогда скажешь, чем пахнет удача, умник?

Вот, оказывается, что его интересовало! Я рассмеялся. Я и сейчас смеюсь. Истерика. Нервы. Непосильная работа против необходимости её выполнения. И кроме меня — некому. Противоречие! Чем не повод для нервного срыва?

Что может быть веселее безумца свихнувшегося дважды?

Я смеюсь во всё горло. Адреналин делает кровь жидкой, и мне становится легче. Слёзы высыхают, пот стягивает кожу и не лезет в глаза, да и пластик щитка как-то сам собой проясняется, — вон, даже руки видны...

— Удача пахнет потом, — сказал я тогда Смошу. — А ещё кровью и слезами. И безнадегой пополам с безысходностью...

Так я оказался в его команде.

Они частенько посмеиваются надо мной. Что ж, имеют право. Мне и в самом деле с моими подружками: ветошью и кандейкой, как-то легче живётся, свободней дышится. Я готов сутками тереть, маслить, красить... лишь бы всё блестело и радовало взгляд. Лишь бы чувствовать себя создателем; человеком, который делает так, как ему лучше, а не так, как у него получается...

... И вдруг я понял, что уже несколько минут пытаюсь пристроить очередной мешок к последнему ряду. А он не пристраивается. А для следующей паллеты вроде бы и места нет. Я отступил назад и упёрся спиной в переборку: когда? Как? Кто этот титан, который сумел до верху, под трёхметровый подволок закрепить мешки с золотом?

Кроме меня там никого не было. Но я не мог этого сделать. Я бы там умер.

Кое-как пристроив последние два мешка под уплотнитель, вышел из трюма. А когда задраил за собой переборку, понял, что и впрямь умираю. Из носа текла кровь, ноги подгибались, в голове шумело, а желудок настойчиво искал аварийный выход в верхней части пищевода.

Я связался с рубкой и сообщил Капитану об окончании погрузки. Вернее, попытался сообщить: горло саднило. Я что-то сипел, и сам себя понимал через слово. Но Смош услышал. И понял. Палуба выровнялась, а нагрузка на ноги подсказала, что мы отчалили на орбиту. И вдруг стены дрогнули, а я пребольно ушибся, треснувшись задницей о палубу.

Магнитные башмаки жёстко фиксировали стопы, а ускорение, с которым Смош уходил с орбиты, вдавливало меня в пол. Я и не думал сопротивляться. Лёг. Выпрямился. Но легче не стало: колени были подняты, их жгло огнём...

Через мгновение я подумал, что это Смош нарочно меня плющит, за то, что мы мало золота приняли на борт. Я хотел ему крикнуть, сказать, что не виноват. Объём исчерпан. Он ведь сам рассчитывал ёмкость трюма. Больше не взять, — движок не потянет. Но потом мне стало всё равно: от перегрузки стало темно. Я ощутил вес глаз, а щёки вместе с ушами потянулись к затылку. Я испугался, что они вот-вот растекутся по полу. Но через мгновение меня занимало другое: вот уж не думал, что у меня такой тяжёлый язык: ускорение вколачивало его в глотку. Чтобы не задохнуться, я повернул голову и прижался к палубе щекой.

Дышать стало легче, но поворачивать голову, наверное, не стоило.

Пока затылок упирался в пол, я отличал «верх» от «низа». У меня даже были представления о том, что такое «лево» и «право». Теперь же ориентацию перекосило так, что я казался себе мухой, раздавленной на покато́м потолке чердака.

Держать колени ровно не получалось, тяжесть раздвигала их в стороны. Муха? Нет. Скорее цыплёнок... Цыплёнок табака. Здоровенный такой, плоский цыплёнок...

Собственно, на этом всё и закончилось.

Забытье оказало милость. Оно подарило тишину и покой...

В чувство меня привёл Роман.

Конечно, Роман, не «тунгой» же называть своего спасителя!

Он что-то давил у меня на лице, висках, массажировал грудь.

Я поднял руку и ощупал уши, — на месте!

— Встать сможешь? — спросил Смош.

Они помогли мне подняться. Но идти я не мог. Ноги не двигались. Они будто вросли в палубу.

— Он не отключил магниты, — проворчал Смош.

Роман немедленно склонился к моим ботинкам.

— Нас засеки, — неохотно признался Смош. — Пришлось спешить. Ты извини, Ян. Выбора не было...

Кажется, я плохо соображал. Они отвели меня в каюту, и я сразу уснул. То ли устал, то ли Роман укол сделал. Не помню. А может, чудеса его мануальной терапии...

В общем, что уснул — хорошо, плохо, что проснулся: стены по-прежнему хороводили с полом и всё норовили поменяться с потолком местами. На мгновение почудилось, что я оставил свой пост на погрузке. Даже сесть на койке не получилось, — свалился на ковёр. Лёг. Вытянулся и закрыл глаза.

Стало легче.

Стало легче настолько, что с закрытыми глазами удалось залезть в душевую и даже выбраться оттуда! Ступни боле-ли, колени дрожали, и ныло всё тело, но я как-то справлялся.

Так, лёжа на полу и крепко зажмурившись, я оделся в чистое. Потом чуть приоткрыл глаза и сразу расстроился: рабочая куртка серым комом валялась рядом с койкой. Что сняли — спасибо. Но разве можно так с вещами обращаться? Я поднял тяжёлую от пота куртку и тут же её выронил: руки не держали. От малейшего усилия острая боль была по запястьям, и пальцы разжимались сами по себе, против моей воли. Только обняв обеими руками рабочую одежду, я сумел отнести куртку и брюки в бытовку к стиральному автомату. Ориентировался я теперь вприглядку: на мир смотрел сквозь полуопущенные веки, не рискуя во всю ширь распахнуть глаза.

После пяти минут передышки, направился к трюму. Ботинки так и стояли неподалеку от дверей. Вот олухи! Это вместо того чтобы выключить магниты, они освободили захваты стоп и голенищ! Метрах в двух в сторонке валялась каска с прозрачным лицевым щитком. На полу и щитке — брызги крови. Никакого порядка! Как мог, я всё вычистил и протёр влажной тряпкой...

Потому что бардак хуже смерти.

Сперва Господь сотворил порядок, и только потом человека.

Без веры в эту истину, человек уподобляется скотине, которая ест и гадит одновременно... Но о вере я вам потом расскажу. Сейчас мне уборку закончить надо. С минимальным числом падений.

Я вернулся в бытовку и развесил выстиранную одежду в сушильно-гладильном шкафу. И только тогда побрёл в кают-компанию. За новостями.

Смош с Романом обрадовались мне. Хлопали по плечам, ерошили волосы. Оказывается, они ничуть не обиделись за то, что я так мало загрузил.

Я рассказал о проблемах с равновесием.

— Нистагмус вестибуларис, — немедленно перешёл на родной язык Тунга. — Травма среднего уха. Нехрен было головой крутить при пятнадцати g. Потерпи несколько дней. Пройдёт...

— Руки болят, Тунга, — пожаловался я. — Запястья, локти, колени... В суставах будто песок засыпан.

Но он даже не глянул:

— Тендинит, эпикондилит... Постарайся два-три дня ничего не делать.

Вот это «успокоил»! Как же это «ничего не делать»?!

Потом они порадовали меня известием о крепком и здоровом сне нашего гостя. Как только выяснилось, что печь не работает, Тунга вкатал ювелиру какой-то гадости, Нич уснул и его прикрутили к койке. Так и спит, избавляя нас от необходимости что-то сочинять о целях и результатах экспедиции.

Вторая новость была значительно хуже: за нами погнался сторожевик, но, поскольку никаких опознавателей у нас в корпусе не было, быстро отвязался. Возможно, посчитал ложной целью. Эх! Из всех целей люблю быть ложной...

Но хуже всего было то, что из-за неработающей печи мы потеряли треть золота в объёме и столько же в чистоте породы.

— Тридцать тонн... — пряча глаза, сказал Роман.

— Тридцать?! — удивился я. — Трюм забит под завязку!

— Я и говорю, — он покачал головой. — Треть трюма — пневмоуплотнители. А в самом золоте много примесей: платина, иридий. Наверное, в пене собралась тяжёлая фракция. Очень мало серебра и меди...

— Платина, иридий? — недоверчиво переспросил я. — Они не могли быть в расплаве...

— Это половина! — Смош кулаком ударил по столу. — Половина! Я убью его!

Сказать по-правде, я сомневался, что Смош исполнит свою угрозу. От спонсоров предприятия мы как-нибудь отобьёмся. В крайнем случае, сделаем ещё одну ходку или две. А вот от Василисы не откупишься. Везёт же некоторым!

Наверное, Капитан подумал о том же:

— Этого даже наводчику не хватит... — остывая, сказал он. — А ещё нужно высадить деда и забрать Вита.

Я подумал, что это глупо, но сдержался. А вот хмурый Роман молчать не стал:

— Не понимаю. За каким чёртом мы с левым грузом пойдём на Трясунию? Деду всё равно, где мы его высадим. Пусть спасибо скажет, что из запоя вывели. И Виту без разницы: деньги у него есть. Лучше сбросить металл перекупщику, а потом к Виту... Он и не заметит, что мы на неделю опоздали.

— Ты не в теме, Тунга, — скривился Смош. — Повторяю: золота не хватит наводчику. А значит, не будет доброжелательной таможни. А если кустом-пиплы анализаторами установят происхождение? Продолжать?

Нет, такого продолжения мы не хотели.

— Поэтому мы заберём Вита, он починит печь, и мы обогатим руду. Очищенное золото обменяем на топливо, и сделаем ещё одну ходку на Златию, пополним трюм.

Кажется, я застонал, но у них были более важные проблемы:

— А таможня? — спросил Тунга.

— Авось пронесёт... — сказал Капитан, но в его голосе не было уверенности. — Разгрузаться не будем. Оформим транзит и обойдёмся без декларации. Такие развалюхи эмпапы не шмануют, а для технарей мы пустое место...

Он вновь тяжело задумался.

И мы вслед за ним.

Только через несколько минут Капитан повторил:

— Обойдётся... не в первый раз.

Смош опять ошибся.

Не обошлось.

Не знаю, как карантинщики вычислили направление, но к нашему прилёту таможенная служба Трясунии работала по системе «ниппель»: садись по своей воле, а взлетаешь только после досмотра.

Место нам отвели в отстойнике, в самом дальнем конце космодрома.

Не иначе, чтобы помучить ожиданием. Для чего же ещё?

Мы сидели в кают-компании, ждали таможню и совещались с дешёвым портвейном имперского разлива. Сроки светили немалые, сравнимые с выдержкой уксуса, которым нас радовали бутылки почти забытой эпохи. Видимо хоровая меланхолия была причиной тому, что никто вовремя не подумал о закуске...

А потом пришёл Нич.

— Ну, что? Допрыгались, голубчики! — злорадно поздравил нас ювелир. Я вздрогнул. Но, оказывается, речь шла не о контрабанде: — Не знаю, как тут у вас сейчас всё устроено, но в мои времена за похищение людей топили в кислоте.

Я посмотрел на Романа, — вот тебе и «спасибо»!

Но Тунга всего лишь уточнил:

— В какой кислоте?

— Не знаю, — после минутного раздумья признался ювелир и уставился на нашу ликероводочную коллекцию.

— Почему «похищение»? — флегматично спросил Смош.

Мне бы их выдержку! Нам только похищения не хватало!

— Потому что твои громилы, — Нич не сводил глаз с бутылок, — меня насильно унесли из гостиницы. А ты направил на меня пистолет...

— Громилы? — Капитан с сомнением глянул на Романа.

— Это был револьвер, — сказал Тунга.

— Какая разница?! — возмутился Нич.

— Э... — вздохнул Тунга и замолчал. Но мы все смотрели на него, и ему пришлось продолжить: — Это всё-таки не одно и то же.

У меня и до прихода старика кружилась голова, а теперь я и вовсе был готов хлопнуться в обморок. Я не понимал спокойствия своих товарищей. О чём это они толкуют? Тут и без киднепинга вот-вот за ноги подвешат, а с «украденным» ювелиром вешать будут за шею...

— Впрочем, — сказал Нич, — если нальёте стаканчик золотых дел мастеру, возможно, я смягчу своё заявление о вашем произволе.

Смош неохотно взял со стола ближайшую початую бутылку и задумчиво поболтал её содержимым. Я едва не завыл от его неторопливости.

— «Белая», — с заметным сомнением сказал Капитан. — Достойно ли будет мастеру?..

Нич шумно сглотнул и неожиданно признался:

— Будет. После вчерашних посиделок любые чернила подойдут.

Объяснять старику, что с окончания его «посиделок» минуло двое суток и больше тысячи парсек, никто как-то не решился. Смош отмерил ему «Белой». Нич немедленно опрокинул в себя дозу, и, будто по рассеянности, подставил стакан под очередное разлитие.

Только никто и не спорил.

Смош ушёл на камбуз. Было слышно, как грекнула дверца холодильника. Скоро капитан вернулся и с гордостью выложил на стол консервы: тушёнка, грибы, томатная паста. Дурацкое сочетание. И неосторожное. Всё-таки чёрт его знает, сколько лет этим консервам. После моей баро-, хим- и термообработки из мухоморов с поганками салаты готовить можно, а так... я уж лучше в тюрьме пообедаю.

Нич помог Капитану открыть консервы, Роман принёс вилки с тарелками, и как-то незаметно кают-компания вполне цивилизованно зазвучала: звон вилок, постукивание бутылок о стаканы, смех, анекдоты...

Но я тревожился всё больше: в какой бы форме дед не сделал своё заявление, — похищение — это не нарушение карантина, конфискацией и отсидкой не отделаешься...

Через полчаса они справились с припасами Смоша, и Роман отправился за подкреплением. Он принёс бобы, без всякой прожарки утопил их в томате урожая столетней давности, и они съели одну банку. Потом вторую. У меня всё сильнее кружилась голова, я страдал, — кают-компания быстро превращалась в хлев: пустые консервные банки на полу, залитый жиром и водкой стол... это было ужасно.

Наверное, поэтому кроткое тренькание сигнала наружного вызова, принесло мне облегчение. В тюрьме, всё-таки, должно быть чище... и на консервах там, по слухам, не экономят.

Тунга, уронив голову на стол, не шевелился.

Слабак! Что с него взять, — чукча! Или кто он там такой. Не помню.

Смош выбрался из-за стола и зачем-то оттащил Романа к порогу.

Сигнал наружного вызова прозвучал ещё раз. На этот раз требовательно. Вызывающе.

Смош вдавил кнопку разгерметизации, налил Ничу ещё стакан, и зачем-то поменял мне бутылку. Я попытался разобратить, чего это он мне подsunул, — не тут-то было! Этикетка с яркой голограммой забавно плясала перед глазами. Я не мог прочесть название напитка.

По коридору — шаги.

Я отхлебнул. Ну и гадость. Этикетка красивее будет. Даже в таком, неопознаваемом виде.

А кустом-пиплы собой каюту заполняют. До краёв. По самые наши души. Эмпаты-сепараторы. Числом в две единицы. Синяя форма, фуражки, лампасы. И ещё трое вооружённых бандитов. Но эти в беретах. Ясно — на всех фуражек и лампасов не хватило.

Они переступили лежащего в беспамятстве Романа, но так в дверях и столпились. Всё! Место кончилось!

— Кто такие?

Это у них вместо «здрасьте». Вот невежи! Нет, чтоб поздороваться, спросить, о делах, о здоровье... Смош перебрался на подлокотник кресла и нежно обнял меня за шею. Наверное, чтобы этим проходимцам было больше места. Вот ведь какой заботливый! Только мне не до Смоша. Вот сейчас дед встанет. И скажет...

А один из таможенников в меня вглядывается. Всё! Проколотся я. Он ведь, гад, страх мой чует...

И тут дед встал. И расправил он плечи. И сказал:

— Ничехирианиус, ювелир. Тридцать лет отшельничества в глубоком космосе. А это мои помощники и ученики... — Смош теснее ко мне прижался и часто закивал головой: — Сызрань Кохонсио, — Нич отвернулся и махнул рукой в сторону Романа. — А это Юрий. Наш трюм ломится сокровищами, господа. Долгие годы кропотливой работы...

— Вас что-то беспокоит? — поинтересовался у меня эмпат-сепаратор.

— Наши сердца полны тревоги, — смиренно сказал Смош. — Мы в ужасе от мысли, что наш труд может не получить должную оценку...

— Вот оно что... — протянул таможенник.

В дверь просунулся ещё один в фуражке и что-то показал своим коллегам. Лампасолишенцы потеснились, а фуражкообладатели тяжело задышали, разглядывая наши золотые гранулы.

— Ни хрена себе! — сказал кто-то.

— Этот бесценный дар мы хотим предложить вашей планете за вполне умеренную цену, — шагал по своей колее Нич. — Мы готовились к этой минуте тридцать долгих лет...

— Тридцать лет?! — с безмерным уважением сказал один из таможенников.

Его товарищ оказался более практичным:

— Документы есть?

— А как же! Сызрань, подай господину документы...

Смош оставил мою шею и, перегнувшись через стол, передал таможеннику знакомую пачку ветоши.

— Только осторожней, господа, — строго сказал Смош. — Эти документы помнят Империю! Это были времена, когда люди знали толк в прекрасном и могли достойно его оценить...

Но Капитана никто не слушал: теперь таможенники разглядывали бумаги ювелира. А я вернулся к своей бутылке. Как же так? Такая красивая этикетка! И без надписи...

— Водительское удостоверение, техпаспорт? — спросил через минуту кто-то из фуражек.

На него зашикали даже береты:

— Какие документы, Рамзай? Тридцать лет!

— Я вообще не понимаю, как эта блевотина приземлилась! — сказал кто-то из них.

— Что с сокровищем делать? — хмуро спросил Рамзай. — Если оставить, как есть, алкалоиды и не заметят, как трюм растащат. А потом будут жаловаться...

— Это оч-чень хороший корабль, господа, — я решил заступиться за наш звездолёт.

Всё-таки, мы жили здесь два года. Мне показалось обидным, что о моём доме говорят с таким пренебрежением. Я встал, хотел сделать к ним шаг... наверное, чтобы подойти ближе, и уронил бутылку. Руки... я, кажется, уже объяснял, — не держат. Болят. Сильно. Всё болит, ноги, спина, задница... но запястья больше всего. Я наклонился за упавшей бутылкой. Чтобы поднять. Понимаете, тут и так намусорено... но поднять эту чёртову бутылку я не смог. Потому что упал. Мне это показалось странным: столько народа в такой маленькой каюте... откуда же взялось место, чтобы я мог свалиться?

Чей-то недовольный голос сказал:

— Вы можете его посадить на место?

Но прежде чем они меня подняли, я успел взять бутылку.

— Прочтите мне, пожалуйста, что тут написано? — попросил я таможенников.

К моему удивлению, мне прочли.

— Коньяк «Слава Империи».

Мне это показалось добрым знаком.

— Эта слава тем, — сказал я, — кто не убоился изнурительного жара муфельной печи. Кто в ослепительном сиянии голубого солнца думал о холодной...

Я запнулся и замолчал. Вот те раз, — слово забыл! Что же там было?

— Красоте? — предположил один из таможенников.

— Нет! — закричал я. — Не красоте! И вообще это не та бутылка! У меня был портвейн!

Меня усадили обратно в кресло, а Смош важно кивнул:

— Не обращайтесь внимания, господа. Тяжёлый, изнурительный труд пагубно сказался на душевном здоровье нашего друга...

— Вы на нас не сердитесь, — враз присмирив, сказал Рамзай. — Какие-то идиоты хапнули руду Златии и не подчинились приказу сторожевика остановиться...

— Мы же не «вчерашние», — примирительно прогудел второй, поигрывая на ладони нашими цацками. — Это даже не ювелирный сплав...

Я мало, что понимал, но почти любил их. Прекрасные ребята: лучшие годы своей жизни тратят на злых людей, нарушающих экономический баланс государств и целых планет. Рыцари пошлин и квот. Зигфриды, на чьих могучих плечах покоится финансовое равновесие цивилизации...

Я вновь попытался встать. Мне хотелось расцеловать их всех.

Но моя идея почему-то никому не понравилась: таможенники попятнулись, а Смош повис у меня на шее.

— Это он на радостях, — сказал Смош. — У нас давно не было гостей...

— Вижу, что на «радостях»... — пробурчал таможенник.

— Оставь их Нат, — оборвал товарища Рамзай. — Золото не наше, лигатура не та. А посудине и вправду с полсотни лет. Выпивка и закуска, похоже, тех времён...

Нат брезгливо взял двумя пальцами на четверть пустую консервную банку с тушёной. Понюхал.

— Что это?

— Это еда, господа — торжественно сказал Нич. — Угощайтесь!

— Еда? — в тяжелейшем сомнении переспросил Нат. Он достал из футляра на поясе анализатор и сунул датчик в банку. — Ого! Эта «халва» ровесница моей бабушки!

— Это не «халва», — радостно вмешался я. Не обманул-таки шипчандлер! — Это тушёнка...

— Свою скудную пищу, господа, мы приправляли радостью творчества и восторгом от безграничной фантазии человека... — скромно добавил Нич.

— Дурдом! — подытожил Рамзай.

Бойцы немедленно вышли. Какие любезные люди! Смотреть на свинство я бы тоже не стал. Но таможенники не спешили. Нат салфеткой вытирал датчик анализатора. Его товарищи стояли в дверях и неловко переглядывались.

— Что там ещё? — недобро осведомился Смош.

— Надо бы охрану выставить, — угрюмо сказал Рамзай, подбрасывая сверкающие гранулы у себя на ладони. — Растащат ведь всё. Охнуть не успеете.

— Вы можете взять это себе, господа, — по-царски распорядился нашим золотом Нич. — В память о нашей незабываемой встрече.

— Да, — кивнул Рамзай, пряча подарок в карман. — Обязательно выставим. Только имейте ввиду, пока не пройдёте техосмотр, разрешения на взлёт не получите.

— Какой «техосмотр»? — зашипел на него Нат. — После завтрашних торгов они половину наших рейдеров купить смогут...

И тут очнулся Роман. Сперва неуверенно, потом всё быстрее, кряхтя и поскуливая, он приподнялся на четвереньки, проворно переполз через комингс и скрылся за стеной. Из коридора послышались возбуждённые голоса. Кто-то отчаянно заспорил, хлопнула дверь, а через минуту к нам заглянул один из «беретов»:

— В уборной заперся, — доложил он Нату. — Извлечь?

— Я же говорю — «халва», — заулыбался таможенник. — Оставь. Пусть там сидит. Тут и без него нагажено...

— Даже ядовитые грибы можно кушать, — сказал я. — Если их правильно приготовить...

Вит лежал в ворохе смятой постели, а девица, позванивая пустыми бутылками, разыскивала на полу свою одежду. Но мне было не до неё...

От золота мы и в самом деле избавились на следующий день. То есть, сегодня. Оптовики разобрали наш улов на браслеты, кулоны, серьги... Думаю, если бы мы не торопились, то могли ещё повысить цену. Но и без этого продажа «результатов» тридцатилетнего отшельничества Ничехираниуса десятикратно превысила самые смелые финансовые прогнозы Смоша.

Потому-то я и смотрел на Виталия, а не на девицу. Приятно было видеть человека, который ещё не знает, что проснётся богачом.

Вчера, едва таможенники ушли, мы со Смошем решили внимательнее глянуть на свою добычу и схватились за головы: трюм был забит золотыми фигурками диковинных животных — ракушки, креветки, паучки, рыбки, медузки... Всё безумно всамделишнее, блестящее, красивое. И такого добра сорок пять тонн!

Смош думает, что это планктон Златии. По всему выходит, что не старатели мы, а рыбаки. Больше всего, конечно, стоило злиться на Романа. В конце концов, анализы делал он. Тунгус незрячий! Взял «гранулы» не глядя, распылил на атомы, да и выдал результат: золото с титано-иридиевой лигатурой. А ведь это жизнь!

Они-то все довольны: Вит, когда проснётся, Смош, Роман. Ничехираниус счастлив: и от комиссионных, и что весь следующий улов пойдёт под «крышей» его ювелирной школы. Это они так со Смошем сговорились.

Что ж. Наверное, это хорошо. Им лучше знать. Но мне грустно.

Наверное, я — дурак, если не радуюсь... даже наверняка: кому ещё так «везёт»? Отправлялись за сырьём, а собрали изделия — диковинных зверушек на две трети из золота с ноготь величиной... Мечта коллекционера!

Только жаль мне этих замёрзших обитателей Златии. Плавали себе, ныряли в золотой волне, нежились под ласковыми лучами голубого солнышка... и вдруг, прилетели какие-то дураки из космоса и собрали всю эту пляжную компанию на украшения для себе подобных придурков... Неправильно это.

И ещё об одном жалею, — так и не успел вам о своей вере рассказать. Но об этом, наверное, в другой раз. Хочу тут за Витом немного поубирать.

Потому что свобода, — это когда делаешь то, что считаешь нужным, а не то, что само собой получается.

ЗЕМЛЯ 3000.

Я спустился вниз по трапу межпланетного рейсового лайнера и вдохнул полной грудью земной воздух, пропитанный запахом сгоревшего топлива и паленой резины. Легендарная колыбель человечества оказалась довольно лёгкой планетой и после моего родного дома Артикуса, где повсеместно имело место 1,5G, самочувствие было превосходное. В полной мере насладиться и проникнуться торжественностью момента мне помешал предупредительный андроид-носильщик, аккуратно забравший мои чемоданы, поэтому пришлось, стараясь не прыгать от непривычной гравитационной постоянной, семенить вослед за ним к зданию космопорта, где мне предстояло пройти обычную процедуру любой цивилизованной планеты — таможенный досмотр.

Вокруг бурлила жизнь и в людской разноголосый гомон иногда врываются чьи-то радостные возгласы. Друзья встречали друзей, родственники родственников, а туристов навряд ли встречали андроиды. Но этот факт не вызывал во мне огорчения, поэтому я прилежно демонстрировал окружающим свои тридцать два, стараясь не выпадать из всеобщей картины радости и душевного подъёма.

Земля. Сколько историй о ней было услышано мной в детстве от покойного деда, который прожил здесь большую часть своей жизни, сколько души и восторга вкладывал он в свои воспоминания, что у меня просто захватывало дух. И я твёрдо поклялся, что должен непременно увидеть своими глазами зеленеющие поля и леса, почувствовать вкус морского бриза на губах, увидеть море и то, как догорающий пламенный диск тает в волнах, а следующим утром возрождается из пепла, разгоняя остатки сумерек... А также ещё много вещей, которых невозможно увидеть на Артикусе. Дома у меня холодно — в любое время года царит суровая зима, и белый цвет с голубоватым отливом превалирует над всеми остальными. Тем более что без специальных защитных очков и снаряжения выйти на открытое пространство не представляется возможным — минимальная температура воздуха колеблется в пределах минус 120 градусов по Цельсию. Приятного мало, но при всём этом я там родился и дорожу своей маленькой Родиной, принимая её такой, какая она есть.

Пока андроиды-таможенники осматривали мои вещи, меня проводили в кабинет, на котором красовалась красивая табличка «Визовый контроль». Контроллером оказался приятный толстяк с пышными бакенбардами и героическими усами. Он мне предложил присесть, угостил сигарой и разложил передо мной необходимые документы, требующие подписи. Пока мои глаза бегло просматривали, а руки заполняли бумажные формы, он объяснял мне основные аспекты правовой системы, которой в данный момент руководствуются земляне. Надо заметить, что она не сильно отличалась от правовой системы Артикуса. Разве что немного странным показался «Закон о рекламном праве», подразумевающий право на рекламу любого частного лица или организации в строго ограниченные временные рамки. Он даже привёл эти рамки — с девяти утра и до девяти вечера.

Я всё добросовестно подписал. Вежливый толстяк напоследок по-отечески похлопал меня по плечу и подарил пухленький томик «Свода Законов планеты Земля», взамен взяв с меня слово, что я непременно с ним ознакомлюсь в самые кратчайшие сроки. К тому же ко мне был приставлен личный андроид-телохранитель, представившийся именем Лаков. На том и порешили. Мы поспешили на улицу, где Лаков поймал роботакси и, загрузив чемоданы в багажник, отправились с ветерком в отель.

По дороге я узнал много нового от нашего механического водителя. По правде говоря, его энергичный монолог вызывал только уважение:

— Вы ведь турист, неправда ли? Наша замечательная планета принимает несколько миллиардов туристов в год. И, поверьте, никто не уезжает разочарованным. Да и как можно оставаться безразличным и бесчувственным, когда вокруг такая красота! Поглядите, вон те высотки из железобетона и стали стоят уже несколько столетий и простоят ещё столько же. А разнообразнейший спектр услуг, который предоставляет туристам гостеприимная Земля, вызывает только восхищение. У нас есть всё, начиная от искусственных половых органов и заканчивая миниатюрной жевательной нанорезинкой. Кстати, не желаете угоститься энергетической карамелькой?

Робот-таксист протянул мне на раскрытой ладони горсть конфет, завёрнутых в прозрачный тонкий пластик. Я вежливо поблагодарил и взял одну.

— С вас 2 кредита.

Я едва не поперхнулся. Карамелька действительно бодрила.

— Разве вы мне их продали?

— Именно. Согласно пункту шесть «Закона о рекламном праве» — «всякий материальный предмет, предложенный представителем рекламного агентства и принятый по обоюдному согласию потребителем, имеет несомненный денежный эквивалент и за него полагается соответствующая компенсация согласно действующему прейскуранту цен».

Я растерянно оглянулся на Лакова.

— Всё совершенно на законных основаниях. — Безразличным голосом подтвердил он.

Пришлось доставать бумажник и отсчитывать необходимую сумму. Шофёр, как оказалось, являлся действительным представителем частного рекламного агентства «Лорамель», это подтверждало любезно предъявленное мне удостоверение. Напоследок он мне набил карманы рекламными проспектами, которые, к счастью, распространялись на некоммерческой основе.

Затем мы выгрузились и поднялись по мраморным ступеням в холл отеля, минуя робошвейцара, распахнувшего перед нами створки дверей. Нас встретил целый оркестр андроидов, интенсивно проигравший бравурный марш, прославляющий сеть отелей «Роботехник». Затем мы под громкие аплодисменты пробрались сквозь эту толпу, взяли ключ от номера у портье и поднялись в свой номер на гидролифте. Лаков оставил меня в одиночестве, когда началась распаковка чемоданов, и попросил не беспокоиться — он всё время будет дежурить у дверей. Ну и ладно. А то в последнее время чрезмерное внимание роботехники к моей скромной персоне уже порядком начинало раздражать.

Номер оказался довольно комфортабельным. Я закурил и приоткрыл окно, из которого открывался вид на замечательный густой сад. Благоухание трав и фруктовых деревьев приятно тревожило обоняние, и с моего лица не сходила глупая улыбка блаженства. В дверь вежливо постучались, и мне почему-то пришло в голову, что это Лаков. Но интуиция на этот раз меня подвела. В номер вошёл робот-официант, кативший перед собой прекрасно сервированный столик с невообразимым разнообразием блюд. В предвкушении прекрасного ужина, я потёр руки и, вооружившись ножом и вилок, приступил к принятию пищи. Робот, к моему удивлению, не уходил, поэтому пришлось обратиться на него внимание. Его металлическое выражение лица выражало благожелательность.

— Какие ещё будут пожелания, мсье Алексеев? — Предупредительно проворковал он на французский манер.

Прожевав нечто неописуемо вкусное и запив это дело глотком вина, я ответил:

— Хотелось бы завтра сходить в магазин, торгующий рыболовными снастями, чтобы купить удочку и прочий инвентарь. У вас есть на примете подходящий?

— Конечно. — Широкая улыбка робота вызывала симпатию. — Уверен, вы обрадуетесь разнообразию ассортимента и сделаете правильный выбор.

— Вот и отлично.

Я продолжил уплетать вкусный ужин.

— Мсье Алексеев, — снова обратился ко мне робот, — а вам случайно не требуется набор бритвенных принадлежностей?

— К сожалению — нет, я прихватил свои.

Надо заметить, что робота несколько не обескуражил такой отказ и в последующие десять минут он продолжил активно мне предлагать все мыслимые и немыслимые предметы гигиены, начиная от шёлковой туалетной бумаги и заканчивая расчёской с невидимыми нанозубчиками, виртуозно расписывая все прелести товара и его высокое качество. Его назойливость начинала утомлять. К тому же предлагаемый товар из категории «Предметы гигиены» плавно перешёл в категорию «Невероятно, но факт».

— А гидрофон с восполняющимся образом цикличности?

— Пожалуй, нет.

Робот деланно вздохнул и предпринял последнюю попытку:

— Возможно, вас заинтересует самовозгорающийся источник радости?

Я отрицательно помотал головой, ручной хронометр мелодично звякнул, возвестив о 21.00 и робот, церемонно поклонившись и пожелав спокойной ночи, вышел в коридор. Приятная усталость заставило меня поскорее отойти ко сну.

Я открыл глаза.

— Здравствуйте, — проговорил сочным контральто андроид, расположившийся у изголовья моей кровати.

От неожиданности я вздрогнул, вскочил, прикрылся подушкой и постарался забиться в самый дальний угол своей кровати. Мама дорогая! Их здесь было не меньше десятка. Все поголовно держали в руках удочки и распахнутые чемоданчики с рыболовными принадлежностями, вежливо улыбались и пожирали меня своими зрительными рецепторами. Надо заметить, что мой личный телохранитель Лаков стоял в сторонке и молча наблюдал за этим безобразием, не предпринимая никаких попыток разогнать этот «несанкционированный митинг».

— Какого чёрта... — Попытался было перейти в наступление я, но тщетно.

— Мсье Алексеев, не бойтесь и не спешите возмущаться. Сейчас ровно девять часов утра, а согласно всемирному «Закону о рекламном праве», предлагать услуги можно начиная с этого времени и до двадцати одного ноль ноль. До положенного срока мы старались обезопасить ваш сон и для этого активировали распылители звука. Сейчас мы их выключим, и вам предстоит кратковременный период адаптации к непривычному фоновому шуму.

Пока я пытался найти подходящие контрдоводы, включился звук. Как оказалось — за открытым окном весело щебетали птички, шумели деревья, под потолком гудел кондиционер, а возле тумбочки истерично голосил непонятно как оказавшийся там сверчок. Возможно, мне показалось, но в его пении слышались возмущённые нотки. Ещё бы! Всю ночь его, беднягу, нещадно глушили чёртовы механические благодетели.

Я нашарил ногой тапочки, одел халат, и попытался протиснуться сквозь это вавилонское столпотворение к дверям ванной комнаты. Мне это удалось, правда, кто-то из механических друзей наступил мне на ногу, а кто-то больно ткнул концом спиннинга под ребро. Когда я уже вышел на финишную прямую и до заветной комнаты оставались считанные шаги, пара андроидов сцепилась в клубок у порога и, скрепя сочленениями, принялась волтузить друг друга, пытаясь таким нехитрым способом выяснить очерёдность своего рекламного выступления. Остальные андроиды с интересом повтыгивали зрительные рецепторы для лучшего панорамного обзора и принялись помогать советами дерущимся. Я аккуратно переступил через кучу-малу, закрыл за собой дверь на замок и затравленно огляделся. Раковина, унитаз, ванна, полочки с гигиеническими принадлежностями, полотенца на крючках и коврик у ног. Под потолком ви-

села круглая лампа с закрытым абажуром, стены были покрыты керамической плиткой песочного цвета, а я всё искал роботов, которые могли в самый неожиданный момент прервать мой утренний моцион. Их не было. Вот и славно.

Я почистил зубы, мельком отметив, что на конце зубной щётки встроен маленький объектив. Впрочем, он нисколько не мешал, поэтому дело быстро подошло к развязке. Бриться мне нравилось старым дедовским способом — опасной бритвой. Сполоснув лицо холодной водой и сняв с крючка полотенце, я, вытираясь на ходу, открыл дверь ванной. И в испуге отшатнулся. Роботы торжественно выстроились полукругом возле двери и протягивали ко мне по два своих манипулятора, держа в одном злополучные удочки, а в другом зубную пасту с труднопроизносимым названием.

Когда мне удалось выпроводить всех этих механических коммивояжеров за дверь, мой инвентарь обогатился прекрасным спиннингом, набором крючков, коробочкой с красными калифорнийскими червями и тюбиком с зубной пастой, а мой бумажник значительно уменьшился в объёме. Вослед за предприимчивыми дельцами я отправил и Лакова, к которому в виду последних событий стал испытывать некоторую антипатию.

У меня созрел план и для его воплощения лишние глаза совершенно ни к чему. Даже искусственные. Через несколько минут крепко связанная верёвка из добротных простыней была выброшена в окно, и я спустился по ней в сад.

Найти укромное местечко для рыбалки было делом техники — ещё вчера по дороге в отель мною был замечен старый, заросший парк с небольшим прудом. Густые заросли кустарников надёжно скрывали моё присутствие. Я закурил, нацепил на крючок самого упитанного американского червячка и, ловко закинув прицепленную наживку, весь отдался отдыху.

Сизые клубы табачного дыма лениво возносились к облакам, поплавок застыл при полном безветрии, а моё внимание привлекла небольшая зелёная лягушка, расположившаяся на камне неподалёку от меня. Симпатичная такая лягушка, обыкновенно-земноводная, но меня тревожило, что она пристально пялилась в мою сторону немигающим взглядом. Ну и ладно.

Время пролетело незаметно. В небольшом ведёрке, которое я предусмотрительно прихватил с собой, уже плескалось штук пять разных рыбок, классифицировать которые я затруднялся. Огненный диск солнца клонился к горизонту, и, похоже, стоило задуматься о возвращении в отель. Небось, Лаков с ума сходит от неведения, куда же мог запропасться его подопечный. Представив себе его обескураженную механическую физиономию, я усмехнулся.

— Покайся, брат, — прогнусавило соседнее дерево.

От неожиданности я вздрогнул, повернул голову и изумлённо на него посмотрел. Старая древесная кора на уровне моего лица плавно преображалась, и вскоре на меня смотрело благообразное лицо старика с пышными, непрерывными волосами и бородой, которые струились по стволу и незаметно сливались с простой корой.

— Чево?

— Покайся, брат, ибо грядёт возмездие, и Звезда Полынь уже окрасила воды в красный цвет.

— Ты — живое?

— Не совсем. Я всего лишь геномодифицированное дерево с модуляцией голоса и вложенной в меня программой. Меня начало мелко трясти.

— Не обращайтесь на него внимания, молодой человек, — дребезжащим детским голосочком проворковала приглянувшаяся мне лягушка. — Старик спятил довольно давно, а затем служба технического обслуживания про него попросту забыла, вот в его заржавевших мозгах и выработалась эта упаднически-религиозная концепция мира.

Я зло сплюнул и стал собираться, а спятившее дерево продолжало нести всякую религиозную околесицу. Когда всё было готово, я тепло попрощался с лягушкой, пожалуй, единственным роботом на планете, которому ничего от меня не было нужно, поэтому её предназначение так и осталось для меня загадкой, и быстрым шагом направился в обратный путь.

Дорога в гостиницу не заняла много времени. Молчаливый Лаков сухим кивком головы приветствовал моё появление в окне и величественно удалился, прикрыв за собой дверь. Видать, обиделся. Ну да и чёрт с ним — и так настроение испортилось.

Я быстренько принял душ и забрался под одеяло, выключив в комнате свет. На часах было девятнадцать ноль ноль и мне в голову пришла очередная хитроумная мысль оставить всех этих рекламщиков с носом. Но — как же я недооценил противника...

Сначала едва слышный писк стал тревожить мои барабанные перепонки. Пришлось включить свет и искать глазами источник шума. Им оказалось миниатюрное насекомое. Порывшись в памяти, я вспомнил страницу в энциклопедии, где описывалось это семейство двукрылых насекомых. Вроде бы они были озаглавлены как *culex ripiens* — комары обыкновенные.

Противный кровопийца наматывал круги над моей головой и, наконец, сел на стенку. Я ослабил, взял газету с журнального столика и симпровизировал хлопнушку. Затем подкрался к нарушителю спокойствия и размахнулся для удара. Внезапно стена вспыхнула огненными буквами и, выронив газету, я отпрянул. На ней алела надпись «Лучшие товары только у нас! Покупай продукцию компании Лунная соната!» и это было только начало.

В последующие пару часов разнообразные жучки, паучки самым наглым образом носились по моей комнате, громко транслируя рекламные слоганы. Пылали стены, мебель меняла расцветку на яркие рекламные баннеры... Мне удалось сцапать парочку насекомых, и я с остервенением смыл их в унитаз. А механическая феерия тем време-

нем продолжалась. Под потолком стали порхать непонятно откуда появившиеся херувимчики. Они терзали свои арфы пухленькими пальчиками и задорно напевали нехитрые куплеты с рекламным подтекстом.

Когда до двадцати ноль ноль оставалось несколько минут, мои силы были на исходе и мой воображаемый защитный круг был готов дать трещину. А затем в него ворвутся силы зла. Я ждал громогласного окрика «Приведите Вия!», но ручной хронометр мелодично звякнул и всё пропало...

Утро было ясное, солнечное, а я бежал, преследуемый целой сворой рекламных роботов, и уже на таможенном досмотре уплатил по предложенному мне счёту за порчу государственного имущества, то бишь рекламных роботов, которых я неосмотрительно смыл в унитаз. Сумма не сильно ударила по карману — как оказалось, мои зверства были не настолько тяжкими.

А через несколько долгих минут, всё ещё не веря в своё счастье, мои ноги несли меня по трапу межпланетного лайнера. Прости, дед, я тебя очень любил, но восторгаться твоей легендарной Землёй просто не в силах. Обыденность её сегодняшнего дня, когда под каждым кустом стоят видеопроекторы, всё роботизировано, геномодифицировано и нахально требует к себе внимания, оставляет желать лучшего.

Положенная согласно билету каюта встретила меня тишиной и покоем. Но недавно приобретённые рефлексы обладали над разумом, и я облазил все закоулки в поисках рекламных роботов. Естественно, они не были обнаружены, и этот факт подействовал умиротворяюще. Я неспешно распаковал вещи, достал со дна чемодана специально припасённый для исключительных случаев томик стихов Суинберна и удобно устроился в комфортном противоперегрузочном кресле. Сервомоторы приятно зажужжали, перестраивая конструкцию кресла под вес и очертания моей фигуры. Пальцы выстучали на пульте подлокотника необходимый заказ, и через мгновение юркий манипулятор уже протягивал мне поднос, на котором стоял запотевший бокал с горячительным напитком.

Промочив горло, я собрался было приступить к чтению, как вдруг завибрировал мой не до конца распакованный второй чемодан. Я аккуратно поставил бокал на поднос, с опаской к нему подошёл и открыл. Оттуда выпорхнул симпатичный андроид, стилизованный под херувимчика картин эпохи Ренессанс. Он мило улыбался, весело трепетал крылышками и ловко перебирал пухленькими пальчиками струны своей миниатюрной арфы. Я ласково и нежно ухватил его за набедренный ремешок двумя пальцами.

— Послушайте, — начал было он...

— Да, да? — Я был в данный момент само воплощение доброжелательности, квинтэссенцией Добра в чистом виде. Впрочем, впечатление наверняка испортила злорадная ухмылка на моём лице. Аккуратно его придерживая, я набрал заказ. Когда он увидел, что именно мои пальцы выстучали на пульте, его доброжелательная мина мигом слетела с ангельского личика.

Я потянулся за молотком.

КОНКУРС **«Чип — мой мозг»**

ПИСЬМО ИЗ ДОЧИПОВОГО ДАЛЁКА

Привет Вовчик! Чё — не узнал? Это ж я — Вовчик! Не понял? Короче: я — это ты! Я пишу письмо самому себе. Завтра я иду имплантировать себе чип в мозги, так что моя беззаботная, независимая жизнь закончится, и наступят трудовые будни. Пишу тебе это письмо, на случай если чип заклинит, и придется маяться в поисках своего второго я. Вообще-то такое случается крайне редко, там тройная защита, но мы с тобой люди нестандартные, всякое может случиться. Поскольку тебе уже наверняка спрограммировали новую версию случившегося, я кратко изложу тебе свою историю вопроса. Мне отец рассказывал, что еще где-то в начале 21 века стали обсуждать вопрос вживления чипов в память человека, чтобы избежать многочисленных ошибок, упростить процесс образования, увеличить производительность... Все это фигня — просто нам приказали прогрессировать. Вот индейцы до Колумба жили себе в Америке и не тужили. Даже колеса не знали. То есть дети — то знали, были у них игрушки с колесиками, а вот взрослые — ни-ни. Ну, испанцы как наехали — вмиг все поправили: и колеса у них завертелись, и металл выплавлять стали и торговлю с Европой наладили. А теперь вот приказали нам всем быть умными. Вживляй чип — и говори на всех языках мира, разбирайся в любой технике или там философии, в общем, ты — супермен. А без чипа, ты экзамен на аттестат зрелости не сдашь, за руль не сядешь, на работу не возьмут. Изгой, одним словом, инвалид. Надо тебе сказать, что с этими чипами все не так просто получалось сначала. Вообще-то человеческий организм все инородные тела отторгает. И чипы эти — не исключение. Когда первые опыты по вживлению делать стали, то у многих раздвоение личности получалось. Потому, что нервная система человека — очень сложная штука. Помнится, какому-то французскому капитану голову отрубили, за какие-то проступки. Так он, чтоб спасти своих солдат, без головы промаршировал перед строем. Пари такое заключил с королем, промарширую — помилуешь! Я это к тому, что нервная система, даже и без головы может работать. А тут какой-то чип. Нормальная нервная система его вмиг вычисляет и перестает ему подчиняться — отторгает. Как пересаженный орган. Поэтому, чтобы отторжения не происходило, приходится всякие медикаменты постоянно принимать. Так же и чипами. Поначалу людей постоянно держали в трансе, с помощью сильнодействующих психотропных препаратов. Только с полностью подавленной психикой человек подчинялся электронному мозгу. Ну, потом методу стали совершенствовать. И чипы адаптировали, и гипноз применяли. Но все равно — сигнал от чипа — это как бы внутренний голос, который постоянно тебе что-то диктует. И все время хочется послать его куда подальше. Ну и детскую психику вся эта шизофрения травмирует. Так что решили чипы эти вживлять нам на совершеннолетие. Ну и пару-тройку лет еще откосить можно. Больным прикинуться или тупым. Я косил на всю катушку, но вот завтра уже все — отступать некуда. Пора уже сдавать экзамен и браться за работу. Вообще то, я пытался сдать этот идиотский экзамен безо всяких чипов. Учил кучу предметов, занимался по старинной методе. Но — бесполезно. На их 1000 вопросов безошибочно ответить может только автомат. Так что иду сдаваться.

Вообще-то народ сдался не сразу. Те, которые в Америке — у них это суперменство в крови — они первые согласились принимать все эти препараты и к психоаналитику каждую неделю. Да они и без чипов так жили! А вот Европа — та — нет: это ж нарушение традиций! Теперь ни в шахматы не поиграешь, ни в гольф. Теперь ведь сразу все умными станут, все смогут рассчитать, предвидеть. Скучно как-то. Ну, начали их стращать, всякими автоавариями, катастрофами. Но все равно — очень сильное противодействие. А в России так вообще никого поймать не могли, что б поэкспериментировать. Народ от этих операций по вживлению всячески отлынивал или сбегал в последний момент. Решили чиповать полицейских — им вроде как по работе необходимо. Но те возмутились: « Мы что, мусора? Подопытные кролики? Вон — на зеках тренируйтесь!» Ну, зеки тоже такой кипеж подняли — еле усмирили. Но — нет худа без добра. Самых буйных как раз и приговорили к чиповке по суду. Присудили до полного исправления ходить с чипом. Очень было интересно наблюдать за этими экспериментами. Стоит такой зек посреди двора с тачкой и внутренне со своим внутренним голосом пререкается. И — ни с места. Пока санитары ему транквилизатор не вколют. А как вколют — подчиняется внутреннему голосу. Но максимум сутки — потом все сначала. Короче — зашли эти эксперименты в тупик. Вроде техническая часть уже доведена до совершенства, а вот практическая — стоит. Продолжалось это довольно долго, пока один остряк в Государственной Думе не вспомнил старый анекдот про ковбоя и внутренний голос, и не предложил адаптировать эти чипы под действие алкоголя. Чтоб, значит, как принял с утра граммов пятьдесят — так сразу и своего внутреннего голоса слушаешься. И предложил он эти чипы алкоголикам вживлять. Чтоб больше не пили. И меньше — тоже. И тут диво дивное случилось на русской земле: все алкаши вдруг стали умными и адекватными, высокоэрудированными и успешными, элегантными и практически трезвыми. И карьере стали делать. И в Думу пролезли. И законы о всеобщей очиповке всего прочего населения пропихнули. Ну, а дальше уже и по Европе покатило. Немецкие патриоты в своем Бундестаге закон протащили, чтоб без бутылки пива и чипа в голове ни к какой работе не приступать. То есть главное, конечно, пиво, но раз прогресс требует — согласны и на чип. Там и все прочие винопроизводители подтянулись — французы, итальянцы, испанцы. Свершилось триумфальное шествие всеобщей чипизации по Европе. Теперь прежде чем за руль садиться — обязательно должен принять. Специальный алкометр в машине установлен — если трезвый — машина не заводится. То есть не едет — машины — то электрические. А заправляются они только алкогольными напитками, на вкус владельца. Зато аварий на дорогах вообще не стало. Чип всю ситуацию на дороге просчитывает, с другими участниками связывается — и никаких недоумений. Ну, если только какой трезвый, неочипованный и на велосипеде... Но их вылавливают и принудительно, по суду чипуют. Теперь вот и до меня очередь дошла. Отловили. На велосипеде. Такие дела...

Я этот текст распечатаю и спрячу в разных местах. Что-то не доверяю я этой технике. Если откажет, то может наткнусь, случайно. Хоть буду знать, где я и что со мной случилось. Привет тебе из каменного века, Вовчик! От самого себя!

1 марта 2056 г.

Барон Мюнхгаузен славен не тем, летал или не летал, а тем, что не врет!

Главный редактор

Гудко Александр

Директор

Пономарев Сергей

Дизайн обложки

Эдуард Стиганцов

Авторы

Алексей Зайцев
Араик Багдасарян
Владимир Васильев
Сергей Васильев
Кристина Вильгельми
Владимир Голубев
Сергей Говоров
Алексей Дуров
Евгения Халь, Илья Халь
Алексей Карелин
Сергей Криворотов
Владислав Кузнецов
Олег Марковский (Папа О.)
Александр Андреев
Сергей Удалин
Евгений Якубович
Владимир Яценко
Эдуард Стиганцов
Владимир Мясников

Вёрстка

Елена Шишова

Редсовет

Сергей Казиник
Евгений Якубович
Алексей Калугин
Леонид Шифман
Сергей Удалин

© 2010 Фантаскоп

Любое использование и цитирование материалов данного электронного издания без письменного согласия правообладателя не допускаются и преследуются по закону.

Правовым сопровождением проекта «ФАНТАСКОП» занимается ЮА «Правовед»

www.fw.ru

Издательство «Логотип»

Сайт проекта: www.fantascop.ru, fantascop.pf

E-mail: info@fantascop.ru

ISSN 2219-6552 (The press)
ISSN 2220-2781 (The electronic edition)

Аэроклуб Первый Полет

1polet.ru

Юридическое
Агенство
«ПРАВОВЕД»

1w.ru

podfm^{MD} еженедельный
аудиожурнал

podfm.ru

ISSN 2219-6552 fantascop.ru